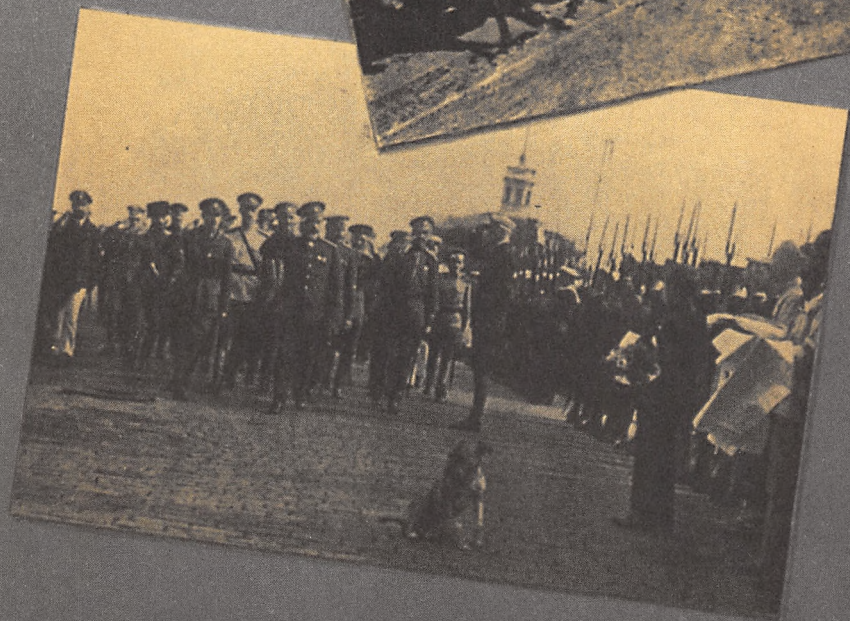
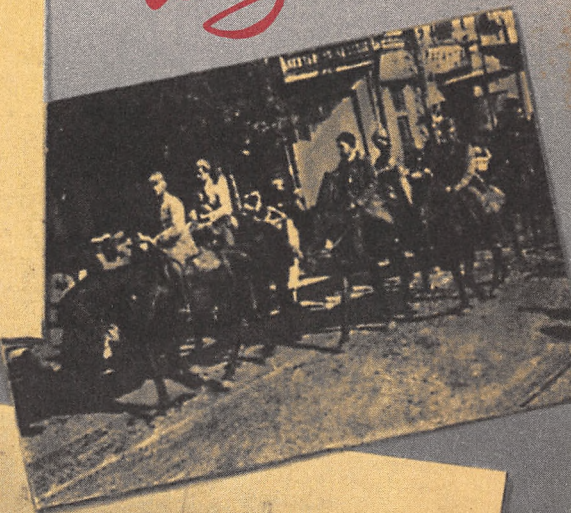
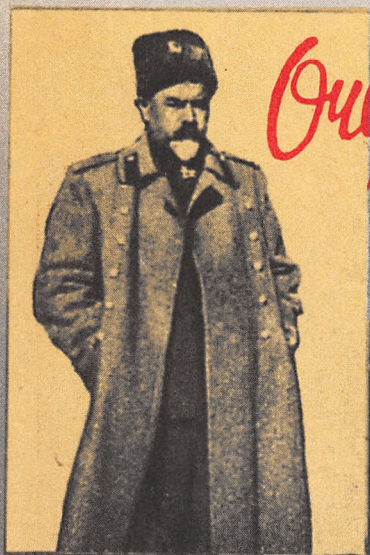

А.И. ДЕНИКИН

*Очерки русской
аушты*

А.И. ДЕНИКИН

Очерки русской
литературы

Москва «Мысль» 1991

ББК 63.3(2)712
Д 33

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ИСТОРИИ СССР

Автор предисловия доктор исторических наук
Н. Ф. Бугай

Вот так, просто, можно сегодня читателю, придя в библиотеку, взять все пять томов написанных генералом Антоном Ивановичем Деникиным «Очерков русской смуты». Совсем недавно нужны были и для специалистов особые разрешения, да и находились эти труды за пятью замками.

Время гласности, время нашего прозрения, открытий важно и для истории.

История, мой взор чего-то утаить боится, я обращаюсь в твои бойницы.

«Очерки русской смуты», принадлежащие перу русского генерала Деникина,—это тоже взгляд в историю, в ее бойницы, знакомство с минувшим более чем семидесятилетней давности. Ценность и привлекательность «Очерков...» состоит в том, что они содержат многое из истории нашей Родины доселе неизвестное широкому кругу читателей.

Цель настоящей публикации — проследить ход мыслей одного из крупных русских военачальников того периода и показать его оценку исторических событий, свидетелем и активным участником которых он был. И как он, возглавляя всю русскую контрреволюцию на Юге России, оценивал социалистическую революцию, какими были его, а также его сподвижников взгляды на гражданскую войну.

Читатель, прочитав предложенную книгу, сможет сам увидеть, что представляли собой силы, стоявшие по различные стороны баррикад, и как они оценивались военными людьми высокого ранга, когда решался вопрос: быть или не быть власти Советов?

Можно ли обойтись сегодня без чтения подобных книг, книг авторов, которые то ли в силу своих убеждений, то ли в силу каких-то других причин не смогли быть вместе с нами, с нашим обществом? И да, и нет. Чтобы знать нам самих себя, наверное, все-таки надо обстоятельно ориентироваться в своих делах, глубоко в них разбираться и представлять и знать другую сторону — своих противников, их воззрения, оценки тех, кто возглавлял контрреволюцию. Ведь и в том

лагере была своя организация, свои планы, надежды, но, не имея поддержки со стороны главной силы — народных масс, они оказались обреченными.

Суровым испытанием стала для зарождавшейся Советской республики гражданская война, и она действительно явилась «своеобразной огненной межой, прошедшей по всей стране, по каждой семье, перепахавшей привычный уклад жизни, психологии и судьбы людей».

Знакомство с «Очерками русской смуты» даже в таком сокращенном варианте, в каком они представлены в настоящей книге, помогут ощутить это состояние, глубже понять расстановку сил, сражавшихся за революцию и против нее.

Читатель имеет возможность в кратком изложении познакомиться не только с основными мыслями Деникина как военного стратега, но и с тем, как протекали события в России в предреволюционное время и непосредственно в дни революции, в годы гражданской войны.

Однако, читая эту книгу, не забывайте, что все-таки она принадлежит перу деятеля из лагеря, враждебного советскому строю, выступавшего далеко не за гуманистические идеи, которые были провозглашены на заре Советской власти, когда предполагалось строить самое светлое общество на нашей Земле. Эта книга написана человеком безусловно умным и образованным, со своим миропониманием. Он четко осознавал свои цели, имел свои идеалы и воевал за них.

Немного о самом авторе «Очерков». Если обратимся к энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983), то сведения о А. Деникине весьма схематичны, да и поданы скупо. Более подробно представил биографию русского генерала историк А. И. Козлов¹. Им же и внесены некоторые изменения в наши представления о Деникине как личности, о его детстве, о становлении как военного.

А. И. Деникин — выходец из средних слоев российского общества. Отец его находился на службе в армии 25 лет, дослужившись до звания младшего чина, и в возрасте за 50 лет поступил на службу

¹ См.: Козлов А. И. О Деникине, Корнилове и этой книге: Предисловие к книге: Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Ростов-на-Дону, 1989. С. 3—24.

в бригаду пограничной стражи, где выбился в офицеры, дойдя до звания майора. В 1872 г., когда ему было 65 лет, у него родился сын, которого нарекли Антоном, затем последовали и другие дети. Детство Антона Деникина связано с деревней Шпеталь Дольный, что расположена у г. Влоцлавска Варшавской губернии.

Отец вскоре умер, положение в семье было трудным. Да и могла ли мать, занимавшаяся стиркой белья господ офицеров, вдоволь накормить и одеть семью?

Несмотря на трудности, дети получили образование. В 1889 г. Антон, закончив реальное училище, поступает в военное училище, а в 1895 г.— в Военную академию Генштаба. Здесь его постигла неудача — временный перерыв, служба в армии. Однако уступать неудачам не было в характере молодого Антона Деникина. Вторая попытка. Выдержав вступительные экзамены, он все-таки поступает в Академию.

Шли годы учебы. Академия готовила высших командиров русской армии. В их числе был и Антон Деникин. По своим политическим воззрениям, как замечал и сам Деникин, он «принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны. Это мировоззрение я донос нерушимо до революции 1917 г.»².

Таким пришел Деникин к революции 1917 г. Однако в 900-е годы прошлого века судьба Деникина складывалась следующим образом. В 1899 г. после окончания Академии, он был введен в состав Генерального штаба, участвовал в войне с Японией (начальник штаба дивизии, командир отряда), а с 1910 г. командовал полком, в 1914 г. получил звание генерал-майора. Весьма заметным было продвижение его по службе и в годы первой мировой войны. Участвуя в войне, А. Деникин в апреле—мае 1917 г. был начальником штаба верховного главкома, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Был он, как известно, заключен и в Быховскую тюрьму. Бежал. Избирался членом Донского гражданского совета. Являлся одним из

² Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 96.

организаторов Добровольческой армии (с 13 апреля 1918 г.—ее бессменный командующий), с 8 октября — главком. С 8 января 1919 г.—главнокомандующий вооруженными силами Юга России и один из организаторов похода на Москву летом — осенью 1919 г. 4 января 1920 г. указом Колчака был объявлен верховным правителем России. В марте 1920 г. возглавил им же созданное Южнороссийское правительство. После разгрома белогвардейцев с остатками армии эвакуировался в Крым. Всю власть на Юге России в начале апреля 1920 г. передал барону Врангелю. Затем последовала жизнь в эмиграции.

Юг России — особая страница в жизни русского генерала, да и не только его жизни. Деникин писал, например, о генерале Алексееве: «Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточными районами, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой, для того чтобы собрать там оставшиеся стойкие элементы офицеров, юнкеров, ударников...»³

28 мая 1918 г. в станице Манычской на встрече руководителей армии Деникина и донского казачества, как замечает Краснов, Дон обязался «снабдить Добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом»⁴. Деникин возлагал большие надежды на южные районы страны.

Здесь же, на Юге, Деникину пришлось столкнуться весной 1918 г. и с интересами германского империализма. Деникин, безусловно, имел свое отношение как к кайзеру, так и к его генералам. Он всячески декларировал свою непримиримость к оккупантам, однако в то же время понимал зависимость его армии от германского империализма, понимал, что, активизируя вместе с белоказаками вооруженную борьбу против Советской власти, сковывает силы Красной Армии и объективно становится прямым пособником империализма.

Тяжелое положение Советской власти на Юге России в 1918 г., слабость Северо-Кавказской республики (утверждалась 5 июля 1918 г. на Северокавказском съезде Советов), отсутствие опыта у только что сформированных вооруженных сил Советской Республики

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Вып. 2. Берлин, 1922. С. 156.

⁴ Архив русской революции. 1922. Т. 5. Берлин. С. 202.

на Юге России, несомненно, способствовали отдельным успехам Деникина. Он представлял серьезную угрозу существованию власти Советов.

На Дону и Северном Кавказе Советской власти приходилось сражаться сразу на нескольких направлениях: германском — в районе Батайска, белоказачьем — на линии Егорлык — Мечетинская — Торговая, против специально высадившегося немецкого десанта на Таманском полуострове, а также против Добровольческой армии Деникина.

Обстановка осложнялась и тем, что Северо-Кавказской армии приходилось вести ожесточенные бои с верхушкой терского казачества во главе с Бичераховым. Участие частей Красной Армии в боях против бичераховцев отвлекало значительные силы от основного фронта борьбы с Деникиным. Ситуация сама предопределила успех Деникина. Бросив предварительно на штурм Екатеринодара шесть дивизий, он 16 августа занял город. Силы контрреволюции имели существенный перевес. В последнем номере «Прикубанской правды» (16 августа 1918 г.) читаем: «Под городом уже грохочут пушки. Враг окружает нас. Наши славные революционные войска вынуждены отступить, ибо у нас мало патронов, мало снарядов... Но пролетариат непобедим, временный успех белой армии скоро сменится ее разгромом и полным торжеством социалистической революции».

Таким образом, после ожесточенных боев в конце 1918 г. на Юге России, в частности на Кубани, многие районы временно оказались под игом Добровольческой армии, возглавляемой ставленником Антанты генералом Деникиным. Военно-террористическая диктатура белых, установленная на Кубани, означала восстановление буржуазных порядков, возвращение земель крупным землевладельцам и предприятий их прежним владельцам.

Деникин продолжил «белое дело» своих предшественников, генералов Корнилова и Алексеева. Застонала кубанская земля.

Трудно приходилось Деникину в его стремлениях подчинить своей воле неукротимый дух казаков-черноморцев, которые населяли в основном Таманский и отчасти Ейский отделы. А глава Кубанской рады Филимонов не без огорчения докладывал Раде 26 февраля 1919 г. о том, что в Таманском отделе дезертирство не

поддается никакому описанию. «Что делать?! — в отчаянии восклицал Филимонов. — Никакие доводы, убеждения, призывы не имеют успеха».

Деникинскому режиму не помогали даже штыки. Большие неприятности преподносил Таманский отдел. Белогвардейская газета «Вольная Кубань», освещая военное и политическое положение на Тамани, называла отдел «котлом бесперывного движения на Кубани».

Станицы Тамани яростно выступали против деникинского режима. Позже Деникин признавал сам, что Тамань будоражила весь край, всех кубанцев. Об этом наглядно свидетельствовали и приведенные им данные о численности кубанцев в его армии. Если в конце 1918 г. они составляли 68,7 процента, то в конце 1919 г. — только 15, а в начале 1920 г. — менее 10 процентов.

В ярость приводили Деникина донесения о политическом положении в Таманском отделе, поступавшие к нему от разведки. В конце концов с целью учинения окончательной расправы он послал в Таманский отдел войска с аэропланами.

Гнев народных масс нарастал с каждым днем. По признанию «Вольной Кубани», очагами большевизма, главными распространителями большевистских идей при деникинском господстве являлись станицы Крымская, Славянская, в значительной степени Старо-Титаровская, город Темрюк, станица Тамань. Газета писала: «Большевистская агитация, видимо, была там поставлена великолепно».

Работа большевистского центра, направляемая подпольным областным комитетом партии, давала о себе знать. Правда, следует отметить и большую роль, которую сыграли коммунисты пролетарской Керчи в борьбе трудящихся станиц Тамани против белогвардейщины. Эмигрантский историк К. Н. Соколов, описавший «Правление генерала Деникина» (София, 1921), свидетельствовал: «Если в Анапу главный путь распространения большевистских идей лежал через Новороссийск, то в Тамань он проникал главным образом из Керчи. Керченским матросам-коммунистам принадлежал приоритет».

Боевые действия партизанских отрядов устья Кубани, оперировавших под руководством подпольных большевистских организаций, оказывали большую по-

мощь главным силам Красной Армии, ослабляя силу деникинских армий.

Англо-французский империализм подал руку Деникину, чтобы защитить прежде всего свои огромные капиталы, вложенные в экономику России, и это правильно осознавали уже в 1918 г. видные партийные деятели. Вот именно в этом «причина их (империалистов.— Н. Б.) движения сюда, но вовсе не защита прав малых национальностей, как в этом они уверяют»⁵,—заявлял С. И. Кавтарадзе, выступая на одном из съездов народов Терека. Империализм всеми силами старался сокрушить Советскую власть, подорвать ее позиции на юге Советской Республики, и генерал Деникин вносил своими действиями немалую лепту в реализацию принимаемых мер. 19 января 1919 г. войска Деникина заняли Пятигорск и устремились дальше—в Кабарду. 10 февраля 1919 г. деникинцами был занят центр Терской области—Владикавказ.

В феврале, как свидетельствуют «Очерки русской смуты», глубокий кризис переживала контрреволюция Дона. Генерал Краснов ушел в отставку. Деникин не пропустил этого случая. Пост Краснова занял ставленник Деникина генерал Богаевский. С целью сохранить остатки развалившейся Донской армии, а тем самым и укрепить свои позиции на Дону Деникин перебросил освободившиеся войска с Северного Кавказа в Донбасс и на Маныч. Продвижение Красной Армии было приостановлено и в этом районе края. Таким образом, Советская власть на юго-востоке страны просуществовала недолго: в Ростове-на-Дону—3, в Екатеринодаре—6, в Новороссийске—8, в Пятигорске—10, во Владикавказе—более 11 месяцев. Вплоть до апреля 1920 г. на территории Северного Кавказа свирепствовала контрреволюция.

Несмотря на упорное сопротивление народных масс, армия Деникина рвалась к сердцу Советской Республики—Москве.

Сегодня можно сказать и о многих неудачах, и об отсутствии опыта, и о неорганизованных действиях Красной Армии. Это было важной причиной, почему к осени 1919 г. под игом Деникина оказалась огромная территория: бо́льшая часть Украины, Крым, Северный Кавказ, часть Курской, Орловской и Воронежской

⁵ Съезды народов Терека. Т. 2. Орджоникидзе, 1978. С. 254.

губерний. В начале июля 1919 г. Деникин объявил директиву о походе на Москву. Над Советской Республикой нависла смертельная опасность.

Содержание «Очерков» свидетельствует о том, что, действуя таким образом, армии Деникина, безусловно, опирались на помощь: с востока на соединение двигались войска адмирала Колчака, с севера наступала армия генерала Миллера, польская армия вторглась в Литву и Белоруссию. На конец зимы 1919 г. общая численность иностранных войск в России составляла уже около 130 тыс. человек⁶. Были увеличены размеры поставок вооружения армиям Деникина. Только за февраль — март 1919 г., по данным деникинского управления по снабжению, в Новороссийский порт от стран Антанты поступило 1840 пулеметов, 33 200 винтовок, 64 орудия, свыше 90 млн патронов, 211 000 снарядов, 72 грузовика. В апреле — мае было доставлено грузов для Добровольческой армии еще на 54 пароходах⁷.

К этому времени расходы Англии на армии Деникина уже составляли 100 млн фунтов стерлингов, Франции — 40 млн франков, США — 15 млн долларов. Если в 1919 г. Англия прислала в распоряжение Деникина 200 пушек, то к началу 1920 г. эти поставки составили 550 орудий и около 700 тыс. снарядов. Транспорт «Сарагоса» в январе 1920 г. доставил деникинцам 500 тонн оружия. В марте в Новороссийск были доставлены еще 12 английских танков⁸.

В последующем некоторые историки будут рассматривать столь щедрую помощь Англии Деникину чуть ли не в качестве главной причины его поражения. Так, германский историк Ирмхард Эрхорн, анализируя личные просчеты и ошибки стратегии и тактики Деникина, писал, что поражение его (Деникина.— *Н. Б.*) и в том, что «Англия, поддерживая Деникина, направляла его в ненужное русло, мешала ему в создании сильной армии на Северном Кавказе и тем самым повинна в том, что Красная Москва смогла проникнуть на изможденный Кавказ»⁹.

⁶ См.: *Васюков В. С.* Предыстория интервенции. М., 1968. С. 250.

⁷ См.: *Гюев М. И.* Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984. С. 128.

⁸ См.: *Соколов Т.* Интервенты на Кубани. Краснодар, 1957. С. 12.

⁹ *Erhorn I.* Kaukasien. Berlin, 1939. S. 77.

Большую помощь армиям Деникина оказывали Соединенные Штаты Америки. Только в июле — августе 1919 г. они послали 200 тыс. снарядов, 401 100 пар сапог, 2658 тюков кожи, 28 паровозов, 28 тыс. винтовок, свыше 3 млн патронов, около 200 тыс. шинелей¹⁰.

Таким образом, армия Деникина была сильна за счет не только проведенной поголовной мобилизации населения, но и щедрой помощи Антанты, поставившей белогвардейцам танки, вооружение и снаряжение более чем на 250 тыс. человек¹¹. Существенную материальную помощь оказывали Деникину и контрреволюционные правительства Закавказья.

Весной Добровольческая армия уже вела бои на территории Донской области, все дальше продвигаясь на север. Ее силы достигли 77 тыс. человек, из них 35,5 тыс. — пехоты¹². Путь армии лежал на Москву, цель — задушить Советскую власть.

Деникин проявил себя не только как крупный военачальник старой армии, но и как политический деятель, ориентировавшийся в тех сложных перипетиях борьбы между различными группировками не только в мировом масштабе, но и непосредственно на Юге России, в Закавказье, на Северном Кавказе.

В целом же британские власти на Кавказе предпринимали всяческие усилия, чтобы склонить государства Закавказья на сторону Деникина, т. е. воевать на стороне его армии. За определенные посулы лидеры закавказских правительств, призывая на словах к борьбе против Деникина, на деле поддерживали его материально и морально. Англия активно и открыто выступала против всякого проявления антиденикинского движения на Кавказе. Руководство британских сил посылало правительствам Закавказья одно за другим заверения в том, что Деникин не будет угрожать неприкосновенности Грузии и Азербайджана, призывало обрушить гонения на большевиков, которые ведут борьбу против него. В захваченных районах деникинцы установили жесткий режим террора и насилий, особенно страдало гражданское население.

И конечно же повсеместно были ликвидированы возникшие после революции органы власти трудового

¹⁰ См.: Носкова В. Н. Против ставленников Антанты. М., 1972. С. 43.

¹¹ См.: Соколов Т. Указ. соч. С. 141.

¹² См.: Кин Д. Деникинщина. Л., Б. г. С. 46.

народа — Советы, исполкомы, чрезвычайные органы — революционные комитеты (ревкомы). А. Деникин, отзываясь о ревкомах, созданных согласно Положению ВЦИК о революционных комитетах от 24 октября 1919 г., назвал их «надзаконными органами»¹³. Однако печальная участь постигла и те органы, которые создавались на территории страны согласно Конституции РСФСР 1918 г., советы, исполкомы.

В срочном порядке было утверждено Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добрармией. Себя же Деникин объявил Верховным главнокомандующим Юга России.

Особый интерес представляет вопрос об отношениях между Деникиным и казачеством. Не сразу оно уяснило свою роль в этих сложных процессах развития революции. Однако казачество стремилось уйти из подчинения Деникину и создало свои областные правительства, чем, как известно, вызвало его недовольство. Долго сопротивлялись Деникину кубанские самостоятели. Но он расправился и с ними.

Главной опорой Деникина являлись помещики, земледельческая и крупная торгово-промышленная буржуазия, связанная с иностранным капиталом.

А. Деникину принадлежала вся полнота государственной власти. Всеми делами на юге страны ведало специально созданное Особое совещание при ставке Деникина (ОСВАГ), которому подчинялись главноначальствующие и губернаторы. В его ведении действовали различные политические организации типа Совета государственного объединения России (СГОР), деятельность которых была направлена на свержение власти рабочих и крестьян — Советов. Эти же цели преследовал и возникший в Екатеринодаре осенью 1918 г. кадетский Национальный центр.

Система управления Деникина основывалась на массовом терроре. Повсеместно расширялась деятельность военно-полевых судов и карательных экспедиций. Карательные отряды проходили по селам и станциям, расстреливали и избивали тех, кто выступал на стороне Советской власти.

Содержание «Очерков русской смуты» не только раскрывает военную сторону деятельности русского

¹³ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Вып. 2. Париж, 1932. С. 200.

генерала, но и свидетельствует о его усилиях в организации государственной власти на Юге России, в проведении своей национальной политики. Этим вопросам уделялось мало внимания в советской исторической науке, хотя авторы и обращались частично к этим сюжетам.

В силу необходимости Деникин вынужден был обращаться к национальному вопросу. Он возникал при строительстве армии — формировании национальных частей, их использовании, привлечении офицеров из коренных национальностей. «Война, во всяком случае, — писал Деникин, — опрокинула всякие перегородки, а революция принесла и в порядке законодательном отмену всех вероисповеданий и национальных ограничений»¹⁴.

С национальным вопросом командованию Добровольческой армии пришлось столкнуться, когда она непосредственно соприкоснулась со многими народами в районе действий на Северном Кавказе, в Закавказье, Крыму и на Украине, где, как пишет А. Деникин, «примиренное русской властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид разноплеменное население... заволновалось»¹⁵.

В «Очерках...» мало говорится о позиции командования Добровольческой армии по отношению к этим народам, нет свидетельств о бесчинствах, избиении розгами тех, кто пытался протестовать против произвола. Всюду действовали гражданская стража и комендатуры.

В Екатеринодаре, Майкопе, Армавире, Темрюке и других городах Дона и Северного Кавказа учреждались специальные комиссии, призванные привлекать к суду рабочих и крестьян, принимавших участие в революционной борьбе.

За сопротивление деникинским властям только в селах Северной Осетии было расстреляно 1300 человек. Из 12 тыс. горцев Дигории около 2 тыс. были расстреляны, а аулы разграблены. Только в с. Дигора полностью было разрушено 113 строений¹⁶.

В Новороссийске уже в сентябре 1918 г., по данным различных источников, было расстреляно около 400

¹⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 128.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 177—178.

¹⁶ См.: За власть Советов в Северной Осетии. 1917—1920 гг. Орджоникидзе, 1957. С. 221.

красноармейцев, 500 человек, подозреваемых в причастности к большевизму¹⁷. А рабочих, как сообщалось в газете «Правда» от 15 октября 1918 г., было уничтожено до 12 тыс. человек. В Майкопе в течение первых дней оккупации было убито около 4 тыс. человек, а спустя две недели это число возросло до 7 тыс.¹⁸ Тюрьмы были переполнены рабочими, повсюду расстреливались комиссары. Повсеместно проводились аресты. Выжигались целые селения и хутора. В Майкопском отделе в ходе карательных экспедиций был полностью razорен хутор Касаточкин, дотла сожжен хутор Орехов, частично уничтожен хутор Чернышов и т. д.¹⁹

Полный развал и застой переживала промышленность. В городах Кубани и Черноморья царила безработица. Тяжелые испытания выпали на долю рабочего класса. Рабочие обрекались на жалкое существование. Повсеместно разгонялись профсоюзные организации, защищавшие интересы рабочих, запрещались митинги, собрания, урезались права рабочих. Фабрики и заводы возвращались прежним владельцам.

Рабочие городов облагались баснословными контрибуциями. Так, пролетарские районы Майкопа должны были выплатить контрибуцию в сумме 1 млн руб. Всюду царила дороговизна. Например, за время господства деникинцев на нефтепромыслах области стоимость фунта хлеба возросла на 180%, а куска мыла — на 200%²⁰. Аналогичные сведения поступали из других мест. «Рабочие стонут,— писала газета «Правда» 21 сентября 1918 г. о положении в Новороссийске,— все дорого, а заработная плата понижена, содержание стоит 10—12 руб. в день, а заработная плата — от 6 до 7 руб. 50 коп.».

Тяжести налогов легли на плечи крестьян. Их положение было трагическим. Оно усугублялось и тем, что в захваченных Деникиным районах широкое распространение получило деникинское правило об отдаче кре-

¹⁷ См.: Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. С. 290—291.

¹⁸ См.: Джимов Б. Я. Борьба трудящихся Адыгеи за победу и дальнейшее упрочение Советской власти (апрель 1917 — декабрь 1920 г.)//Исследования по истории Адыгеи. Майкоп, 1977. С. 193.

¹⁹ См. там же. С. 194.

²⁰ См.: Лайпанов К. Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 102.

стьянам одной трети урожая зерновых и сена помещикам. В деревне безудержно господствовала земельная спекуляция, реставрировались старые порядки.

Имущественные права крестьянства резко ущемлялись. Они облагались непомерными налогами, а также контрибуциями за поддержку Советской власти. По указанию Деникина население Пятигорска должно было выплатить 200 тыс. руб. в качестве контрибуции, с. Христиановского (Северная Осетия) — 5 млн руб., Ставрополя — 1,5 млн руб.²¹

Население Карачая за невыполнение приказа Деникина о поставке двух батальонов для Добровольческой армии должно было выплатить 1,5 млн руб., поставить 3 тыс. лошадей, 1 тыс. голов скота²². На аулы Кабарды деникинцы определили контрибуцию по 500 винтовок, 100 голов рогатого скота, 300 голов баранов, 100 тыс. руб. деньгами и с каждого аула — по обозу в 50 арб²³.

В октябре 1918 г. жители с. Натырбово Майкопского отдела в порядке контрибуции уплатили 200 тыс. руб., сдали 300 пар белья и 300 пар верхнего обмундирования. В хуторе Яблоновском жители уплатили денежную контрибуцию от 10 до 100 руб. с каждого человека. Контрибуции были взяты со всего иногороднего населения отдела.

По указанию Деникина был введен Закон о трудовой сельскохозяйственной повинности в пределах Кубанского края, согласно которому устанавливалась трудовая повинность и принудительная мобилизация с 1 июля по 1 сентября сельскохозяйственных машин и орудий, а также запасных частей к ним. Самые тяжелые последствия для сельского хозяйства имели бесконечные реквизиции скота.

Летом 1919 г. с Дона и Кубани начался вывоз хлеба в страны Антанты.

Народные массы оказывали достойное сопротивление пройскам деникинцев. Не случайно Деникин даже вынужден был издать приказ по Екатеринодару, согласно которому «офицерам запрещалось ходить по

²¹ ЦГА СО АССР, ф. 302, оп. 1, д. 16, л. 1—2.

²² См.: Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. 1917—1921 гг.: Сб. док. Ставрополь, 1968. С. 118.

²³ См.: За власть Советов в Кабарде и Балкарии. 1917—1920 гг. Нальчик, 1957. С. 178.

городу без оружия»²⁴. С продвижением белых на север в их тылу все шире развертывалось повстанческое движение под руководством местных большевистских организаций. В тылу Деникина широким фронтом проводилась работа по разложению белогвардейского тыла и по созданию партизанских соединений.

С конца 1918 г. одна за другой вспыхивают забастовки в городах Кубани и Черноморья. В октябре прокатились восстания рабочих-железнодорожников. Вспышки недовольства деникинским режимом проявлялись и в 1919 г. почти повсеместно. В сентябре вслед за забастовкой рабочих на заводах, изготовлявших военное снаряжение, вспыхнула вновь забастовка железнодорожников Екатеринодара²⁵.

Ущерб, нанесенный промышленности захваченных районов (на Дону выплавка чугуна и прокат железа в 1919 г. составили всего 45% к уровню 1916 г., почти прекратилась добыча угля, замерла работа металлургических заводов), вызвал забастовку пролетариата. В начале 1919 г. мощная стачка прокатилась на заводах Ростова-на-Дону, Таганрога, на шахтах Александровско-Грушевского района и др.

Активную поддержку рабочим оказывало крестьянство станиц, хуторов, аулов Дона и Северного Кавказа. В январе 1919 г. деникинское командование вынуждено было снять с фронта на подавление крестьянских восстаний на Кубани пять рот с пулеметами. Деникинцы учинили дикую расправу над населением. Несмотря на это, крестьянство и трудовые казаки отказывались служить в армии белых²⁶.

Наступление Красной Армии, непрочность фронта и ненадежность тыла Добровольческой армии обусловили окончательный разгром Деникина.

Осенью 1919 г. было положено начало решающему и заключительному этапу борьбы трудящихся против деникинщины. Для самого Деникина действительно наступал момент, как замечал В. И. Ленин, когда «приходится бросать все на карту»²⁷.

На рассвете 20 октября передовые колонны Эстонской, Латышской и 9-й стрелковой дивизий вступили

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 79, л. 39.

²⁵ См.: Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. С. 353.

²⁶ См. там же. С. 317.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 244—245.

в Орел. В этот же день Г. К. Орджоникидзе направил В. И. Ленину короткую телеграмму: «Привет из Орла»²⁸.

Деникин был прав, заявляя о том, что удержанию плацдарма в районе Орел — Кромы он придавал особое значение. Об этом будет отмечено и в директивах командования фронтов Красной Армии: «Бои под Кромами и под Орлом принимают ожесточенный характер, противник стянул сюда свои лучшие силы, ночью мы оставили Кромы. Сегодня шла перегруппировка, которая ночью окончится, и тогда вновь ударим для занятия Кром»²⁹. 27 октября 1919 г. Деникину пришлось оставить Кромы. Были разбиты лучшие части белогвардейской пехоты — офицерские дивизии 1-го армейского корпуса генерала Кутепова.

В начале ноября 1919 г. Красная Армия прорвала фронт противника. Победа над Деникиным стала вырисовываться совершенно отчетливо.

В поступавших в центр сообщениях говорилось о начавшихся мятежах среди солдат деникинских соединений, дислоцировавшихся в районе станицы Тихорецкой. 31 октября 1919 г., как сообщала «Правда», казаки наотрез отказались от продолжения борьбы с Советской властью. Сообщалось также, что дезертирство среди армии достигает 50%.

Армия Деникина — это уже была не та армия, которая действовала в 1918 г., — отступала в те районы, откуда начинался ее поход на Москву.

Уже в середине ноября 1919 г. в тылу Деникина «зеленой армией» были захвачены большие территории восточного Черноморского побережья — от Геленджика до Сочи. Активизировали свою деятельность меньшевики Грузии. Антанта делает попытку укрепить власть меньшевистской Грузии над Черноморьем. С этой целью была создана «Черноморская народная республика».

Ростовской операцией Красной Армии завершился разгром основных сил Деникина. Вражеский фронт был рассечен, что облегчало его окончательную ликвидацию. Из всех войск — более 54 тыс. человек — одна группировка деникинских войск отступила на

²⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 361.

²⁹ Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922 гг. М., 1971. Т. 2. С. 365.

Одессу и в Крым, а вторая, наиболее мощная из всех — Донская (37 тыс. человек), Кубанская (7 тыс. человек), остатки Добровольческой армии (10 тыс. человек), изрядно потрепанные и деморализованные, — на Северный Кавказ.

Деникин вынужден был признать, что в тылу «в начале 1920 года, перед нависшей и ожидаемой катастрофой, извращение всех сторон жизни и морали достигло размеров исключительных»³⁰.

Январь — февраль 1920 г. на Северном Кавказе характеризовались решительным наступлением всех армий Кавказского фронта и повстанцев. 29 февраля 1920 г. был освобожден центр губернии — Ставрополь. Взятие его кроме стратегического имело огромное экономическое значение: открывалась дорога к нефтяным районам Северного Кавказа. Начиная с февраля и по конец марта 1920 г. Красная Армия почти полностью освободила Северный Кавказ. Г. К. Орджоникидзе сообщил в середине марта 1920 г. в центр: «События на Кавказском фронте развиваются довольно быстро, в ближайшие дни надеемся иметь Грозный, Владикавказ. Горское население с нетерпением ждет нашего прихода»³¹.

В результате действий Красной Армии и трудящихся масс 17 марта 1920 г. был освобожден Екатеринодар. 22 марта 1920 г. белогвардейцы были изгнаны из Владикавказа, а 27-го — из Новороссийска — военнополитического центра и последней ставки командования Добровольческой армии. В это же время от белогвардейцев было освобождено Черноморье.

И все-таки почему же армия, столь снабженная и имеющая мощную поддержку опытных военачальников, вышколенных в царской армии, в том числе и генерала Деникина, не смогла победить раздетую, разутую Красную Армию? Очень точно и ёмко сказал по этому поводу руководитель «Союза защиты Родины и Свободы» небезызвестный Борис Савинков: «Армии Колчака и Деникина не дали результатов потому, что «доблестные» генералы не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идею нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из

³⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1921. С. 311.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 95, д. 234, л. 95.

книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу»³².

Итак, в конце марта с Добровольческой армией было покончено. Победа над Деникиным вновь сорвала так тщательно подготовленные планы Антанты, рассчитанные на свержение Советской власти. Разгром Деникина коренным образом изменил стратегическую обстановку на Юге России, предопределил полный крах буржуазно-помещичьей контрреволюции. Военное положение Страны Советов изменилось радикальным образом; стало совершенно ясно, что надежды империалистов вооруженным путем раздавить Советскую власть потерпят крах.

А что же сам Деникин? Передав остатки армии барону Врангелю, он отплыл за границу, где находился до последних дней своей жизни, сначала в Париже (с 1926 по 1945 г.), затем в США. За эти годы генерал Деникин осмыслил свой жизненный путь и до мелочей передал его в своих многочисленных мемуарах. Характерен и тот факт, что многих теневых сторон действительности, тех ужасов, которые несла деникинщина, читатель не встретит в книге, да это и понятно, так как цели генерала были другими.

Естественно, что это не научные труды, но они помогают восстановить многие события тех дней, раскрыть вопросы столь сложной проблемы истории гражданской войны, с которой сразу же пришлось столкнуться молодой Советской Республике... Книга закрыта. Исследователь, читатель вправе поразмыслить. Несомненно, что в повествовании Деникина проявилось крайне субъективное восприятие тех явлений и сил, с которыми ему пришлось вести борьбу. А отсюда и спорность многих его посылок. Это нетрудно заметить. Так, вряд ли можно согласиться с точкой зрения Деникина, что русская армия имела достаточно сил, чтобы продолжать войну. Паралич государственной системы не мог не отразиться на состоянии армии. А одна из главнейших причин слабости белой армии в том, что она не имела поддержки народа, выступала орудием грабежа и насилия, подавления рабочего,

³² Казаков А. Бандитизм на территории РСФСР//Красная Армия. 1921. № 19. С. 35.

крестьянского и национально-освободительного движений.

В изложении событий, фактов, связанных с развитием рабочего и социал-демократического движения, Деникин не всегда точен и последователен, а в отдельных случаях противоречив. А отсюда и необъективность, например, в трактовке «вооруженного восстания» 3 июля 1917 г., явившегося следствием нараставшего недовольства трудящихся, своеобразным социальным взрывом масс против той предательской и угнетательской политики, которую проводило Временное правительство, начав наступление на фронте, повлекшее огромные жертвы.

Известно, что организатором Военно-Революционного Комитета — боевого органа революции, штаба восстания — 12(25) октября 1917 г. был Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, а не Л. Троцкий, как об этом заявляет Деникин. ВРК состоял из многих партий, от большевиков в его состав входил Троцкий.

Противоречивы и отдельные заключения Деникина. Так, он упрекает большевиков в отсутствии патриотизма, называя их немецкими агентами, и осуждает их, когда в трудные дни революции, во время наступления австро-германских войск, Советское правительство принимает решение (13 июля 1918 г.) потопить Черноморский флот. Угроза захвата кораблей не была ликвидирована. Безусловно, большевики шли на огромные жертвы, спасая революцию. Деникин же усматривает в подобных действиях проявление «фальшивого и бессмысленного патриотизма». Встречаются и другие непоследовательные суждения.

* * *

При подготовке настоящей публикации текста пропущенные места обозначены отточием. Три звездочки показывают начало новой главы, пробел оставлен там, где находились авторские звездочки.

Н. Ф. Бугай

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке — без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о *русской армии*, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин
Брюссель. 1921 г.

Из тома первого:
КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ

Февраль — сентябрь 1917 года

* * *

Неизбежный исторический процесс, завершившийся Февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы — без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец, сильную, с огромным историческим прошлым десятиmillionную армию, развалившуюся в течение трех-четырёх месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог маньчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по Сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) (очевидно, опечатка — декабрь 1905 года. — *Н. Б.*) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишённой сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и вообще все проявления военного бунта с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от трехлетней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись

всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях — распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров — некогда надменных и бесстрастных.

— Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы — собственными руками...

— Нет, не мы — наше правительство, — отвечали они.

Зимой 1918 года я как командующий Добровольческой армией получил предложение от группы германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой в дни пленения германского флота — было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции?

Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле:

За веру, царя и отечество.

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского

душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении,— народ поистине *христианский* терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сами научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубокий и значителен...

Везде в дальнейшем изложении я противопоставляю «революционную демократию» — конгломерат социалистических партий — истинной русской демократии, к составу которой, без сомнения, принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент.

Но и кадровое офицерство постепенно изменяло свой облик. Японская война, вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, Государственная дума и несколько более свободная после 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины — от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение. Появились слухи — и не совсем безосновательные — о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения. Однако они сильно беспокоили военное министерство...

Духовные запросы и интересы военной среды изложил молодой подполковник генерального штаба князь Волконский: «Что важно и что не важно, определяют теперь прежде всего соображения политические...

Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие оградить армию от революционирования... Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили — «офицеры преданны царю». Морские офицеры были не менее преданны. Говорят: «Морские бунты совпали с разгаром революции». Но революция может вновь разгореться;

аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во флоте. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям...»

При этих условиях можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно левым противогосударственным течениям. Процент деятелей, ушедших в подполье или изобличенных властью, был ничтожен.

Что касается отношения к трону, то как явление общее в офицерском корпусе было стремление выделить особу государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страны и к поражению армии. Государю прощали, его старались оправдать...

Но наряду с доблестью, иногда рыцарством, в большинстве своем в военной и гражданской жизни оно (офицерство.— *Н. Б.*) сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм — иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции.

В солдатской толще вопреки сложившемуся убеждению идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, это малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка, «испокон века» внушение церкви — все это создавало определенное отношение к существующему строю как к чему-то вполне естественному и неизбежному.

В уме и сердце солдата идея монарха, если можно так выразиться, находилась в потенциальном состоянии, то подымаясь иногда до высокой экзальтации при

непосредственном общении с царем (смотри, объезды, случайные обращения), то падая до безразличия.

Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии, и для династии. Его легко было поддержать...

* * *

Огромное значение в истории развития русской армии имела японская война.

Горечь поражения, ясное сознание своей ужасной отсталости вызвали большой подъем среди военной молодежи и заставили понемногу или переменить направление, или уйти в сторону элемент устаревший и косный. Невзирая на пассивное противодействие ряда лиц, стоявших во главе военного министерства и генерального штаба, — лиц неспособных или донельзя безразлично и легкомысленно относившихся к интересам армии, работа кипела. В течение десяти лет русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны.

Но чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства засорили списки командующего генералитета вредным элементом...

Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи — вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, они лгут.

Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений и комплектовании высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ...

Каков народ, такова и армия. И как бы то ни было, старая русская армия, страдающая пороками русского на-

рода, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами, и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти три года; часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение, и своей обильной кровью¹ искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т. е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах.

Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу...

* * *

В августе 1915 года государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения работы управления и командования, с другой — риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной думой и страной, поведет к разложению армии.

Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возрастающей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича...

¹ Французский депутат Люи Мартэн исчисляет потери армий *одними убитыми* следующими цифрами (в миллионах): Россия — 2,5, Германия — 2, Австрия — 1,5, Франция — 1,4, Англия — 0,8, Италия — 0,6 и т. д. На долю России приходится 40% мартиролога всех союзных армий.

23 августа армии и флоту был отдан приказ, в котором после официального текста государь собственноручно приписал:

«С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.»

Николай»

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос

— Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии, и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев. На фоне русской военной истории и русской смуты фигура генерала Алексеева занимает такое большое место, что нельзя в кратких словах очертить его значение...

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний, Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам старого режима...

* * *

С событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов Государственного совета в ночь на 28 февраля положение определялось следующим образом:

«Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели

народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением...»

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно велась давно. В ней приняли участие самые разнородные элементы: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно, и протопоповское министерство, как говорили провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы — по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами — шли к одной конечной цели...

Тем не менее восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В Исполнительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта², видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне переворота никакой связи не имели» и что «восстание подготовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления».

Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа запрудили улицы, собирались митинги и ораторы призывали к борьбе против ненавистой власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение

² При посещении его генералом Корниловым.

приняло грандиозные размеры и начались кровавые столкновения с полицией с применением ею пулеметов...

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти.

Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию.

Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся...

Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел Арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич:

— Да здравствует свобода!

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная дума, выделив из своей среды Комитет Государственной думы³, который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существовании своего назначения...

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским Советом рабочих депутатов, который тогда еще не претен-

³ М. В. Родзянко, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, А. Ф. Керенский, В. В. Шульгин, С. И. Шидловский, П. Н. Милуков, М. А. Караулов, В. Н. Львов, В. А. Ржевский, М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая председательствование в Совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

довал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение тогда к Государственной думе породило иллюзию «всенародности» Временного правительства, ею созданного...

Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которые могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты...

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленников.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения, вначале и затем злоупотребления в системе разверстки хлебной повинности при отсутствии товарообмена с городом привели к прекращению подвоза хлеба, голоду в городе и репрессиям в деревне.

Служилый класс вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности бедствовал и роптал...

7 марта Временное правительство постановило «признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». Выполнение этого постановления в отношении императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Федоровна после объявления ей об аресте высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...

В отношении государя исполнение правительственного распоряжения возложено было на четырех членов Государственной думы.

8 марта, простившись со Ставкой, государь уехал из Могилева при гробовом молчании собравшегося на вокзале народа; в последний раз его провожали полные горючих слез глаза матери.

Чтобы понять казавшееся странным отношение правительства к государевой семье во время пребывания ее и в Царском Селе и в Тобольске, нужно напомнить следующее обстоятельство: невзирая на то, что за все семь с половиной месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению арестованных, они пользовались исключительным вниманием Совета рабочих и солдатских депутатов; и в заседании Совета 10 марта товарищ председателя Соколов при полном одобрении собрания докладывал: «Вчера стало известным, что Временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласия и без ведома Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили дело так, чтобы Николай II фактически не мог уехать из Царского Села без нашего согласия. По линиям железных дорог были разосланы соответствующие телеграммы... задержать поезд с Николаем II, буде таковой уедет... Мы командировали своих комиссаров... отрядив соответствующее количество воинской силы с броневыми автомобилями и окружили Александровский дворец плотным кольцом. Затем мы вступили в переговоры с Временным правительством, которое санкционировало все наши мероприятия. В настоящее время бывший царь находится не только под надзором Временного правительства, но и нашим надзором...»

1 августа 1917 года царская семья была отправлена в Тобольск, а после утверждения в Сибири советской власти император с семьей был перевезен в Екатеринбург и там, подвергаясь невероятному глумлению черни, мучениями и смертью своею и своей семьи⁴ заплатил за все вольные и невольные прегрешения против русского народа.

⁴ Убийство произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Когда во время второго Кубанского похода, на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати...

Забыли мудрое слово: «Мне отмщение, и аз воздам»...

* * *

События застали меня далеко от столицы, в Румынии, где я командовал 8-м армейским корпусом. Оторванные от родины, мы если и чувствовали известную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни к такой неожиданно скорой развязке, ни к тем формам, которые она приняла.

Фронт был поглощен своими частными интересами и заботами. Готовились к зимнему наступлению, которое вызывало совершенно отрицательное отношение к себе у всего командного состава нашей 4-й армии; употребляли все усилия, чтобы ослабить до некоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то, в Новороссии, на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболели тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, преувеличивая отдельные эпизоды, волновала, искала виновных...

Местами, в особенности на фронте 9-й армии, на высоких горах, в жестокую стужу, в холодных землянках по неделям жили на позиции люди — замерзавшие, полуголодные; с огромным трудом по козьим тропам доставляли им хлеб и консервы.

Потом с большим трудом жизнь как будто немного наладилась. Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение отечественной войны войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте зимою 1916/17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во внимание, что войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились впоследствии позже всех...

1 марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников,—приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии.

Приказ № 1

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п.— и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов»...

18 марта я получил приказание немедленно отправиться в Петроград к военному министру. Быстро собравшись, я выехал в ту же ночь и, пользуясь сложной комбинацией повозок, автомобилей и железных дорог, на шестой день прибыл в столицу.

По пути, проезжая через штабы Лечицкого, Каледина, Брусилова, встречая много лиц военных и причастных к армии, я слышал все одни и те же горькие жалобы, все одну и ту же просьбу:

— Скажите им, что они губят армию...

Телеграмма не давала никакого намека на цель моего вызова. Полная волнующая неизвестность, всевозможные догадки и предположения.

Только в Киеве слова пробежавшего мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью:

— Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего...

С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914 г., когда он принял 48-ю пехотную дивизию, а я—4-ю стрелковую (Железную) бригаду. С тех пор в течение четырех месяцев непрерывных славных и тяжелых боев наши части шли рядом в составе 24-го корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты⁵, вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова-военачальника: большое умение воспитывать войска; из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую

⁵ Корнилов — у Гуменного, я — у Мезоляборча.

боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось обреченной, операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, высокое соблюдение военной этики в отношении соседних частей и соратников — свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части.

После изумившего всех бегства из австрийского плена, в который Корнилов попал тяжело раненным, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат, к началу революции он командовал 25-м корпусом.

Все знавшие хоть немного Корнилова чувствовали, что он должен сыграть большую роль на фоне русской революции...

Общее политическое положение Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. В одном они расходились: Корнилов упрямо надеялся еще, что ему удастся подчинить своему влиянию большую часть Петроградского гарнизона, — надежда, как известно, не сбывшаяся.

* * *

25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым.

Алексеев, конечно, обиделся:

— Ну что же, раз приказано...

Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, «ну что же, будем вместе работать»...

Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса.

— При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявлю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев вдруг переменял тон:

— Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, уйти на первую открывающуюся армию. Надо вот только поговорить с Клембовским: он, конечно, помощником не останется...

Простились уже не так холодно.

Но прошел день, два — результатов никаких. Я жил в вагоне-гостинице, не ходил ни в Ставку, ни в собрание⁶ и, не желая долее переносить такое нелепое и незаслуженное положение, собрался уже вернуться в Петроград. Но 28 марта приехал в Ставку военный министр и разрубил узел: Клембовскому было предложено назначение командующим армией или членом Военного совета; он выбрал последнее. Я 5 апреля вступил в должность начальника штаба.

Тем не менее такой полупринудительный способ назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень, и только к концу его командования она рассеялась...

2 апреля генералом Алексеевым получена была телеграмма: «Временное правительство назначает Вас Верховным главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под Вашим твердым руководством исполнят свой долг перед родиной до конца». Числа 10-го состоялся приказ и о моем назначении...

Ставка вообще не пользовалась расположением. В кругах революционной демократии ее считали гнездом контрреволюции, хотя она решительно ничем не оправдывала это название: при Алексееве — высококоляльная борьба против развала армии без всякого вмешательства в общую политику; при Брусилове — оппортунизм с уклоном даже в сторону искательства перед революционной демократией. Что касается корниловского движения, то оно, не будучи в своей основе контрреволюционным, как увидим ниже, действительно имело целью борьбу против полубольшевистских Советов. Но и тогда лояльность чинов Ставки определилась достаточно наглядно: в корниловском

⁶ «Сел в бест», как острили в Ставке, которую очень волновал ход переговоров.

выступлении активно участвовало из них лишь несколько человек; после ликвидации института верховных главнокомандующих и введения нового института — главноверхов — почти вся Ставка (при Керенском) или довольно большая часть ее (при Крыленко) продолжала текущую работу.

Армия также не любила Ставку — и за дело, и по недоразумению, так как там плохо разбирались в определении служебных функций и многие недочеты снабжения, быта, прохождения службы, наград и т. д. относили к Ставке, тогда как эти вопросы составляли всецело компетенцию военного министерства и подчиненных ему органов. Ставка всегда стояла несколько вдали от армии. И если при сравнительно нормальных, налаженных взаимоотношениях дореволюционного периода это обстоятельство не отражалось слишком резко на действиях правящего механизма, то теперь, когда жизнь армии не шла, а кипела в водовороте событий, Ставка поневоле отставала от жизни.

Правительство также относилось к Ставке отрицательно...

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращения с миллионами, безотказно извлекаемыми из военного фонда. Не хищение, отнюдь, а именно легкость...

Что же представляла из себя Ставка в ряду военнополитических факторов революционного периода?

Значение Ставки пало.

Ставка императорских времен занимала положение главенствующее, по крайней мере в отношении военном. Ни одно лицо и учреждение в государстве не имело права давать указаний или требовать отчета от Верховного главнокомандующего, каким фактически являлся не царь, а Алексеев. Ни одно мероприятие военного министерства, хоть несколько затрагивающее интересы армии, не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала императивные указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам, касавшимся удовлетворения потребностей армии. Голос ее, вне общего направления внутренней политики, имел известный вес и значение и в практической области управления на театре военных действий. Такая власть если и не осуществлялась в надлежащей мере, то давала принципиальную воз-

возможность вести дело защиты страны при широком полуподчиненном сотрудничестве других органов ее управления.

С началом революции обстановка резко изменилась. Ставка вопреки историческим примерам и велению военной науки стала органом, фактически подчиненным военному министру. Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте⁷, а вытекали из смешения в коллективном лице Временного правительства верховной и исполнительной власти и из сочетания характеров более сильного Гучкова и уступчивого Алексеева...

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлеющей роли — объединяющего командного и морального центра. И это произошло в самый грозный период мировой войны, на фоне разлагающейся армии, когда требовалось не только страшное напряжение всех народных сил, но и проявление исключительной по силе и объему власти. Между тем вопрос был ясен: если Алексеев и Деникин не пользовались доверием и не удовлетворяли условиям, требуемым от верховного командования и управления, их следовало сменить, назначить новых людей и дать им и доверие, и полноту власти. Фактически дважды эта смена была произведена. Но смена только людей, а не принципов командования...

* * *

То исключительное положение, в котором оказалась русская держава, — мировой войны и революции — повелительно требовало установления в ней *сильной власти*...

С передачей власти *Временному правительству* Государственная дума и Комитет ушли в сторону, но не прекращали своего существования, пытаясь давать моральное обоснование и поддержку первым трем составам правительства...

Мирная, не борющаяся за власть Дума вызывала опасения в среде революционной демократии, и Советы вели яростный поход за упразднение Государственной думы и Государственного совета. В августе декларативная деятельность Государственной думы

⁷ По смыслу Положения о полевом управлении войск Верховный главнокомандующий подчинялся Временному правительству, как верховной власти, но отнюдь не военному министру.

стала замирать, и, когда 6 октября Керенский по требованию Совета распустил Государственную думу⁸, это известие не произвело уже в стране сколько-нибудь заметного впечатления...

Власть Совета была также весьма условна.

Невзирая на ряд кризисов правительства, на возможность взять при этом власть в свои руки безраздельно и безотказно⁹, революционная демократия, представленная Советом, категорически уклонилась от этой роли, прекрасно сознавая, что в ней не достаточно ни силы, ни знания, ни умения вести страну, ни лежащей в ней опоры...

Мало-помалу в кругах интеллигенции, демократической буржуазии, в офицерской среде накалилась глухая и бессильная злоба против Совета; на нем сосредоточивался весь одиум, его поносили в этих кругах самыми грубыми, унижительными словами. Эту ненависть против Совета, проявлявшуюся зачастую открыто, революционная демократия совершенно неправильно относилась к самой *идее демократического представительства*.

С течением времени приоритет Петроградского совета, приписывавшего выдвинувшей его среде исключительную заслугу свержения старой власти, стал заметно падать. Огромная сеть комитетов, советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственной работе. В результате в апреле состоялся съезд делегатов советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет реорганизован на началах более равномерного представительства, а в июне открылся Всероссийский съезд представителей советов рабочих и солдатских депутатов. Интересен состав этого уже более полного демократического представительства:

Соц.-революционеров	285
Соц.-дем. меньшевиков	248
Соц.-дем. большевиков	105
Интернационалистов	32
Внефракц. социалистов	73
Объединенных соц.-демократов	10
Бундовцев	10
Группы «Единства»	3
Народн. социалистов	3
Трудовиков	5
Анархо-коммунистов	1

⁸ Законный пятилетний срок оканчивался 25 октября.

⁹ Я говорю только о несопротивлении этому со стороны Временного правительства.

Таким образом, подавляющие массы *несоциалистической* России не были представлены ни одним человеком. Даже те чуждые политике или принадлежавшие к более правым группировкам элементы, которые прошли от советов и армейских комитетов под рубрикой «внепартийных», по побуждениям далеко не государственным поспешили нацепить на себя социалистический ярлык и растворились в партийном составе. Чисто социалистическими были и все составы исполнительного комитета Совета. При этих условиях невозможно было рассчитывать на самоограничение революционной демократии и надеяться на удержание народного движения в рамках буржуазной революции. Фактически у полусгнившего кормила власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков с явным преобладанием вначале первых, потом последних. В сущности этот узкопартийный блок, тяготевший над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции...

* * *

Первый период деятельности большевиков — от начала революции до Октябрьского переворота — заключался в *борьбе за власть* путем упразднения всего буржуазного строя страны и дезорганизации армии, подготавливая тем почву для пришествия большевизма (*L'avènement*, как торжественно называет Бронштейн-Троцкий).

На другой день после своего приезда в Россию Ленин опубликовал свои «Тезисы», которые я привожу в извлечении:

1. Война, веденная «капиталистическим правительством», остается грабительской, империалистской, и потому недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

Представителям революционного оборончества и действующей армии разъяснять, что кончить войну истинным демократическим, не насильническим миром *нельзя* без свержения капитала.

Братанье.

2. Переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко *второму*, который должен дать власть пролетариату и беднейшим слоям крестьянства.

3. Никакой поддержки Временному правительству; разъяснение полной лживости его обещаний.

4. Признание факта, что в большинстве советов рабочих депутатов партия большевиков в меньшинстве и поэтому пока нужно вести работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к совету рабочих депутатов.

5. Россия — не парламентарная республика — это было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции (милиции?), армии, чиновничества.

6. В аграрной программе — перенесение центра тяжести на *Советы батрацких депутатов*. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация *всех* земель в стране; распоряжение землею *местными* Советами батрацких и крестьянских депутатов. *Выделение* советских депутатов от беднейших крестьян.

7. Немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов.

8. Пока — не *введение социализма*, а только переход к *контролю* со стороны Совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Требование *государства-коммуны* и перемена названия партии социал-демократов большевиков на *коммунистическую* партию.

Я не буду останавливаться на этой программе, проведение которой в жизнь началось с конца октября с известными отступлениями. Для первого периода деятельности большевиков важнее тактика их, исходящая из следующих конкретных положений:

1) свержение правительства и разложение армии;

2) возбуждение классовой борьбы в стране и даже внутриклассовой — в деревне;

3) отрицание демократических форм государственного строя и переход власти к меньшинству (партии социал-демократов большевиков) — «меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному» (Ленин).

Но идеология партии была недоступна пониманию не только темных масс русского народа, но и второстепенных работников большевизма, которые были рассеяны по стране. Массам нужны были лозунги про-

стые, ясные, *немедленно* проводимые в жизнь и отвечающие их желаниям и требованиям, чрезмерно возросшим в бурной атмосфере революции. Этот упрощенный большевизм — с типичными чертами русского бунта — проводить было тем легче, что он отрешился от всяких сдерживающих моральных начал, поставив целью первоначальной своей деятельности одно чистое разрушение, не останавливаясь при этом перед угрозой военного разгрома и разорения страны.

Первым объектом борьбы было Временное правительство. Во всей большевистской печати, в словесной агитации, в выступлениях советов, съездов, даже в дискуссиях с членами Временного правительства главари большевиков проводили резко и настойчиво идею его устранения, как «орудия контрреволюции и международной реакции».

Но переходить к решительным действиям большевики все же воздерживались, опасаясь «отсталой в политическом отношении провинции»...

* * *

Временное правительство, являясь представительством далеко не всенародным, не хотело и не могло предрешать воли Учредительного собрания путем проведения реформ, в корне ломающих политический и социальный строй государства. Оно поневоле должно было ограничиваться временными законами, поумерами, в то время как возбужденная народная стихия проявляла огромное нетерпение и требовала немедленного осуществления капитальной перестройки всего государственного здания. Правда, и Совет, и отдельные представители его в коалиционных министерствах в теории зачастую признавали идею исключительного права в этом отношении Учредительного собрания. Но только в теории. Ибо на практике все они предрешали, предвосхищали эти права путем широкой проповеди социального переворота, словесного и письменного ведомственного разъяснения и, наконец, на местах — прямыми действиями явочного и захватного порядка.

Временное правительство «в основу государственного управления полагало не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственных

преград...»¹⁰. Это непротивление в тот момент, когда шла жестокая и не стеснявшаяся нравственными и патриотическими побуждениями борьба за самосохранение одних групп населения и за осуществление захватным путем неограниченных домогательств других, являлось несомненным признанием своего бессилия. В позднейших декларациях второго и третьего коалиционных министерств мы читаем уже о «самых решительных мерах» против дезорганизующих страну сил. Слова — не претворившиеся в дело.

Идею «не предрешения» воли Учредительного собрания соблюсти правительству не удалось, в особенности в области национального самоопределения. Правительство объявило акт о самостоятельности Польши, поставив, однако, в полную зависимость от Всероссийского Учредительного собрания «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши». Акт этот, юридически спорный, находился, однако, в полном соответствии с общественным правосознанием. В отношении Финляндии правительство, не изменяя юридических отношений ее к России, подтвердило права и привилегии страны, отменило все ограничения финляндской конституции и созывало сейм, которому должны были быть переданы проекты новой формы правления великого княжества. В дальнейшем правительство самым широким образом шло навстречу всем справедливым стремлениям финляндцев к местному строительству. Тем не менее на почве общего стремления к немедленному и наиболее полному осуществлению частных национальных интересов между Временным правительством и Финляндией возникла длительная борьба за власть. 6 июля сейм большинством голосов социал-демократов принял закон о переходе к нему, после отречения «великого князя финляндского», верховной власти, предоставив Временному правительству лишь внешние сношения, военное законодательство и военное управление. Это постановление находилось в известном соответствии с резолюцией съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, требовавшей, чтобы финляндцам еще до решения Учредительного собрания дана была полная независимость с приведенными выше ограничениями. На это по существу фактическое отторжение

¹⁰ Из правительственной декларации 25 апреля 1917 г.

Финляндии от России правительство ответило роспуском сейма, который, впрочем, в сентябре самовольно собрался вновь.

В этой борьбе, которая то принимала острые формы, то затихала сообразно политическому барометру Петрограда (правительственные кризисы), финляндские деятели, не считаясь ни в малейшей степени с общегосударственными интересами и не имея опоры в вооруженной силе, играли исключительно на лояльности или, вернее, слабости Временного правительства...

Весь май и июнь протекали в борьбе за власть между правительством и самочинно возникшей на Украине Центральной Радой, причем собравшийся без разрешения 8 июня Всеукраинский военный съезд потребовал от правительства, чтобы оно немедленно признало все требования, предъявляемые Центральной Радой и съездами, а Раде предложил не обращаться более к правительству, а немедленно приступить к созданию автономного строя Украины. 11 июня объявлен универсал об автономии Украины и образован секретариат (совет министров) во главе с Винниченко. В результате переговоров послов правительства, министров Керенского, Терещенко и Церетели с Радой явилась декларация Временного правительства 2 июля, которая, предпрещая постановление Учредительного собрания, признавала с некоторыми оговорками автономию Украины. Центральная Рада и секретариат, захватывая постепенно в свои руки управление, создавали на местах двоевластие, дискредитировали общерусскую власть, вызывали междоусобную рознь и давали моральное обоснование всяким проявлениям отказа от исполнения гражданского и военного долга перед общей родиной. Мало того, с самого начала своего существования Центральная Рада таила в себе немцефильские симпатии и имела несомненную связь через «Союз освобождения Украины» с генеральными штабами центральных держав...

Правительство не считало возможным до Учредительного собрания установить автономные начала и в сфере областного управления¹¹. Правда, были созданы Туркестанский и Закавказский комитеты в целях

¹¹ В декларации 2-го коалиционного министерства от 8 июля имеется, впрочем, обещание «привлечь местных представителей к образованию коллегияльных органов областного управления, объединяющего ряд губерний».

устроения и гражданского управления этих областей. Первый — с правами генерал-губернатора, второй — даже «с правами Временного правительства». О деятельности их у меня мало данных. Во всяком случае, полная неопределенность прав и обязанностей этих областных комитетов и вторжение их в область власти военной, особенно вредной на Кавказском фронте, с одной стороны, засилье над ними Советов рабочих и солдатских депутатов — с другой, — все это отнюдь не способствовало нормальной их деятельности. По крайней мере Туркестанский комитет через месяц после своего назначения обратился уже с воззванием к населению области, что ввиду трений с Ташкентским Советом и Сыр-Дарьинским комитетом он просит Временное правительство об увольнении. Дальнейшая жизнь области представляет длительное состояние беспорядков и мятежа...

* * *

С начала весны 1917 года усилился значительно недостаток продовольствия в армии и в городах. Теперь, после опытов советского режима, когда безграничным терпением и выносливостью русского человека превзойдены как будто все минимумы, когда-либо существовавшие для человеческого питания, кажутся не слишком тягостными те официальные нормы, которые были установлены к лету 1917 года, — $1\frac{1}{2}$ фунта хлеба для армии¹² и $\frac{3}{4}$ фунта для населения. Эти теоретические цифры, впрочем, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтам, за исключением Юго-Западного, не раз угрожал кризис, предотвращаемый обыкновенно дружными усилиями всех органов правительственной власти и Советов, самопомощью тыловых частей и... дезертирством. Тем не менее армия недоедала, в особенности на Кавказском фронте. А конский состав армии весной, при теоретической норме в 6—7 фунтов зернового фуража¹³, фактически падал от бескормицы в угрожающих размерах, ослабляя подвижность армии и делая бесполезным комплектование ее лошадьми, которым грозила та же участь...

29 марта Временное правительство ввело хлебную монополию. Весь излишек запасов хлеба, за исключе-

¹² Весною 1917 г. — 2 фунта.

¹³ Армия поглощала 390 млн пудов сухого фуража в год!

нием норм продовольственной, на обсеменение и на корм скота, поступал государству. Вместе с тем правительство вновь увеличило твердые цены на хлеб и обещало установить их и на все предметы первой необходимости, как-то: железо, ткани, кожи, керосин и т. д. Это последнее мероприятие, справедливость которого чувствовалась всеми и которому министр продовольствия Пешехонов придавал огромное психологическое значение, среди той общей разрухи, в которую была ввергнута страна, оказалось провести невозможно.

Страну покрыла огромная сеть продовольственной организации, стоимость которой определялась в 500 млн рублей в год, но которая оказалась бессильной справиться со своим делом.

Деревня, прекратившая внесение податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за них никакого товарного эквивалента, задерживала подвоз хлеба. Агитация и воззвания не действовали, приходилось местами применять силу.

Если кампания 1916 года (1 августа 1916—1 июля 1917 года) дала 39,7%, то июль 1917 года дал 74%, а август—60—90% невыполнения наряда продовольственных заготовок¹⁴. Только на фронте, в ущерб питанию городов, ко второй половине июня удалось сосредоточить некоторый запас хлеба...

В конечном результате воззванием, обнародованным 29 августа, правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положение страны: правительственные запасы беспрерывно уменьшаются; «города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, *хотя его в стране достаточно*»¹⁵; многие не сдали даже прошлогоднего урожая, многие агитируют, запрещают другим выполнять свой долг... Правительство с целью «предотвратить грозящую родине смертельную опасность» вновь увеличило твердые цены, угрожало применением крайних мер воздействия против ослушников и вновь обещало принять меры к нормировке цен и распределению предметов, нужных деревне.

Но заколдованный круг переплетавшихся между собой политических, социальных, классовых интересов

¹⁴ Эти месяцы, впрочем, всегда наименее благоприятные.

¹⁵ Вывоз хлеба из России за границу до войны составлял в среднем ежегодно (1909—1914)—870 млн пудов.

затягивал все более тугую петлю на шею правительства и парализовал его волю и деятельность.

Не менее тяжелым было положение промышленности, которая быстрыми шагами шла к разрушению. И здесь, как и в вопросе продовольствия, нельзя искать причин бедствия в одной серии явлений, как это имело место в односторонних обвинениях друг друга торгово-промышленниками и рабочими: одних — в хищнической сверхприбыли и саботаже в целях провала революции, других — в бездельничанье...

* * *

Русская армия к марту 1917 года, невзирая на все свои недочеты, представляла внушительную силу, с которой противнику приходилось весьма считаться. Благодаря мобилизации промышленности, деятельности военно-промышленного комитета и отчасти несколько оживших органов военного министерства боевое снабжение достигло размеров доселе небывалых... Положение было настолько остро, что Ставка вынуждена была в мае дать разрешение фронтам расформировать те из третьих дивизий, которые окажутся малобоеспособными, обращая их на пополнение кадровых...

От Петрограда до Дуная и до Диалы быстро распространялось, росло и ширилось разложение армии. Трудно было в начале революции учесть степень его углубления на разных фронтах, трудно было предвидеть все возможности его влияния на будущие операции. Но уже души многих отравляло сомнение: не напрасны ли все наши соображения, расчеты и усилия...

* * *

Важнейшим фактором демократизации (армии.— Н. Б.) явились выборные коллегиальные учреждения, начиная от военной секции Совета рабочих и солдатских депутатов и кончая *комитетами и советами* разного наименования в воинских частях и управлениях армии, флота и тыла; учреждения войсковые смешанного типа (офицерско-солдатские), чисто солдатские и солдатско-рабочие.

Комитеты и советы возникали везде как одна из общеизвестных форм революционной организации, выработанная до революции и санкционированная в на-

чале ее приказом № 1. В Петрограде выборы от войск в Совет рабочих депутатов назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились в силу известного приказа № 1 1 марта; в Москве избрание солдат в местный Совет рабочих депутатов произошло в первые же дни революции и 3 марта было подтверждено приказом «зауряд-командовавшего» войсками округа подполковника Грузинова. К апрелю и в армии, и в тылу почти повсюду действовали уже самоchinные комитеты и советы разного наименования, состава и круга деятельности, вносявшие невероятный сумбур в стройную систему военной иерархии и организации.

В первый месяц революции правительство и военная власть не принимали никаких мер ни к ликвидации, ни к введению в известные рамки этого опасного явления. Недооценивая вначале его возможные последствия, рассчитывая на сдерживающее влияние в новых организациях офицерского элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживания острых всплесков в солдатской среде, как пользуется врач малыми дозами яда, вводимыми в больной человеческий организм, правительство и командование отнеслись к возникновению этих военных организаций с колебанием, нерешительностью, но вместе с тем и с полупризнанием. Гучков в Яссах (9 апреля) говорил военным делегатам: «Скоро состоится съезд делегатов от всех организаций армии, тогда будет выработан и общий нормальный устав. Пока же *организуйтесь, как умеете*, пользуйтесь существующими организациями и работайте над общим единением».

Русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов, чуждых ей, большею частью случайно попавших в ее ряды, представлявших скорее межпартийные социалистические, нежели военные, органы.

Казалось в высокой степени странным и обидным для армии то обстоятельство, что во главе фронтовых съездов, представлявших несколько миллионов бойцов, множество отличных частей со старой и славной историей, имевших в рядах своих офицеров и солдат, которыми могла бы гордиться всякая армия в мире, что во главе этих съездов были поставлены такие чуждые ей люди: Западного фронта — штатский, еврей, социал-демократ большевик Познер; Кавказского —

штатский, социал-демократ меньшевик, грузинский шовинист Гегечкори; Румынского — социалист-революционер, врач грузин Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оценка из другого мира, данная составу тогдашних военных организаций Бронштейном (Троцким): «Армия должна была послать своих представителей в революционные организации ранее, чем ее политическое самосознание могло подняться хоть в слабой степени до уровня революционных событий... Следовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тех из своей среды, которые представляли в ней интеллигенцию и полуинтеллигенцию, т. е. тех, которые обладали хотя бы самым малым политическим образованием и которые могли его использовать. Таким образом, внезапно интеллигенты из мелкой буржуазии достигли волею армии небывалых высот. Врачи, инженеры, адвокаты, вольноопределяющиеся, которые перед войной вели самый обыкновенный образ жизни и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдруг представителями армейских корпусов и даже целых армий. И они сразу почувствовали себя «вожаками» революции. Их политическая идеология соответствовала как нельзя лучше колебаниям и недостаточной сознательности в революционных массах... В то же время эта мелкая демократическая буржуазия в своей гордости революционных *ragvenus* (парвеню.— Н. Б.) испытывала глубочайшее недоверие и к своим собственным силам, и в отношении массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то что эти интеллигенты называли себя социалистами и считались таковыми, они относились к политическому всемогуществу крупной буржуазии, к ее знаниям и методам с плохо скрываемым почтением»¹⁶...

* * *

Следующая мера демократизация армии — введение института комиссаров.

Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея подымалась в разное время, в различных кругах, имея своим главным обоснованием *недоверие к командному составу*.

Интересно, что даже такой прямолинейный поборник здравых начал существования армии, каким был

¹⁶ Троцкий. L'avènement du bolchevisme. 1919 г.

генерал Марков, еще в начале апреля, видя и страдая от ничем не оправдываемого недоверия, которое вдруг проявила солдатская среда к офицерству, послал в министерство проект введения в каждую армию комиссара — представителя военного министра, который мог бы видеть и свидетельствовать полную лояльность командного состава.

Председатель совета министров Львов прислал в мае в Ставку общие основания вводимого им института комиссаров¹⁷. На них, по мысли правительства, возлагалось гражданское управление на театре войны на основаниях, изложенных в Положении о полевом управлении войск, а также вся область снабжения, питания войск и санитарно-гигиенически-эвакуационная. Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь *согласовали* свои действия с соответствующими военными начальниками. Это предположение, окончательно вырывавшее из рук командного состава важнейшие военно-административные функции, встретило резкий протест со стороны Ставки и тотчас же было оставлено правительством.

Между тем напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет более возможности сохранить порядок и спокойствие в отношениях солдат к отдельным лицам командного состава и что если до сих пор удавалось избежать случаев самосуда и смещения, то только потому, что армия ждала соответственных мер Совета и правительства и не хотела вносить беспорядок и осложнять их работу. Вместе с тем совещание предложило совершенно нелепый проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства, 2) Совета рабочих и солдатских депутатов, 3) армейских комитетов. При этом совещание в своих требованиях заходило очень далеко, возлагая на комиссариаты как на контрольный орган рассмотрение *всех* дел и вопросов, относящихся к компетенции командующих армиями и фронтами; скрепление своею подписью

¹⁷ Проект, по-видимому, Вырубова.

всех приказов; производство расследования деятельности командного состава и право отвода его.

На этой почве между Советом рабочих и солдатских депутатов и правительством шли длительные переговоры, и в конце апреля состоялось соглашение о назначении в армии комиссаров — по одному от Временного правительства и по одному от Совета. Позднее, однако, это решение было изменено, вероятно, в виду появления у власти *коалиционного* министерства (5 мая), и комиссар армии назначался один, по соглашению правительства и Совета, являясь представителем обеих инстанций и перед обеими ответственным.

В конце июня Временное правительство учредило должность комиссаров фронтов, определив их функции следующим образом: руководствуясь указаниями военного министерства, направлять к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армий фронта, содействуя согласованной работе армейских комиссаров.

Позднее, в конце июля, организация завершилась учреждением должности верховного комиссара при Ставке, а все делопроизводство сосредоточено в политическом отделе при военном министре.

Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе — это одно уж давало большую пищу для всех последующих недоразумений и столкновений. Генерал Монкевиц¹⁸, на основании инструкции Керенского, которую я не помню, в таких общих выражениях определяет роль комиссаров: служить посредником между высшим командованием и войсками, сглаживать трения, их разделяющие, руководить политической жизнью армии, заботиться об улучшении материального положения солдат, равно как о развитии их морального и интеллектуального состояния...

Внося войну внутрь нашей страны, немцы так же настойчиво и методично проводили другой лозунг — мир на фронте. Братание случалось и раньше, до революции, и имело даже традиционный характер в дни святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно

¹⁸ La décomposition de l'armée russe.

но беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу — чувством, проявлявшимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородина, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случалось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции. Теперь же немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрация внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в беспечности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета с аналогичной проповедью, с организацией «показного братанья» и с целым ворохом «Правд», «Окопных правд», «Социал-демократов» и прочих творений отечественного социалистического разума и совести — органов, оставивших далеко позади, по силе и аргументации, иезуитскую элоквенцию их немецких собратьев. А в то же время общее собрание наивных «делегатов фронта» в Петрограде выносило постановление допустить братание с целью... революционной пропаганды в неприятельских армиях!.

Правда, и правительство, и военный министр, и резолюции *большинства* Совета и Комитета осуждали братание. Но успеха их воззвания не имели...

* * *

Своеобразную роль в истории смуты играет казачество.

Слагавшиеся исторически, в течение нескольких веков взаимоотношения казачества с центральной общерусской властью носили характер двойственный. Власть всемерно поощряла развитие казачьей колонизации на беспокойных рубежах русской земли, где шла непрерывная война, охотно мирясь с особенностями их военно-земледельческого быта и допуская большую или меньшую независимость и самобытные формы

народоправства, с представительными органами (кош, круг, рада...), выборной «войсковой старшиной» и атаманами. «Государство при слабости своей,— говорит Соловьев,— смотрело не так строго на действия казаков, если они обращались только против чужих стран; при слабости государства считалось нужным давать выход этим беспокойным силам». Но «действия» казаков обращались не раз и против Москвы, и это обстоятельство вызвало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца XVIII века, когда после жестокого усмирения Пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар; оно мало-помалу утрачивает свой резко оппозиционный характер и приобретает даже репутацию наиболее консервативного государственного элемента, опоры престола и режима.

С тех пор власть непрестанно демонстрировала свое расположение к казачеству и подчеркиванием действительно больших заслуг его, и торжественными обещаниями сохранения «казачьих вольностей»¹⁹, и почетными назначениями по казачьим войскам лиц императорской фамилии. Вместе с тем власть принимала все меры, чтобы «вольности» эти не развивались чрезмерно в ущерб той беспощадной централизации, которая составляла историческую необходимость в начале построения русской государственности и огромную историческую ошибку в ее позднейшем развитии. К числу таких мер надлежит отнести ограничение казачьего самоуправления и в последнее время традиционное назначение атаманами лиц не казачьего сословия, зачастую совершенно чуждых казачьему быту. Старейшее и наибольшее численно Донское войско возглавлялось не раз генералами немецкого происхождения.

Казалось, царское правительство имело полное основание рассчитывать на казачество: многократные усмирения вспыхивавших в России местных политичес-

¹⁹ Последняя грамота Войску Донскому дана 24 января 1906 года императором Николаем II и заключала в себе следующие слова: «...подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему (Войску), утверждая Императорским словом Нашим как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего Войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков...»

ких, рабочих и аграрных беспорядков, подавление более серьезного явления — революции 1905—1906 годов, в котором большое участие приняли и казачьи войска,— все это как будто поддерживало установившееся мнение о казаках. С другой стороны, эпизоды «усмирений» с неминуемым насилием, иногда жестокостью, получали широкое распространение в народе, преувеличивались и вызывали враждебное отношение к казакам на фабрике, в деревне, среди либеральной интеллигенции и главным образом в среде тех элементов, которые известны под именем революционной демократии. Во всей подпольной литературе — в воззваниях, листовках, картинах — понятие «казак» стало синонимом слуги реакции.

Это определение грешило большим преувеличением...

Невзирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, в особенности южное, пользовалось известным благосостоянием, исключавшим тот важнейший стимул, который подымал против власти и режима рабочий класс и крестьянство Центральной России. Необыкновенно запутанный земельный вопрос противопоставлял сословно-экономические интересы казачества интересам «иногородних»²⁰ поселенцев. Так, например, в старейшем и крупнейшем Войске Донском обеспеченность землей отдельного хозяйства выражалась в среднем в десятинах: казачьего — 19,3—30, коренных крестьян — 6,5, пришлых крестьян — 1,3. Наконец, в силу исторических условий, узкотерриториальной системы комплектования казачьи части имели совершенно однородный состав, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и несколько своеобразной, в смысле взаимоотношений офицера и казака, дисциплиной и поэтому оказывали полное повиновение своему начальству и верховной власти.

Правительство, опираясь на все эти побуждения, широко использовало казачьи войска для подавления народных волнений и тем навлекло на них глухое озлобление среди бродящей, недовольной массы населения.

За свои исторические «вольности» казачьи войска, как я уже сказал, несли почти поголовную службу. Тягость ее и степень относительного значения этих

²⁰ Так назывался пришлый, не казачий элемент области.

войск в составе вооруженных сил Русской державы определяются приводимой таблицей.

Состав казачьих войск к осени 1917 года

Войск	Конных полков	Сотен не в составе полков	Пеших батальонов
Донского	60	72	—
Кубанского	37	37	22
Оренбургского	18	40	—
Терского	12	3	2
Уральского	9	4	—
Сибирского	9	3	—
Забайкальского	9	—	—
Семиреченского	3	7	—
Астраханского	3	—	—
Амурского	2	5	—
Всего ²¹	162	171	24

Отчасти как армейская конница — в составе дивизий и корпусов, отчасти же как корпусная и дивизионная конница — в составе полков, дивизионов и отдельных сотен — казачьи части были разбросаны по всем русским фронтам — от Балтийского моря до Персии.

Казачество, в противовес всем прочим составным частям армии, не знало дезертирства.

Когда началась революция, все политические группировки обратили большое внимание на казачество — одни возлагая на него преувеличенные надежды, другие относясь к нему с нескрываемой подозрительностью. Правые круги ожидали от казачества реставрации; либеральная буржуазия — активной опоры правопорядка; левые — опасались контрреволюционности и повели поэтому бешеную агитацию в казачьих частях, стремясь к их разложению. Этому отчасти содействовало и то покаянное настроение, которое прозвучало на всех казачьих собраниях, съездах, кругах, радах, где свергнутая власть обвинялась в систематическом восстановлении казаков против народа...

Что касается Временного правительства, то отношение его к казакам было также двойственным. С одной стороны, правительство оказывало казакам все знаки внешнего внимания и не противилось созданию на местах захватным порядком широкого самоупра-

²¹ С соответственной артиллерией.

вления и выборного атаманства, с другой — стремилось изъять из подчинения выборным атаманам казачьи гарнизоны областей и ограничить компетенцию казачьей власти, ставя повсюду для наблюдения за закономерностью ее действий правительственных комиссаров.

Взаимоотношения казачества с местным земледельческим населением были необыкновенно сложны, в особенности в казачьих областях Европейской России²². Среди казачьих наделов были вкраплены земли крестьян, давних переселенцев (коренных), — земли, находящиеся в долгосрочной аренде, на которых выросли большие поселки, наконец, земли, жалованные некогда верховной властью различным лицам и постепенно переходившие в собственность иногородних. На почве этих взаимоотношений теперь возникла распря, начавшая принимать характер насилий и захватов. В отношении Донского войска, дававшего тон всем остальным, Временное правительство сочло себя вынужденным обнародовать 7 апреля воззвание, в котором, подтверждая, что «права казаков на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными», вместе с тем обещало и иногороднему населению, «владение которого на землю также имеет за собою историческое право», что оно будет удовлетворено в возможной мере Учредительным собранием. Этот земельный ребус, затуманивший самое больное место казачьих чаяний, был недвусмысленно разъяснен в половине мая министром земледелия Черновым (на Всероссийском крестьянском съезде), который заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель.

В казачьих областях между тем шла кипучая работа в сфере самоопределения и самоуправления; печать приносила сведения неясные, сбивчивые; никто еще не слышал голоса всего казачества. Понятно поэтому то всеобщее внимание, которое сосредоточено было на собравшемся в начале июня в Петрограде Всероссийском казачьем съезде.

Казаки, учтя всю сложность своего положения, отдали дань и революции, и государственности, и собственным своим нуждам — ведь вопрос об угодьях самый жизненный — и сделали приятный жест по адресу Совета.

²² В Донской области 48% крестьян и 46% казаков.

Съезд единодушно сказал:

— Россия должна быть неделимой демократической республикой с широким местным самоуправлением.

— Всемерная поддержка Временному правительству, но обращается его внимание на необходимость борьбы против анархистов, большевиков и интернационалистов, и на принятие решительных мер против их пропаганды.

— Неприкосновенность казачьего уклада. Но после войны — несение службы на общих основаниях.

— Оставление в неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска его земель и угодий со всеми недрами.

Труднее было с вопросом об отношении к Совету. Но и здесь съезд нашел выход: после обмена приветствиями и взаимного кооптирования делегаций, после вскользь оброненной председателем фразы, что «казачество пойдет по одному пути с Советом», после неотвеченной речи на съезде Советов терского делегата, что казачество считает Совет «истинным хозяином земли русской», вопрос об отношении к Совету, поставленный на повестку последнего заседания, «за недостатком времени» был снят. Казачий съезд закрылся, оставив в Петрограде Совет Союза казачьих войск.

Впечатление у всех осталось неопределенное: и надежды одних, и опасения других не рассеялись.

Тем временем по инициативе революционной демократии началась сильнейшая агитация с целью проведения идеи «расказачивания». Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве среди иногороднего или туземного населения, она имела вначале некоторый успех: так, в марте круг Забайкальского войска совместно с крестьянами и инородцами постановил упразднить войско; в Сибирском войске вызвал большие осложнения приезд 43 делегатов, командированных с фронта распропагандированным комитетом Сибирской дивизии для «расказачивания» и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами. Но в общем идея самоупразднения никакого успеха не имела. Наоборот, среди казачества все более усиливалось стремление ко внутренней обособленной организации и к единению всех казачьих войск. Повсюду возникли казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учреждения (круги и рады), ком-

петенция которых расширялась в зависимости от ослабления авторитета и власти Временного правительства. Во главе казачества появились такие крупные люди, как Каледин (Дон), Дутов (Оренбург), Караулов (Терек).

В областях образовалось троевластие: атаман с правительством, комиссар, Совет рабочих депутатов²³.

Роль комиссаров Временного правительства была довольно неопределенной, права и обязанности не ясны...

Гораздо более серьезною становилась борьба казачьей власти с местными Советами, комитетами, опиравшимися на буйную солдатскую чернь, наводнявшую области в качестве армейских запасных батальонов и тыловых армейских частей. Этот бич населения положительно терроризовал страну, создавая анархию в городах и станицах, производя разгромы, захват земель и предприятий, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимые условия жизни. Борьба с этим засильем казакам было нечем — все части находились на фронте; только в Донской области случайно к осени 1917 года, не без сознательного попустительства Ставки, сосредоточилась одна дивизия, позднее — три, при посредстве которых генерал Каледин пытался водворить порядок. Но все его мероприятия, как-то: занятие вооруженной силой железнодорожных узлов, важнейших копей и крупных пунктов, обеспечивавшее нормальную связь и питание центра и фронтов, встречали не только сильнейшее противодействие со стороны Советов и обвинение в контрреволюционности, но даже некоторую подозрительность во Временном правительстве. В то же время кубанцы и терцы просили Дон прислать хоть несколько сотен, так как «от *товарищей* дышать становится невозможно».

Завязанные в первые дни революции дружественные отношения между общерусской и казачьей революционными демократиями вскоре порвались окончательно. «Казачий социализм» оказался явлением настолько самодовлеющим, замкнутым в своих сословно-корпоративных рамках, что не укладывался в общепринятой идеологии учения, хотя казачьи представители его носили те же установленные названия —

²³ Местами — Областной совет иногородних.

социалистов-революционеров и социал-демократов, при этом в Донском круге, например, при большинстве кадет было солидное представительство социал-революционеров²⁴, а в Кубанской раде — преобладание социал-революционеров и социал-демократов. Главная масса выборного казачества — преимущественно степенные «старики» (молодежь вся на фронте) — не отличалась особенно ни общим, ни политическим развитием и не принадлежала, конечно, ни к каким партиям, смотрела на вещи с чисто прикладной казачьей точки зрения и умеряла до некоторой степени политические увлечения своих верхов.

Советы придали идее «расказачивания» внешние формы как будто объективные: они стремились к объединению всех русских губерний в административном устройстве (советском) — казаки же — к обособлению и чисто казачьему самоуправлению; Советы требовали проведения общеземского демократического положения — казаки не желали поступаться своими учреждениями; Советы настаивали на уравнивании земельных наделов между казаками и крестьянами — казаки всеми силами защищали свое право собственности и распоряжения казачьими землями, основывая его на исторических заслугах своих в качестве завоевателей, охранителей и колонизаторов бывших рубежей русской земли.

Организация общего областного управления не удалась. Началась внутренняя борьба.

На почве этой возникли два явления. Первое — тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьим и иногородним населением, принимавшая иногда впоследствии, в быстро менявшихся этапах гражданской войны, чудовищные формы взаимного истребления, когда власть переходила из рук в руки. При этом обыкновенно та или другая половина населения крупнейших казачьих областей устранялась вовсе от участия в строительстве и хозяйстве края²⁵. Второе — так называемый казачий сепаратизм, или самостийность.

Казачество не имело никакого основания ожидать от революционной демократии благоприятного раз-

²⁴ Круг вошел в блок с кадетской партией (народной свободы) для выборов в Учредительное собрание, вскоре, впрочем, расторгнутый.

²⁵ В главнейших областях, на Дону и Кубани, казачье население составляло около половины.

решения своей участи, и особенно в наиболее жизненном для него вопросе — земельном... Отсюда, независимо от общего здорового течения к децентрализации, у казаков, веками искавших «воли», явилось стремление самим обеспечить себе максимум независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собрание перед совершившимся фактом, или, как говорили более откровенные казачьи деятели, «чтобы было с чего сбавлять». Отсюда — постепенная эволюция от областного самоуправления к автономии, федерации и конфедерации. Отсюда, наконец, при вмешательстве отдельных местных самолюбий, честолюбий и интересов — перманентная борьба со всяким началом общегосударственного направления, ослаблявшая обе стороны и затянувшая надолго гражданскую войну²⁶. Эти же обстоятельства родили идею самостоятельной казачьей армии, возникшей впервые среди кубанцев и не поддержанной тогда Калединым и более государственными элементами Дона.

Все изложенное относится главным образом к трем казачьим войскам (Дон, Кубань, Терек), составляющим более 60% всего казачества. Но общие характерные черты свойственны и другим войскам...

Сообразно с видоизменением состава Временного правительства и падением его авторитета менялось отношение к нему казачества, нашедшее выражение в постановлениях и обращениях Совета Союза казачьих войск, атаманов, кругов и правительств. Если до июля казачество вотировало всемерную поддержку правительству и полное повиновение, то позже оно, *признавая до конца власть правительства*, вступает, однако, в резкую оппозицию по вопросам об устройстве казачьего управления и земства, против применения казаков для усмирения мятежных войск и районов и так далее...

Временное правительство, не имея уже ни авторитета, ни реальной силы, сдало все свои позиции и пошло на примирение с казачьими правительствами.

Замечательно, что даже в конце октября, когда вследствие порыва связи о событиях в Петрограде и Москве и о судьбе Временного правительства на Дону не было еще точных сведений и предполагалось, что осколки его где-то еще функционируют, казачья

²⁶ Об этих явлениях я буду говорить подробнее впоследствии.

старшина в лице представителей собиравшегося Юго-Восточного союза²⁷ искала связи с правительством, предлагая помощь против большевиков, но... обуславливая ее целым рядом экономических требований: беспроцентным займом в полмиллиарда рублей, отнесением на государственный счет всех расходов по содержанию вне территории Союза казачьих частей, устройством эмеритальной кассы для пострадавших и оставлением за казаками всей «военной добычи» (?), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...

Небезынтересно, что Пуришкевич долго носился с идеей переезда на Дон Государственной думы для противовеса Временному правительству и сохранения источника власти на случай его крушения. Каледин отнесся к этому предложению отрицательно.

Характерным показателем отношения, которое сумели сохранить к себе казаки в самых разнородных кругах, является та тяга на Дон, которая впоследствии, к зиме 1917 года, привлекла туда Родзянко, Миллюкова, генерала Алексеева, быховских узников, Савинкова и даже Керенского, который явился в Новочеркасск к генералу Каледину в двадцатых числах ноября 1917 года, но не был им принят. Не явился только Пуришкевич, да и то потому, что в это время сидел в тюрьме у большевиков в Петрограде.

И вдруг оказалось, что все это чистая мистификация, что никакой силы у казачества в то время уже не было!

Ввиду разгоравшихся на территории казачьих войск беспорядков атаманы не раз входили с ходатайством о возвращении с фронта хотя бы части казачьих дивизий. Их ждали с огромным нетерпением и возлагали на них самые радужные надежды. В октябре эти надежды как будто начали сбываться: потянулись домой казачьи дивизии. Преодолевая в пути всевозможные препятствия, задерживаемые на каждом шагу Викжемом и местными советами, подвергаясь не раз оскорблению, разоружению, употребляя где просьбу, где хитрость, а где и угрозу оружием, казачьи части пробивались в свои области.

Как я уже говорил, противогосударственная пропаганда обрушилась с большою силою на казаков. Тем

²⁷ Дон, Кубань, Терек, Астрахань и горцы Северного Кавказа. Об этом позже.

не менее казачьи части, восприняв и комитеты, и все начала «революционной дисциплины», долго сохраняли относительную боеспособность и повиновение...

Но никакими мерами нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, ибо вся психологическая обстановка и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но в общем одинаково воспринимались и казачьей массой. Два неудачных и непонятных казачкам похода на Петроград с Крымовым²⁸ и Красновым²⁹ внесли еще большую путаницу в их смутное политическое мирозерцание.

С возвращением казачьих войск в родные края наступило полное разочарование: они — по крайней мере донцы, кубанцы и терцы³⁰ — принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицанием авторитета «стариков», отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное — полным отказом от всякой борьбы с советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада. Большевизм и казачий уклад. Такие нелепые противоречия выдвигала ежедневно русская действительность на почве пьяного угара, в который выродилась желанная свобода.

Началась трагедия казачьей жизни и казачьей семьи, где выросла непреодолимая стена между «стариками» и «фронтовиками», разрушая жизнь и подымая детей против своих отцов.

* * *

Национального вопроса в старой русской армии почти не существовало. В солдатской среде представители народностей, населявших Россию, испытывали несколько бóльшую тягость службы, обусловленную незнанием или плохим знанием ими русского языка, на котором велось обучение. Только на этой почве —

²⁸ 3-й конный корпус во время корниловского выступления против Керенского.

²⁹ 3-й конный корпус с Керенским против большевиков.

³⁰ Уральское войско до своей трагической гибели в конце 1919 года не знало большевизма.

технических затруднений обучения, быть может, общей грубости и некультурности, но отнюдь не национальной нетерпимости — возникали много раз трения, отяжелявшие положение инородных элементов, тем более что в силу системы смешанного комплектования они были обыкновенно оторваны от родных краев: территориальная система комплектования армии признавалась технически нерациональной и политически небезопасной. В частности, малорусский вопрос не существовал *вовсе*. Малорусская речь вне официального обучения, песни, музыка приобрели полное признание и ни в ком не вызывали впечатления обособленности, воспринимаясь как свое русское, родное. В армии, кроме евреев, все остальные элементы ассимилировались довольно быстро и прочно; армейская среда не являлась *вовсе* проводником ни принудительной русификации, ни национального шовинизма.

Еще менее национальное расслоение заметно было в офицерской среде. За корпоративными, военными, товарищескими или просто человеческими качествами и достоинствами отходили на задний план или стирались *вовсе* национальные перегородки. Лично мне в течение 25 лет службы до революции и в голову не приходило вносить когда-либо этот элемент в отношения командные, служебные, товарищеские. Именно интуитивно, а не в результате известных взглядов и убеждений. Возбуждаемые *вне армии*, в политической жизни страны национальные вопросы интересовали, волновали, разрешались в ту или другую сторону, иногда резко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни...

Война, во всяком случае, опрокинула всякие перегородки, а революция принесла и в порядке законодательном отмену всех вероисповедных и национальных ограничений.

Еще до 1917 года были созданы национальные части по различным соображениям. Несколько латышских стрелковых батальонов, пользовавшихся до революции хорошей боевой репутацией. Кавказская туземная дивизия, которою командовал великий князь Михаил Александрович. Она более известна под названием Дикой и состояла из добровольцев — северокавказских горцев. Едва ли не стремление к изъятию с территории Кавказа наиболее беспокойных элементов было исключительной причиной этого формирова-

ния. Во всяком случае, эпические картинки боевой работы «Дикой» дивизии бледнеют на общем фоне ее первобытных нравов и батыевских приемов. Сербская дивизия (потом корпус), составленная из пленных югославян, которая после неудач и потерь, понесенных в Добрудже, в задунайском отряде генерала Зайончковского³¹, в 1916 году, не могла оправиться. На почве общего упадка дисциплины, отчасти же ввиду возникшей политической распри между родственными, но не очень дружными славянскими племенами (Великая Сербия противопоставлялась Югославии) пришлось сербский корпус летом 1917 года расформировать. Наконец, чехословацкая бригада — из пленных, к осени 1917 года развернутая в целый корпус, сыгравший впоследствии такую исключительную и двойственную роль в антибольшевистской борьбе в Сибири.

С началом революции и ослаблением власти проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин и наряду с ним стремление к национализации, то есть расчленению армии. Несомненно, потребность такого расчленения *тогда* не исходила из сознания массы и не имела никаких реальных обоснований (я не говорю о польских формированиях). Единственные мотивы национализации заключались тогда в стремлении политических верхов возникавших новообразований создать реальную опору для своих домогательств и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях временного или постоянного освобождения от боевых операций. Начались бесконечные национальные военные съезды вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане, требуя провозглашенного «самоопределения» — от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно, а главное — немедленного формирования отдельных войск. В конце концов более серьезных результатов, несомненно отрицательных в смысле целостности армии, достигли формирования украинское и польское, отчасти закавказские. Прочие попытки были пресечены. Лишь в последние дни существования русской армии, в октябре 1917 года, генерал Щербачев

³¹ Командует армией у большевиков.

с целью удержания Румынского фронта приступил к широкому расслоению войск по национальным признакам — попытка, окончившаяся полной неудачей. Должен добавить, что только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы — это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение — в ответ на жалобы евреев — организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах и именовалось злостной провокацией.

Правительство отнеслось резко отрицательно к расслоению армии по признакам национальности...

Командный элемент относился к вопросу национализации двойственно. Большая часть — совершенно отрицательно, меньшая — с некоторой надеждой, что, порывая связь с Советом рабочих и солдатских депутатов, создаваемые заново национальные части могут избежать ошибок, увлечений демократизации и стать здоровым ядром для укрепления фронта и создания армии...

Центрбежные силы разметали страну и армию. К нетерпимости классовой и партийной прибавилось обострение национальной розни, отчасти имевшее основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населяющими Россию, и императорским правительством, отчасти же совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством. Скрытая или подавленная ранее, эта рознь резко проявилась, к сожалению, в тот именно момент, когда общерусская власть добровольно и добросовестно выходила на путь широкой децентрализации, признания исторических прав и культурно-национального самоопределения составных элементов Русского государства...

* * *

Я сменил генерала Гурко. Уход его был предreshен еще 5 мая, и приказ об этом был уже заготовлен в министерстве. Но Гурко подал рапорт, что при создавшихся в армии условиях (после объявления Декларации прав солдата) он снимает с себя всякую нравственную ответственность за ведение армий...

В Минске передо мною прошла длинная вереница лиц, признаться, не оставившая в памяти никаких следов. Гражданское управление прифронтовой полосы

вышло совсем из моего ведения, захваченное местными самоопределившимися учреждениями, и напоминало о себе только просьбами вооруженной силы для подавления вспыхивавших в районе фронта беспорядков. Политики — к моему глубокому удовлетворению — не было никакой...

Из трех генералов, командовавших армиями, двое находились всецело в руках комитетов; но так как фронты их были пассивными, то временно можно было потерпеть их присутствие.

Наступление готовилось на фронте 10-й армии генерала Киселевского в районе Молодечно. Я поехал осмотреть войска и позиции, познакомиться с начальниками и с частями...

* * *

После возвращения моего с фронта в Минск я получил приказание прибыть в Ставку, в Могилев, на совещание к 16 июля. Керенский предложил Брусилову пригласить по его усмотрению авторитетных военачальников для того, чтобы выяснить действительное состояние фронта, последствия июльского разгрома и направление военной политики будущего. Как оказалось, прибывший по приглашению Брусилова генерал Гурко не был допущен на совещание Керенским; генералу Корнилову послана была Ставкой телеграмма, что ввиду тяжелого положения Юго-Западного фронта проезд его не признается возможным и что ему предлагается представить письменные соображения по возбуждаемым на совещании вопросам. Вспомним, что в эти дни, между 14 и 15 июля, шло полное отступление 11-й армии от Серета к Збручу и всех волновал вопрос, успеет ли 7-я армия перейти нижний Серет, а 8-я — меридиан Залещиков, чтобы выйти из-под удара резавших им пути германских армий.

Положение страны и армии было настолько катастрофическим, что я решил, не считаясь ни с какими условностями подчиненного положения, развернуть на совещании истинную картину состояния армии во всей ее неприглядной наготе.

Явился Верховному главнокомандующему. Брусилов удивил меня:

— Антон Иванович, я сознал ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопрос ребром. Все эти

комиссары, комитеты и демократизации губят армию и Россию. Я решил категорически *потребовать от них* прекращения дезорганизации армии. Надеюсь, вы меня поддержите?

Я ответил, что это вполне совпадает с моими намерениями и что я приехал именно с целью поставить вопрос о дальнейшей судьбе армии самым решительным образом. Должен сознаться, что этот шаг Брусилова примирил меня с ним и поэтому я исключил мысленно из своей будущей речи все то горькое, что накопилось исподволь против верховного командования...

В совещании приняли участие и присутствовали: министр-председатель Керенский, министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий генерал Брусилов и его начальник штаба генерал Лукомский, генералы Алексеев и Рузский, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский, Западным — я с начальником штаба генералом Марковым, адмирал Максимов, генералы Величко, Романовский, комиссар Юго-Западного фронта Савинков и два-три молодых человека из свиты Керенского.

Генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткой речью... Затем слово было предоставлено мне...

«С глубоким волнением и в сознании огромной нравственной ответственности я приступаю к своему докладу и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет мое слово теперь — при самодержавии революционном...»

В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты.

Быть может, среди комиссаров и есть черные лебеди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрошенное и преступное вмешательство, не может не разлагать армии...

Другое разрушающее начало — комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многих комитетов, всеми силами исполняющих свой долг. В особенности отдельных членов их, которые принесли несомненную пользу, даже геройской смертью своей запечатлели свое служение Родине. Но я утверждаю, что принесен-

ная ими польза ни в малейшей степени не окупит того огромного вреда, который внесло в управление армией многовластие, многоголовие, столкновения, вмешательства и дискредитирование власти...

Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних³².

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законно послушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления.

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но по крайней мере они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии.

Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем

³² Разъяснение, данное во время речи военного министра.

на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас.

На этом новом крестном пути русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его — светлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

ведите русскую жизнь к правде и свету — под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

...Если в вас есть совесть!»...

* * *

Я кончил. Керенский встал, пожал мою руку... По существу же — по словам Керенского — «генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущей военной реакции»...

* * *

Через два дня после могилевского совещания генерал Брусилев был уволен от должности Верховного главнокомандующего. Опыт возглавления русских армий лицом, проявлявшим не только полную лояльность к Временному правительству, но и видимое сочувствие его мероприятиям, не удался. Отставлен военачальник, который некогда, при вступлении на пост Верховного, свое провиденциальное появление формулировал так³³: «Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революцион-

³³ 9 июня — ответ на приветствие Могилевского совета.

ным народом и Временным правительством по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделюсь от него никогда»...

19 июля постановлением Временного правительства на пост Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов...

В отступление от установившегося и ранее порядка назначений правительство одновременно с назначением Корнилова издало указ без его ведома о назначении генерала Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Корнилов считал это полным нарушением своих прав и послал новый ультиматум, заявив, что он может оставаться в должности Верховного только при условии, если Черемисов будет удален, и притом немедленно. До выяснения вопроса ехать в Могилев отказался. Черемисов, в свою очередь, крайне нервничал и грозил «с бомбами в руках» войти в штаб фронта и установить свои права главнокомандующего.

Это обстоятельство еще более осложнило вопрос, и Корнилов докладывал по аппарату³⁴ в Петроград, что считает более правильным увольнение Черемисова в отставку: «Для упрочения дисциплины в войсках мы решились на применение суровых мер к солдатам; такие же меры должны быть применяемы и к высшим войсковым начальникам»...

В конечном результате в штаб фронта прибыл комиссар Филоненко и сообщил Корнилову, что все его пожелания принципиально приняты правительством, а Черемисов назначается в распоряжение Временного правительства. Главнокомандующим Юго-Западным фронтом был назначен случайно, наспех генерал Балухев, а Корнилов 24 июля вступил в должность Верховного...

Корнилов стал знаменем. Для одних — контрреволюции, для других — спасения Родины.

И вокруг этого знамени началась борьба за влияние и власть людей, которые сами, без него, не могли бы достигнуть этой власти...

В день нашего приезда у Корнилова было совещание из начальников отделов Ставки, на котором

³⁴ Телеграфный разговор с полковником Барановским.

обсуждалась так называемая корниловская программа восстановления армии. Я был приглашен на это заседание...

Как бы то ни было, верховное командование выходило на новый, правильный путь, а личность Корнилова, казалось, давала гарантии в том, что правительство будет принуждено следовать по этому пути. Несомненно, что с советами, комитетами и с солдатской средой предстояла еще длительная борьба. Но по крайней мере определенность направления давала нравственную поддержку и реальное основание для дальнейшей тяжелой работы...

По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет...

* * *

В тюрьму кроме меня и Маркова, участие которых в событиях определяется предыдущими главами, были заключены следующие лица:

3) командующий Особой армией генерал от инфантерии Эрдели;

4) командующий 1-й армией генерал-лейтенант Ванновский;

5) командующий 7-й армией генерал-лейтенант Селивачев;

6) главный начальник снабжений Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Эльснер.

Виновность перечисленных лиц заключалась в высказанной ими солидарности с моей телеграммой № 145, а последнего, кроме того, в выполнении моих приказаний об изолировании фронтового района в отношении Киева и Житомира;

7, 8) помощники генерала Эльснера генералы Павский и Сергиевский — лица, уже абсолютно не имевшие никакого отношения к событиям;

9) генерал-квартирмейстер штаба фронта генерал-майор Орлов — израненный, сухорукий — человек робкий и только исполнявший в точности приказание начальника штаба;

10) поручик чешских войск Клецандо, ранивший 28 августа солдата на Лысой горе;

11) штабс-ротмистр князь Крапоткин — старик свыше 60 лет, доброволец, комендант поезда главно-

командующего. Совершенно не был посвящен в события. В случайной беседе его с одним из наших адъютантов выяснилось, что в его распоряжении имеется дисциплинированная поездная охранная команда, которою и сменили за несколько дней до 27-го большевистскую охрану дома главнокомандующего. Кроме того, князь Крапоткин говорил всем солдатам «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Других преступлений следствие ему не инкриминировало.

Вскоре генералы Селивачев, Павский и Сергиевский были отпущены. Князю Крапоткину объявили об отсутствии состава преступления 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что нас не будут судить в Бердичеве...

В случайно, может быть умышленно, попавшем в мою камеру единственном номере газеты на второй или третий день ареста я прочел указ Временного правительства правительствующему сенату от 29 августа:

«Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж.

Министр-председатель А. Керенский.
Управляющий военным министерством Б. Савинков».

Такие же указы в тот же день отданы были о генералах Корнилове, Лукомском, Маркове и Кислякове. Позднее состоялся приказ об отчислении генерала Романовского.

На второй или третий день ареста на гауптвахте появилась приступившая к опросу следственная комиссия под наблюдением главного полевого прокурора фронта генерала Батога, под председательством помощника комиссара Костицына и в составе членов:

заведующего юридической частью комиссариата подполковника Шестоперова;

члена Киевского военно-окружного суда подполковника Франка;

членов фронтового комитета прапорщика Удальцова и младшего фейерверкера Левенберга.

Мое показание в силу фактических обстоятельств дела было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям: 1) все лица, арестованные вместе со мною, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали; 2) все распоряжения,

отдававшиеся по штабу в последние дни в связи с выступлением генерала Корнилова, исходили от меня; 3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и гибельна для России...

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными; женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса:

— Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревушем. С огромным трудом нас провели сквозь него под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон...

Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом, — какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся.

Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!

Керенский пролил слезу умиления над самоотвержением «наших спасителей» — так он называл не юнкеров, а комиссаров и комитетчиков: «Какая ирония судьбы! Генерал Деникин, арестованный как сообщник Корнилова, был спасен от ярости обезумевших солдат членами Исполнительного комитета Юго-Западного фронта и комиссарами Временного правительства. Я помню, с каким волнением мы с незабвенным Духониным читали отчет о том, как горсть этих храбрых людей конвоировала арестованных генералов сквозь толпу тысяч солдат, жаждавших их крови»³⁵... Зачем клеветать на мертвого? Духонин, наверно, волновался за участь арестованных не меньше, чем за... судьбу их революционной стражи...

Римский гражданин Понтий Пилат сквозь тьму времен лукаво улыбался...

³⁵ «Дело Корнилова».

Не скоро еще история в широком беспристрастном освещении даст нам картину русской революции. Той перспективы, которая сейчас открывается нашему взору, достаточно только для того, чтобы уяснить себе некоторые частные явления ее и, быть может, отвергнуть сложившиеся вокруг них предрассудки и заблуждения.

Революция была неизбежна. Ее называют *всенародной*. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения. Но в вопросе о формах ее и достижениях между ними не было никакого единомыслия, и глубокие трещины должны были появиться с первого же дня после падения старой власти.

Революция имела образ многоликий. Для крестьян — переход к ним земли; для рабочих — переход к ним прибылей; для либеральной буржуазии — изменение политических условий жизни страны и умеренные социальные реформы; для революционной демократии — власть и максимум социальных достижений; для армии — безначалие и прекращение войны...

После 3 марта и до Учредительного собрания *всякая* верховная власть носила признаки самозванства, и *никакая* власть не могла бы удовлетворить все классы населения ввиду непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений.

Ни одна из правивших инстанций (Временное правительство, Совет) не имела за собою надлежащей опоры *большинства*. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя в Учредительном собрании 1918 года сказало: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями; партии борются за власть, а наше мужицкое дело — одна земля»...

Оставим, следовательно, в стороне всенародное и демократическое происхождение временной власти. Пусть она будет самозванной, как это имело место в истории всех революций и всех народов. Но самый факт широкого признания Временного правительства давал ему огромное преимущество перед всеми другими силами, оспаривавшими его власть. Необходимо было, однако, чтобы эта власть стала настолько сильной, по существу абсолютной, самодержавной, чтобы,

подавив силою, быть может оружием, все противодействия, довести страну до Учредительного собрания, избранного в обстановке, не допускающей подмены народного голоса, и охранить это собрание...

Перед новой властью (Временное правительство) встал капитальнейший вопрос — о войне. От решения его зависела участь страны. Решение в пользу сохранения союза и продолжения войны основывалось на побуждениях этических, в то время не вызывавших сомнений, и практических — до некоторой степени спорных. Ныне даже первые поколебались после того, как и союзники, и противники отнеслись с жестоким, циничным эгоизмом к судьбам России. Тем не менее для меня не подлежит сомнению правильность тогдашнего решения продолжать войну...

Решив вести войну, надо было сохранить армию, допустив известный консерватизм в ее жизни. Такой консерватизм служит залогом устойчивости армии и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избежать участия армии в исторических потрясениях, то нельзя и обращать ее в арену политической борьбы, создавая вместо служебного начала *преторианцев или опричников*, безразлично — царских, революционной демократии или партийных.

Но армию развалили.

На тех принципах, которые положила революционная демократия в основу существования армии, последняя ни строиться, ни жить не может. Не случайность, что все позднейшие попытки вооруженной борьбы против большевизма начинались с организации армии на нормальных началах военного управления, к которым постепенно старалось переходить и советское командование...

Отмахнуться от огромного вопроса — о воссоздании на твердых началах национальной армии — не значит решить его...

Армия возродится. Несомненно.

Из тома второго:
БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Август 1917 — апрель 1918 года

* * *

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие — Временное правительство и Совет — допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. Наверху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений, происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновении острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти¹, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право

¹ Кадеты требовали создания власти, покоящейся «на общенациональной почве» и представленной лицами, «не ответственными ни перед какими организациями и комитетами».

Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач...

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого Совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии — социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова. В течение августа левые социалисты-революционеры, возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекали весь июль и август месяцы...

Участились и внешние проявления этого расстройств, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду...

Политическая и социальная борьба, раздиравшая Русское государство, вступила в новый фазис, сохра-

няя, однако, прежнее соотношение и противоположение сил. Ибо если Керенский, демонстрируя независимость верховной власти, влачил за собою тяжелую цепь, приковывавшую его к советам, то за Корниловым, невзирая на отсутствие в нем интереса к чисто политическим вопросам и классовой борьбе, стояли буржуазия, либеральная демократия и то безличное, студенистое человеческое море русской обывательщины, по которой больно ударили и громы самодержавия, и молнии революции и которая хотела только покоя. Стояли одни явно, другие тайно, третьи полусознательно.

Центральный комитет советов формулировал положение так: «Значительные слои буржуазии, не желающие нести требуемых революцией жертв, в союзе с контрреволюционными элементами пользуются испытанными страной затруднениями, чтобы начать открытый натиск на полномочные органы революционной демократии и вести подкоп под созданное революцией Временное правительство...»²

Совещание общественных деятелей не возражало: «...правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказали губительное влияние на его деятельность...» Правительство должно «решительно порвать со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, советов и других подобных организаций»...³

Страна искала *имя*...

Но когда генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, все искания прекратились. Страна — одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью — назвала имя диктатора.

В дни Московского совещания в вагоне Верховного произошел знаменательный разговор между ним и генералом Алексеевым:

— Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз — дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше.

— Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче.

Началось паломничество в губернаторский дом в Могилеве...

² Постановление 4 августа.

³ Постановление 10 августа.

Многочисленные официальные обращения к Корнилову не оставляли сомнения в своем положительном значении.

Когда на Московском совещании вся правая половина русской общественности с высоким подъемом приветствовала Верховного главнокомандующего, она, без сомнения, видела в нем орудие судьбы и своего избранника.

Когда совещание общественных деятелей в постановлении своем от 10 августа говорило о том, что правительство ведет страну к гибели, что должна быть восстановлена власть командного состава, что необходимо решительно порвать с Советами, оно повторяло «корниловскую программу». В воззвании прозвучал даже призыв «из сердца России... к низинным людям» — подобно тому, как 300 лет назад их предки пришли к Москве спасать Родину — и теперь «не выдавать своих героев и вернуть России возможность стать счастливой и великой⁴»...

* * *

Если в Петрограде положение было крайне неопределенным, то еще больший хаос царил в противном лагере.

Керенский приказал вступить в верховное командование последовательно начальнику штаба Верховного генералу Лукомскому, затем главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому. Оба отказались: первый — бросив обвинение Керенскому в провокации, второй — «не чувствуя в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для предстоящей тяжелой работы...». Генерал Корнилов, придя к убеждению, что «правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь (его) программы оздоровления армии, решило устранить (его), как главного инициатора указанных мер⁵, решил не подчиниться и должности не сдавать.

27-го в Ставку начали поступать петроградские воззвания, и Корнилов, глубоко оскорбленный их внешней формой и внутренней неправдой, ответил со своей

⁴ Керенский по поводу этого воззвания возмущенно говорил Кокошкину, что Милюков вновь организует прогрессивный блок против Временного правительства, как против Николая II.

⁵ Из показания Корнилова следственной комиссии.

стороны рядом горячих воззваний к народу, армии, казакам. В них, описывая исторический ход событий, свои намерения и «великую провокацию»⁶, он клялся довести страну до Учредительного собрания. Воззвания, искусственные по стилю⁷, благородные и патристические по содержанию, остались гласом вопиющего в пустыне...

В Могилеве царило тревожное настроение. Ставка работала по-прежнему, и в составе ее не нашлось никого, кто бы посмел, а может быть, кто бы хотел не исполнить приказания опального Верховного... Ближайшие помощники Верховного, генералы Лукомский и Романовский, и несколько других офицеров сохраняли полное самообладание. Но в души многих закрадывались сомнение и страх. И среди малодушных начались уже панические разговоры и принимались меры к реабилитации себя на случай неуспеха. Бюрократическая Ставка по природе своей могла быть мирной фрондой, но не очагом восстания.

В гарнизоне Могилева не было полного единства: он заключал в себе до трех тысяч преданных Корнилову корниловцев и текинцев и до тысячи солдат Георгиевского батальона, тронутых сильно революционным угаром и уже умевших торговать даже своими голосами...⁸ Георгиевцы, однако, чувствуя себя в меньшинстве, сосредоточенно и угрюмо молчали; иногда, впрочем, происходили небольшие побоища на глухих городских улицах между ними и корниловцами. И когда 28 августа генерал Корнилов произвел смотр войскам гарнизона, он был встречен могучими криками «ура» одних и злобным молчанием других...

* * *

1 сентября, когда генерал Алексеев находился уже в Могилеве, командующий войсками Московского округа полковник Верховский говорил ему по аппарату: «...сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то

⁶ «Телеграмма министра-председателя... во всей своей первой части является ложью: «...не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя»».

⁷ Два воззвания составлены Завойко, одно (к казакам) — лично Корниловым.

⁸ При выборах в городскую думу.

издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место! Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин и Сахаров должны быть арестованы немедленно и препровождены...» Революционный неофит был так нетерпелив в своем желании лично разгромить Ставку, что не соглашался подождать ответа отвлеченного к другому аппарату Алексеева: «...выеду непременно... не имею времени ожидать, отдаю распоряжения об отъезде»...

Когда велись еще последние переговоры, они имели по существу информационный, формальный характер, ибо психологически в Ставке все уже было кончено. Еще 29-го весьма поспешно уехал из Могилева Завойко «подымать Дон»⁹; многие чины Ставки перестали ходить на занятия; большая группа толпилась днем и ночью в том доме, в котором должен был остановиться генерал Алексеев...

* * *

«Бердичевская группа арестованных» ехала беспрепятственно в Старый Быхов...

Явился к Верховному.

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — говорил, обнимая меня Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы...

Ко 2 октября в тюрьме находились генералы Корнилов, Деникин, Эрдели, Ванновский, Эльснер, Лукомский, Романовский, Кисляков, Марков, Орлов; подполковники Новосильцев, Пронин, Соотс; капитаны Ряснянский, Роженко, Брагин; есаул Родионов; штабс-капитан Чунихин; поручик Клецандо; прапорщики Никитин, Иванов; военный чиновник Будилович; И. В. Никаноров — сотрудник «Нового времени»; А. Ф. Аладьин — член 1-й Государственной думы.

Быховские узники менее всего похожи были на опасных заговорщиков...

Быховские узники пользовались полной внутренней автономией в пределах стен тюрьмы. Ни Верховная

⁹ Был по пути арестован и некоторое время содержался в Петрограде на гауптвахте вместе с В. Львовым.

следственная комиссия, ни представитель Совета Либера, ни комиссары Вырубов и Станкевич, посещая тюрьму, не делали никаких посягательств на изменение внутреннего режима. Создавалось такое впечатление, будто всем было очень неловко играть роль наших «тюремщиков»...

Между тем в Быхове слагался определенный взгляд на характер дальнейшей деятельности.

Вскоре после прибытия бердичевской группы на общем собрании заключенных поставлен был вопрос:

— Продолжать или считать дело оконченным?

Все единогласно признали необходимым «продолжать». Загорелся спор о формах дальнейшей борьбы. По инициативе, кажется, Аладьина нашлось немало защитников создания «корниловской политической партии». Я решительно протестовал против такой своеобразной постановки вопроса, так не соответствовавшей ни времени и месту, ни характеру корниловского движения, ни нашему профессиональному призванию...

В результате работы небольшой комиссии при моем участии появилась утвержденная Корниловым так называемая корниловская программа.

«1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.

2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достоинство и жизненные интересы России.

4) Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6) Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания».

Так как технически было неудобно опубликовывать «программу Быхова», то в печати она появилась

недатированной, под видом программы прошлого выступления...

Куда уходить в случае нужды?

Только на Дон. Вера в казачество была сильна по-прежнему; Совет казачьих войск, находившийся в постоянных сношениях с Быховом, гальванизировал эту веру, добросовестно заблуждаясь и не чувствуя, что он, как и вся казачья старшина, оторваны от казачьей массы и давно уже не держит в своих руках ее реальной силы — войска...

Между тем распад всей государственной жизни с каждым днем становился все более угрожающим...

Самоопределялись окончательно окраины.

Туркестан пребывал в состоянии постоянной дикой анархии. В Гельсингфорсе открывался явочным порядком Финляндский сейм, и местные революционные силы и русский гарнизон предупреждали Временное правительство, что не позволят никому воспрепятствовать этому событию. Украинская Центральная рада приступила к организации суверенного Учредительного собрания, требовала отдельного представительства на международной конференции, отменяла распоряжения главнокомандующего Юго-Западным фронтом, формировала «вольное казачество» — не то опричнину, не то просто разбойные банды, — угрожавшие окончательно затопить Юго-Западный край.

В стране творилось нечто невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест, под многоговорящими заголовками: «Анархия», «Погромы», «Самосуды» и т. д.

* * *

Огромная усталость от войны и смуты; всеобщая неудовлетворенность существующим положением; не изжитая еще рабья психология масс; инертность большинства и полная безграничного дерзания деятельность организованного, сильного волей и беспринципного меньшинства; пленительные лозунги: «Власть — пролетариату, земля — крестьянам, предприятия — рабочим и немедленный мир...» Вот в широком обобщении основные причины того неожиданного и как будто противного всему ходу исторического развития русского народа факта — восприятия им или, вернее, *непротивления* воцарению большевизма...

Власть падала из слабых рук Временного правительства, и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы. Этим фактом в октябре 1917 года был произнесен приговор стране, народу и революции.

Троцкий имел основание сказать в Совете за неделю до выступления: «...нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны... Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил».

Действительно, весь процесс захвата власти происходил явно и открыто.

Северный областной съезд Советов, Петроградский Совет, вся большевистская печать, в которой работал под своим именем и скрывшийся Ленин, призывали к восстанию. 16 октября Троцкий организовал Военно-Революционный Комитет...

* * *

В первые же дни после переворота Совет народных комиссаров издал ряд оглушительных декретов: предложение всем воюющим державам немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия переговоров о демократическом мире; о передаче всей земли в распоряжение волостных земельных комитетов; о рабочем контроле в промышленных заведениях; о «равенстве и суверенитете народов России... вплоть до отделения и образования самостоятельных государств»; об отмене судов и законов и т. д.

Однако за смелыми, казалось, до безрассудства действиями новой власти чувствовалась еще полная неуверенность ее в успехе, а в народных массах — недоумение и колебание...

Тем временем в стране шла борьба, принявшая наиболее реальные формы в трех ее проявлениях: в центробежном стремлении окраин, в противодействии местных самоуправлений и в сопротивлении и саботаже со стороны городской демократии.

Объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии — Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь... Это явление, нося внешние признаки государственной целесообразности в непризнании самозванной центральной власти, заключало в себе серьезную опасность для будущего как

в ослаблении и, может быть, порыве внутренних исторических связей некоторых окраин с Россией, так, главным образом, в полном разъединении материальных и моральных сил при предстоящей борьбе с большевизмом. Внешне как будто все обстояло благополучно: Киев, Новочеркасск, Екатеринодар, Тифлис заговорили о федерации и коалиционном составе центрального правительства.

Но на практике картина получалась иная: Украина «аннексировала» уже Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, часть Таврической губернии; Дон вел тяжбу с Украиной о границах, и из-за пустого в сущности вопроса Екатерининской железной дороги обе «высокие стороны» придвигали к «пограничным» пунктам гарнизоны; самоопределившиеся «горские народы» огнем и оружием начали уже разрешать спорные исторические вопросы с Терекком; Тифлис накладывал руку на огромные общегосударственные средства Кавказского фронта. Но наиболее губительной и предопределившей весь исход борьбы явилась идея, воспринятая по убеждению национальными шовинистами и по заблуждению — лояльным элементом: *сначала* отгородиться совершенно в территориальных, областных, национальных рамках не только от районов, пораженных большевизмом, но и от сравнительно «здоровых» соседей, заняться внутренней организующей работой и накоплением сил, а *потом* уже выступить активно сообразно со сложившейся политической обстановкой. Эта глубоко ошибочная идея давала большевизму время и возможность, действуя по «внутренним операционным направлениям» стратегического и политического фронта, разбить по частям и смести разрозненные противодействовавшие силы.

Политически действенные элементы Октябрьский переворот разбил на три группы: 1) решительно отрицающих большевизм, в том числе кадеты, народные социалисты, кооператоры, группа Единства, правые социалисты-революционеры и большинство профессиональных союзов; 2) приемлющих соглашение с большевиками — социал-демократы меньшевики и 3) большевики с примыкавшими к ним левыми социалистами-революционерами и интернационалистами...

В связи с падением Временного правительства юридическое положение быховцев становилось совершенно неопределенным...

Мы простились с Корниловым сердечно и трогательно, условившись встретиться в Новочеркасске. Вышли из ворот тюрьмы, провожаемые против ожидания добрым словом наших тюремщиков-георгиевцев, которых не удивило освобождение арестованных, ставшее последнее время частным.

— Дай вам Бог, не поминайте лихом...

Поздно вечером 19 ноября комендант Быховской тюрьмы сообщил георгиевскому караулу о полученном распоряжении освободить генерала Корнилова, который уезжает на Дон. Солдаты приняли это известие без каких-либо сомнений. Офицеры караула капитан Попов и прапорщик Гришин беседовали по этому поводу с георгиевцами и встретили с их стороны сочувствие и доброе отношение к уезжающему.

В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих «тюремщиков» за исправное несение службы, выдал в награду 2 тысячи рублей. Они ответили пожеланием счастливого пути и провожали его криками «ура!»...

Приехав в Новочеркасск около 22 ноября, я не застал генерала Алексеева, уехавшего в Екатеринодар на заседание правительства Юго-Восточного союза. Направился к Каледину, с которым меня связывали давнишнее знакомство и совместная боевая служба. В атаманском дворце пустынно и тихо. Каледин сидел в своем огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами. Не узнал. Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку.

Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия. Крыленко направляет на Дон карательные экспедиции с фронта. Черноморский флот прислал ультимативное требование «признать власть за советами рабочих и солдатских депутатов». В Макеевском районе объявлена Донецкая социалистическая республика. Вчера к Таганрогу подошел миноносец, несколько траллеров (видимо, тральщиков.— Н. Б.) с большим отрядом матросов; траллеры прошли гирла Дона и вошли в Ростовский порт. Военно-революционный комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контрреволюционного казачества». А донцы борются не

хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Атаман был под свежим еще гнетущим впечатлением разговора с каким-то полком или батареей, стоявшими в Новочеркасске. Казаки хмуро слушали своего атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил:

— Да что там слушать, знаем, надоели!

И казаки просто разошлись...

— На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...

— И Корнилову?

— Да, тем более.

Я уважал Каледина и нисколько не обиделся за этот совет: атаману виднее, очевидно, так нужно. Но, знакомясь ближе с жизнью Дона, я приходил к выводу, что все направление политики и даже внешние этапы жизни донского правительства и представительных органов сильно напоминали общий характер деятельности и судьбы общерусской власти... Это было тем более странно, что во главе Дона стоял человек несомненно государственный, казалось, сильный и, во всяком случае, мужественный.

Каледина я знал еще до войны по службе в Киевском военном округе. Тогда военная жизнь была проще и требования ее элементарнее. Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может, упрямый. Этим и ограничивались мои впечатления. В первый месяц войны 12-я дивизия, которою он командовал, шла перед фронтом 8-й армии Брусилова в качестве армейской конницы. Брусилов был недоволен действиями конницы и высказывал неодобрение Каледину. Но скоро отношение переменилось. Успех за успехом дал имя и дивизии, и ее начальнику...

Под влиянием беседы с Калединым Лукомский уехал во Владикавказ, я и Марков — на Кубань...

Прожили мы на Кубани первую неделю в станице Славянской, потом я переехал в Екатеринодар, пользуясь документом на имя Домбровского. То, что я увидел на Кубани, привело меня в большое недоумение своим резким контрастом с оценкой Каледина. Внутреннее состояние здесь было еще более сложно и тревожно, чем на Дону. И если оно не прорывалось

крупными волнениями, то только потому, что «внутренний фронт» был далеко и Донская область прикрывала Кубань от непосредственной угрозы воинствующего большевизма.

Тот разрыв государственных связей с центром, который на Дону наступил в силу крушения Временного правительства, на Кубани существовал давно, будучи вызван другими, менее объективными причинами. Еще 5 октября, при решительном протесте представителя Временного правительства, Краевая казачья рада приняла постановление о выделении края в самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся «равноправным, самоуправляющимся членом федерации народов России». При этом право выбора в новый орган управления предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно «коренному» иногороднему населению¹⁰, т. е. почти половина области лишена была избирательных прав¹¹. Во главе правительства, состоявшего по преимуществу из социалистов, был поставлен войсковой атаман полковник Филимонов — человек, обладавший несомненно более государственными взглядами, нежели его сотрудники, но недостаточно сильный и самостоятельный, чтобы внести свою индивидуальность в направление деятельности правительства. Решение Рады принято было значительным большинством голосов, составленным из оригинального сочетания «стариков» — консервативного элемента несколько патриархальной складки, чуждого всяких политических тенденций, и казачьей интеллигенции. Эта последняя носила партийные названия социалистов-революционеров и социал-демократов, но, вскормленная на сытом хлебе привольных кубанских полей, она пользовалась социалистическими теориями только в качестве внешнего одеяния и для «экспорта», сохраняя у себя дома в силе все кастовые традиционные перегородки. Против решения Рады были фронтовые казаки и коренные крестьяне; последние, выразив протест против непатриотического и недемократического, по их убеждению закона, вышли из состава Рады.

Мотивами к такому негосударственному решению вопроса — отделению «Кубанской республики» — по-

¹⁰ Крестьяне староселы.

¹¹ До тех пор Кубанская область управлялась двумя органами, враждовавшими друг с другом: Войсковым правительством и Исполнительным комитетом иногородних.

служили тревога «стариков» за участь казачьих земель, которым угрожала общерусская земельная политика, честолюбие кубанской социалистической интеллигенции, жаждавшей трибуны и портфелей, и, наконец, украинские влияния, весьма сильные среди представителей черноморских округов.

Рознь между казачьим и иногородним населением приняла еще более острые формы: наверху, в представительных учреждениях, она проявлялась непрекращавшейся политической борьбой, внизу, в станицах,— народной смутой, расчищавшей путь большевизму. Казачьи социалисты не учли соотношения сил. Против Рады и правительства встало не только иногороднее население, но и фронтовое казачество; эти элементы обладали явным численным перевесом, а главное — большим дерзанием и буйной натурой. Большевизм пришел в массу иногородних, найдя в различных слоях их такую же почву, как и везде в России, осложненную вдобавок чувством острого недовольства против земельных и политических привилегий господствующего класса — казачества. Но фронтовая молодежь не имела решительно никаких данных в политических, бытовых, социальных условиях жизни Кубани для восприятия большевизма. Ее толкнули к нему только психологические причины: пьяный угар обезумевшей солдатчины на фронте, принимавший заразные формы, безотчетное сознание силы в новом нашествии, усталость от войны и нежелание дальнейшей борьбы в какой бы то ни было форме, наконец, сильнейшая агитация большевиков, угрожавших кровавой расправой в случае сопротивления и обещавших не касаться внутреннего казачьего уклада, имущества и земель в случае покорности.

Был еще один элемент на Кубани, по природе своей глубоко враждебный большевизму,— это черкесский народ, вызывавший большие и необоснованные надежды на Дону и в кругах Добровольческой армии в качестве одного из источников комплектования противобольшевистской вооруженной силы. Бедные, темные, замкнутые в узких рамках архаического быта, черкесы оказались наименее воинственным элементом на Кавказе и приняли большевистскую власть с наибольшей покорностью и с наиболее тяжелыми жертвами. Формирования же черкесских частей впоследствии окончились полной неудачей: полки эти были страшнее для мирного населения, чем для противника...

Почтенный старик Ф. Щербина — историк Кубанского края — приводит статистические данные по вопросу распространения на Кубани большевизма как доказательство полной чужеродности его казачьей среде. Поражены им были прежде всего и главным образом станицы, лежавшие на железнодорожных путях из Ростова и Закавказья, откуда шли солдатские эшелоны и возвращались фронтовые казаки. Баталпашинский, например, отдел, расположенный в стороне от магистралей, сохранился дольше и лучше всех. Мартиролог кубанских станиц, переходивших в большевизм, выражается следующими цифрами:

1917 г.		1918 г.	
август	3	январь	20
сентябрь	2	февраль	16
октябрь	5	март	24 ¹²
ноябрь	5	апрель	1
декабрь	10	май	1
		Всего	87 станиц

Таким образом, роковой круг замкнулся в течение 10 месяцев.

Эта оригинальная статистика, вероятно единственная в своем роде на пространстве русской территории, дает и другие любопытные указания: на 947 151 жителя станиц большевиков было 164 579, т. е. 17%, в их числе казаков — 3,2% и иногородних — 96,8%. В пятидесяти станицах насчитано 770 видных советских деятелей-комиссаров, членов совета и агитаторов; из них 69 интеллигентов и полуинтеллигентов и 711 людей совершенно необразованных, состоявших на низших ступенях общественной лестницы, по большей части уголовного элемента. В общем числе их 34% казаков и 66% иногородних.

Большевизм начал проявляться в области обычными своими признаками: отрицанием краевой власти, упразднением станичной администрации и заменой ее советами, насилиями над офицерами, зажиточными казаками и «буржуями», разбоями, «социализациями», реквизициями и т. д. В самом Екатеринодаре царила донельзя сгущенная, нездоровая атмосфера, шли непрерывные митинги, на каждом перекрестке собиралась

¹² Под чертой — время советской власти.

толпа, возбуждаемая речами большевистских ораторов. В городе с октября существовал военно-революционный комитет, имевший свои отделы — Дубинский и Покровский — в пригородах...

В Армавире большевики образовали Кубанский краевой революционный комитет под председательством Я. Полуяна; отсюда началась систематическая борьба против Екатеринодара вооруженной силой и агитацией...

Северный Кавказ бушевал. Падение центральной власти вызвало потрясение здесь более серьезное, чем где бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид, разноплеменное население Кавказа заволновалось. Объединявший его ранее русский элемент — 40% населения края¹³ — состоял из двух почти равных численно групп — терских казаков и иногородних, разъединенных социальными условиями и сводивших теперь в междоусобной борьбе старые счета, по преимуществу земельные; они не могли поэтому противопоставить новой опасности ни силы, ни единства. Терское войско, слабое численно, затерянное среди враждебной стихии и переживавшее те же моральные процессы, что и старшие братья на Дону и Кубани, внесло еще менее своей индивидуальности в направление борьбы. Еще до половины декабря, когда был жив атаман Караулов и до некоторой степени сохранилось несколько терских полков, сохранялся еще и призрак власти и вооруженной силы. Караулов вел определенную политику борьбы с большевизмом и примирения с горцами. Видя невозможность для себя остановить анархию в крае, Караулов пришел к мысли о создании Временного Терско-Дагестанского правительства, которое и было образовано в начале декабря совместно тремя организациями: Терским казачьим правительством, Союзом горцев Кавказа и Союзом городов Терской и Дагестанской областей. Новое правительство приняло на себя «впредь до создания основных законов полноту общей и местной государственной власти».

Но эта власть не имела решительно никакой реальной силы, ни на кого не опиралась, и даже в самом

¹³ Все население Терско-Дагестанского края — около 1,4 млн человек.

Владикавказе ее игнорировал местный Совет. 13 декабря на станции Прохладной толпа солдат-большевиков по указанию из Владикавказского совдепа отцепила вагон, в котором находился атаман Караулов с несколькими сопровождавшими его лицами, отвела на дальний путь и открыла по вагону огонь. Караулов был убит. С его смертью Терско-Дагестанское правительство стало еще более обезличенным.

Фактически на Тереке власть перешла к местным Советам и бандам солдат Кавказского фронта, которые непрерывным потоком текли из Закавказья и, не будучи в состоянии проникнуть дальше, в родные места, ввиду полной закупорки кавказских магистралей, оседали, как саранча, по Терско-Дагестанскому краю. Они терроризовали население, насаждали новые советы или нанимались на службу к существующим, внося повсюду страх, кровь и разрушение. Этот поток послужил наиболее могущественным проводником большевизма, охватившего иногороднее русское население (жажда земли), задевшего казачью интеллигенцию (жажда власти и идеи социализма) и смутившего сильно терское казачество (страх «идти против народа»). Что касается горцев, то, крайне консервативные в своем укладе жизни, в котором весьма слабо отражалось социальное и земельное неравенство, верные своим задачам и обычаям, они управлялись своими национальными советами, были глубоко чужды и враждебны идеям большевизма, но быстро и охотно восприняли многие прикладные стороны его, в том числе насилие и грабеж. Тем более что путем разоружения проходивших войсковых эшелонов или купли у них горцы приобрели много оружия (даже пушки) и боевых припасов. Кадром для формирования послужили полки и батареи бывшего Кавказского туземного корпуса.

В начале 1918 года в общих чертах картина жизни на Северном Кавказе представлялась в следующем виде.

Дагестан, в общем наиболее замиренный и лояльный, теперь под влиянием событий стал подпадать под турецкое влияние, и в нагорной части его велась широко проповедь панисламизма. Подогреваемая его идеей, шла не прекращаясь партизанская война против большевиков, группировавшихся по преимуществу вдоль дороги Баку — Петровск; но по отношению к казакам

и служилым русским людям дагестанцы враждебных действий не проявляли.

Чечня, раздираемая внутренними междоусобиями, разделенная на 50—60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняясь то к турецкой, то к большевистской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тяжбе с русскими колонизаторами. Общая идея совместной с ингушами борьбы их заключалась в том, чтобы отбросить терских казаков и частью осетин за Сунжу и Терек, овладеть их землями и, уничтожив тем чересполосицу, связать прочно горную и плоскостную Ингушетию (в районе Владикавказа), с одной стороны, и Чечню с Ингушетией — с другой. Еще в конце декабря чеченцы с фанатическим воодушевлением крупными силами обрушились на соседей. Грабили, разоряли и жгли дотла богатые цветущие селения, экономии и хутора Хасав-Юртовского округа, казачьи станицы, железнодорожные станции, жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы.

Ингуши, наиболее сплоченные и выставившие сильный и отлично вооруженный отряд, грабили всех: казаков, осетин, большевиков, с которыми, впрочем, были в союзе, держали в постоянном страхе Владикавказ, который в январе захватили в свои руки и подвергли сильному разгрому. Вместе с тем в союзе с чеченцами ингуши приступили к вытеснению казачьих станиц Сунженской линии, для чего еще в ноябре в первую очередь подожгли со всех сторон и разрушили станицу Фельдмаршальскую.

Осетины — наиболее культурный из горских народов, имевший «даже» свою социалистическую интеллигенцию, склонявшуюся к большевизму. Народ, однако, выдержал искушение. Подчиняясь господствующей силе, осетины все же считали своими врагами большевиков и ингушей и, невзирая на не разрешенные еще земельные споры с казаками, охотно присоединялись к каждому выступлению их против большевиков.

Наконец, кабардинцы, восприняв от большевиков земельную практику, отняли у своих узденей (дворянства) земли и затем жили мирно, стараясь сохранить нейтралитет среди борющихся сторон.

В этой сложной обстановке терское казачество пало духом. В то время как горские народы, побуждаемые национальным чувством, путем чистой импровизации создавали вооруженную силу, природное войско с ис-

торическим прошлым, выставлявшее 12 хорошо организованных полков, разлагалось, расходилось и разоружалось по первому требованию большевиков. Агитация, посулы большевистских агентов и угрозы горцев заставляли малодушных искать спасения в большевизме, который, вначале по частной инициативе местных советских организаций, потом по указанию из центра, пользовался распрей, становясь то на сторону горцев против казаков, то на сторону казаков против горцев и в общем хаосе утверждая на крови тех и других свою власть.

В конце января в Моздоке собрался рабоче-крестьянский съезд, переехавший затем в Пятигорск. Съезд выбрал из своего состава самостоятельное правительство — Терский народный совет — под председательством некоего Пашковского, сосланного некогда в каторжные работы за ограбление казначея реального училища и возвращенного в силу общей амнистии, данной Временным правительством.

В течение месяца Народный совет правил параллельно с Терско-Дагестанским правительством; наконец, последнее, не видя ниоткуда поддержки, в конце февраля «во избежание кровопролития» добровольно сложило с себя власть и предложило Совету переехать во Владикавказ.

Терский край был объявлен составной частью РСФСР.

Мне остается еще отметить две попытки к объединению Юго-Востока в более широких областных или национальных рамках.

Вскоре после начала революции возник Союз горцев Северного Кавказа, который выделил Центральный комитет и первоначально поставил своей целью борьбу с анархией, поддержание правопорядка, мирное разрешение межнациональных столкновений, обеспечение прав национальных меньшинств в Учредительном собрании и т. д. После большевистского переворота Центральный комитет в декабре 1917 года объявил себя правительством горских народов Кавказа. Тот разброд задач и целей, которые преследовали горские народы, лишал всякой почвы союзное правительство. Совершенно чуждое одним (абхазцы и черкесы), враждебное другим (осетины), оно установило некоторую внешнюю связь с Ингушетией

и Чечней, откуда изредка и случайно получались небольшие суммы на содержание самого правительства. Эти суммы и личный большой кредит председателя, богатого чеченца-нефтепромышленника Топы Чермоева, были единственным источником существования «правительства». Не имея никаких реальных возможностей управления, «горское правительство» с самого начала бросило всякие попытки устроения края и перешло к чистой политике, составив звено в цепи тех многочисленных самодовлеющих «народных» представительств, которые рождены были русской революцией и составляют одну из любопытных ее черт...

Гораздо серьезнее и по замыслу, и по политическому значению представлялось образование в конце сентября Юго-Восточного союза. Возникшее по инициативе Кубани, это объединение должно было включать три казачьи области — Донскую, Кубанскую, Терскую — и «вольные народы гор и степей», под которыми разумелись горцы Северного Кавказа, калмыки и другие инородцы Ставропольской губернии. В дальнейшем в состав союза предполагалось привлечь Уральское (Яицкое) и Астраханское войско и, может быть, Закавказье...

Практического осуществления идея союза, однако, не получила. К концу сентября создано было Объединенное правительство Юго-Восточного союза во главе с В. А. Харламовым¹⁴ — правительство чисто фиктивное, не только не оказавшее в ту трудную пору (конец 1917 — начало 1918 года) какого-либо влияния на ход событий, но просто прошедшее незамеченным для широких кругов населения Юга. Безвластие и бессилие областных правительств, неимение денежных средств и вооруженной силы, а главное — отсутствие опоры в народной массе лишили это начинание казачьей интеллигенции всякого реального значения.

Идея союза, однако, не была оставлена и в 1919 году, при совершенно иной военно-политической обстановке, вновь привлекла к себе серьезное внимание казачьих верхов...

Цели, преследуемые Добровольческой армией, впервые были обнародованы в воззвании, исходившем из штаба, 27 декабря.

¹⁴ Донской деятель, кадет, бывший комиссар Закавказья.

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих поправленных прав».

2. «Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью другая ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России... «Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием».

В заключение воззвание призывало «встать в ряды российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью»...

Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить своей задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдерживать напор не организованного

пока еще большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще инертные или даже враждебные народные силы...

Формирование армии вначале носило поневоле случайный характер, определяясь зачастую индивидуальными особенностями тех лиц, которые брались за это дело. К началу февраля в состав армии входили:

1. Корниловский ударный полк (подполковник Неженцев).

2. Георгиевский полк — из небольшого офицерского кадра, прибывшего из Киева (полковник Кириенко).

3. 1-й, 2-й, 3-й офицерские батальоны — из офицеров, собравшихся в Новочеркасске и Ростове (полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, позднее полковник Симановский).

4. Юнкерский батальон — главным образом из юнкеров столичных училищ и кадет (штабс-капитан Парфенов).

5. Ростовский добровольческий полк — из учащейся молодежи Ростова (генерал-майор Боровский).

6. Два кавалерийских дивизиона (полковник Гершельман и Глазенап).

7. Две артиллерийские батареи — преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров (подполковники Миончицкий и Ерогин).

8. Целый ряд мелких частей, как-то: «морская рота» (капитан 2-го ранга Потемкин), инженерная рота, чехословацкий инженерный батальон, «дивизион смерти» Кавказской дивизии (полковник Ширяев) и несколько партизанских отрядов, называвшихся по именам своих начальников.

Все эти полки, батальоны, дивизионы были по существу только кадрами, и общая боевая численность всей армии вряд ли превосходила три-четыре тысячи человек, временами, в период тяжелых ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров. Армия обеспеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться, и драгаться, неся большие потери и иногда разрушая только что сколоченную с большими усилиями часть...

Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

Я был назначен начальником Добровольческой дивизии, в состав которой входили все наши формирования, так что, в сущности, возникало двоевластие, устраненное впоследствии, в начале февраля. Хозяйственных функций у меня не было никаких. Начальником штаба «дивизии» стал генерал Марков; штаб — четыре-пять офицеров.

При командующем армией образовался большой штаб армии, возглавляемый генералом Лукомским и ведавший всеми организационными, административными, хозяйственными вопросами, а также высшим оперативным руководством армии. Имел свой штаб и генерал Алексеев...

Штаб армии состоял из двух отделов — строевого и снабжений. Первым ведал генерал Романовский, вторым — генерал Эльснер...

* * *

В Брест-Литовске происходил торг между центральными державами и их советскими агентами, воспоминание о котором вызывает жгучий стыд и боль. Никогда еще европейские государственные деятели не сбрасывали с себя с таким бесстыдством всякие покровы чести и справедливости. Совет народных комиссаров, связанный денежными отношениями с немецким штабом, соблюдал, однако, внешний декорум. Совет пожелал узнать мнение крыленковской Ставки — подписывать ли немедленный мир на немецких условиях или нет, «в зависимости от способности фронтов к боевому сопротивлению». Крыленко собрал 22 января военный совет¹⁵, членов которого он познакомил с мнениями по этому поводу Ленина и Бронштейна. Первый считал необходимым заключение мира во что бы то ни стало; второй предлагал «всю материальную часть действующей армии эвакуировать в глубь страны... старую армию распустить, а потом, не подписывая и не заключая мира, предоставить немцам поступать с нами, как они хотят, заранее зная, что они все равно фактически нам сделать ничего не могут, так как Германия заливается пожаром пролетарской революции». Даже крыленковский совет возмутился подобной постановкой вопроса и большинством 7 голосов

¹⁵ Из девяти председателей различных военных большевистских учреждений и двух генералов — Бонч-Бруевича и Лукирского.

против 4 (в последнем числе голос самого главковерха) признал невозможным заключение мира на предложенных немцами условиях и необходимым продолжать борьбу всеми средствами...

* * *

Первый Кубанский поход. Мы уходили.

За нами следом шло *безумие*...

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники...

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл *Первого Кубанского похода*...

Принято было решение идти на Кубань.

Однако на другой день вечером обстановка изменилась: к командующему приехал походный атаман генерал Попов и его начальник штаба полковник Сидорин. В Донском отряде у них было 1500 бойцов, 5 орудий, 40 пулеметов. Они убедили Корнилова идти в зимовники. Наш конный авангард, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели, я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание, однако, посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе...

Присоединилось несколько казачьих партизанских отрядов, прибывают офицеры, вырвавшиеся из Ростова, раненые добровольцы, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Притворяются здоровыми, боясь, что их не возьмут в поход...

Определилось яснее настроение донских казаков: не понимают совершенно ни большевизма, ни «корниловщины»...

* * *

23 февраля мы вступили в пределы Кубанской области.

Совсем другое настроение: армию встречают приветливо, хлебом-солью. После скитаний среди равно-

душной или враждебной нам стихии — душевный уют и новые надежды.

Кубань — земля обетованная!

Это настроение проходило, словно невидимый ток, по всему добровольческому организму и одинаково захватывало мальчика из юнкерского батальона, полковника, шагающего в рядах офицерского полка, бывшего политического деятеля, трясущегося на возу в обозе, и... самого командующего армией.

Кубань — наша база. Здесь мы найдем надежную опору. Отсюда можно начать серьезную и организованную борьбу.

Нас — пришельцев с севера — удивляли огромное богатство ее беспредельных полей, ломающиеся от хлеба скирды и амбары, ее стада и табуны. Сыты все — и казаки, и иногородние, и «хозяин», и «работник».

Нас располагал к себе веселый, открытый характер кубанских казаков и казачек — таких далеких, таких, казалось, чуждых большевистского угара...

Казаки начали поступать в армию добровольцами: Незамаевская выставила целый отряд, человек в полтора ста. Станичные сборы враждебны большевикам и выражают преданность Корнилову...

Добровольческая армия прошла уже около 250 верст по взбаламученному краю, обходя или легко опрокидывая большевистские отряды. Власть Главковерха Антонова и Донского военно-революционного комитета, проявляясь в центрах, становилась чисто фиктивной по мере удаления от них. «Главные силы» Ставропольского Совета народных комиссаров после взятия Батайска и разграбления Ростова, не исполнив приказа Главковерха о преследовании Добровольческой армии, обратив в заложников своего командующего Сохацкого и военного комиссара Анисимова, пробивались с награбленным добром обратно в Ставрополь, бесчинствуя и грабя по пути. На станциях Владикавказской дороги — Степной, Кущевке, Сосыке, Тихорецкой, Торговой и др. — образовались многочисленные и буйные вооруженные скопища, не подчинявшиеся никаким центрам и «управляемые» своими собственными революционными комитетами и местными самодержцами. Многие из них в два-три раза превышали численно всю нашу армию, но такое только

превосходство в силах не представлялось тогда опасным для добровольцев.

Теперь мы попали в несколько иные условия: Кубанский военно-революционный комитет и «главнокомандующий войсками Северного Кавказа» Автономов сумели собрать вокруг себя значительные силы Красной гвардии (по преимуществу эшелоны бывшей Кавказской армии), которые вели успешную борьбу с Екатеринодаром...

Мы не знали тогда, что за Кубанью армия попадет в сплошной большевистский район и долго еще будет вести непрерывные тяжелые бои изо дня в день; что и это новое огромное напряжение не сломит дух добровольцев; что, наконец, по иронии судьбы в то самое утро, когда армия наша повернет с Екатеринодарского направления на юг, Кубанский добровольческий отряд, уверовавший наконец в приход Корнилова на Кубань, поведет наступление через аул Шенджий на Екатеринодар...

5 марта был отдан приказ — армии с наступлением сумерек, соблюдая полнейшую тишину, двинуться на Усть-Лабинскую переправу...

* * *

В ночь на 8 марта наши передовые части перешли с боем на левый берег Лабы и, отбросив большевиков, обеспечили переправу армии...

Перешедшие войска сразу же попали в сплошное большевистское окружение. Каждый хутор, каждая роща, отдельные строения оцетинились сотнями ружей и встречали наступающие части огнем...

Лишь к закату армия раздвинула несколько сжимавшее ее огневое кольцо и заночевала в двух хуторских поселках. Штаб — в Киселевских хуторах. Собственно только эти два пункта находились в нашем фактическом обладании, охраняемые на небольшом расстоянии аванпостами. А дальше — раздвинутое кольцо сжалось вновь...

В феврале пал Дон, большевистские силы приближались к Екатеринодару. Настроение в нем упало окончательно. «Работа правительства и Рады,— говорит официальный повествователь,— с открытием военных действий, конечно, не могла уже носить спокойного и плодотворного характера... Грохот снарядов заглушал и покрывал собою все». Правительство решило

«сохранить себя как идейно-политический центр... как ядро будущего оздоровления края» и совместно с казачье-горской фракцией Рады постановило покинуть Екатеринодар и уйти в горы, выведя и «верные правительству» войска. День выступления предоставлено было назначить полковнику Покровскому.

При создавшихся военно-политических условиях длительная оборона Екатеринодара не имела бы действительно никакого смысла. Но 25 февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл в Екатеринодар посланный штабом Добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом, ввиду того что корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко.

Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором.

Вечером 28 февраля из Екатеринодара через реку Кубань на юг выступили добровольческие отряды, атаман, правительство, казачье-горская фракция законодательной Рады, городские нотабли и много беженцев. В их числе и председатель Государственной думы М. В. Родзянко. В обращении к населению бывшая кубанская власть объясняла свой уход тактической трудностью обороны города, нежеланием «подвергать опасности борьбы городское население», на которое может обрушиться «ярость большевистских банд», и, наконец, тем обстоятельством, что население края «не смогло защитить своих избранников».

В этом послесловии сепаратной деятельности кубанской революционной демократии в первый период смуты прозвучал и новый, как будто примиряющий мотив: «Мы одухотворены *идеей защиты республики Российской и нашего края от гибели, которую несут с собой захватчики власти, именующиеся большевиками*».

Сосредоточившиеся на другой день в ауле Шенджий кубанские войска были сведены в более крупные части, составив в общей сложности отряд до 2¹/₂—3 тыс. штыков и сабель с артиллерией...

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного Кубанского отряда и оперативное подчинение его генералу Корнилову...

Екатеринодар между тем после ухода добровольцев переживал тяжело перемену власти. 1 марта в город вошли войска Сорокина, и начались неслыханные бесчинства, грабежи и расстрелы. Каждый военный начальник, каждый отдельный красногвардеец имел власть над жизнью «кадет и буржуев». Все тюрьмы, казармы, общественные здания были переполнены арестованными, заподозренными «в сочувствии кадетам». В каждой воинской части действовал свой военно-революционный суд, выносивший смертные приговоры.

Военные начальники Красной гвардии не могли или не хотели остановить бесчинства...

* * *

15 марта — Ледяной поход — слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях — не то были, не то сказки.

Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи — по дорогам и без дорог, заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами.

Впереди перестрелка: не доходя двух-трех верст до Новодмитриевской, речка, противоположный берег которой занят аванпостами большевиков. Их отбросили огнем наши передовые части, но мост оказался не то снесенным вздувшейся и бурной речкой, не то испорченным противником. Послали конных искать броды.

Колонна сгрудилась к берегу...

27 марта мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнения. Чтобы не повторить ростовской ошибки, решено было временно, до упрочения военного положения, не восстанавливать кубанскую власть, а назначить в Екатеринодар генерал-губернатора; эта должность возложена была на меня. Помню, что кубанское правительство отнеслось к этой мере с молчаливым осуждением. И когда я просил дать мне в помощь опытных общественных деятелей, они предложили мне... уволенного некогда полицмейстера в свое контрразведочное отделение...¹⁶ В этот же день Корнилов *в первый раз* отдал приказ о том, чтобы окрестные кубанские станицы выставили и немедленно прислали в состав Добровольческой армии определенное число вооруженных казаков...

И у нашей армии был свой маленький Иерусалим. Пока еще не тот — заветный, далекий, с золотыми маковками сорока сороков Божьих церквей... Более близкий. Екатеринодар.

* * *

К 27 марта на правом берегу Кубани была уже конница Эрдели и 2-я бригада Богаевского. Бригада Маркова прикрывала обоз...

И Корнилов оставил на левом берегу треть своих сил и... Маркова. 1-я бригада постепенно, по частям выходила потом в боевую линию начиная с полудня 28-го и до вечера 29-го.

Начался бой за Екатеринодар...

Большевики не выдержали атаки и бросились бежать в направлении на Екатеринодар. Бежали густыми толпами, в полном беспорядке и остановились только на линии фермы¹⁷ и примыкающих к ней хуторов — в трех верстах от города...

* * *

С раннего утра 31-го, как обычно, начался артиллерийский обстрел всего района фермы. Корнилова снова просили переместить штаб, но он ответил:

¹⁶ Нужно заметить, что контрразведка не была исключительной слабостью военной власти. Всякое местное «демократическое правительство» в это смутное время начинало свою деятельность с организации широкой сети контрразведки.

¹⁷ Образцовая ферма Екатеринодарского сельскохозяйственного общества.

— Теперь уже не стоит, завтра штурм.

Перебросились с Корниловым несколькими незначительными фразами — я не чувствовал тогда, что они будут последними...

Я вышел к восточному краю усадьбы взглянуть на поле боя — там тихо; в цепях не слышно огня, не заметно движения. Сел на берегу возле фермы. Весеннее солнце стало ярче и теплее; дышит паром земля; внизу, под отвесным обрывом, тихо и лениво течет Кубань; через головы то и дело проносятся со свистом гранаты, бороздят гладь воды, вздымают столбы брызг, играющих разноцветными переливами на солнце, и отбрасывают от места падения в стороны широкие круги.

Подсели два-три офицера. Но разговор не вяжется, хочется побыть одному. В душе тягостное чувство, навеянное вчерашней беседой с Корниловым. Нельзя допустить непоправимого... Завтра мы с Романовским, которому я передал разговор с командующим, будем неотступно возле него...

Был восьмой час. Глухой удар в роще — разметались кони, зашевелились люди. Другой совсем рядом — сухой и резкий...

Прошло несколько минут...

— Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...

Передо мной стоит адъютант командующего подпоручик Долинский с перекошенным лицом и от сдавившей горло судороги не может произнести больше ни слова.

Не нужно. Все понятно.

.....

Генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел; силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило об печку. В момент разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра...

Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась, словно по внушению. Казалось, что самый

воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что там, в окопах, еще не знают, но уже чувствуют, что свершилось роковое.

Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь всё: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

— Конец всему!..

* * *

Жизнь шла своим чередом, не позволяла предаваться унынию и от горестных мыслей о тяжелой утрате возвращала к суровой действительности.

В тот момент, когда от берега Кубани понесли посылки с прахом командующего, его начальник штаба обратился ко мне:

— Вы примете командование армией?

— Да.

— Не было ни минуты колебания. Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно — здесь, на поле боя...

Штаб перешел в конец рощи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом, в ожидании генерала Алексеева и Кубанского атамана полковника Филимонова.

Приехал Алексеев и обратился ко мне:

— Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа...

Приказ гласил:

«§ 1

Неприятельским снарядам, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§ 2

В командование армией вступить генералу Деникину»...

...Ставя себе главной целью спасение армии, я решил сегодня с закатом снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести армию из-под удара екатеринодарской группы большевистских войск.

Возражений не последовало...

И я отдал приказ Добровольческой армии с наступлением темноты двигаться на север, в направлении станицы Старовеличковской...

5 апреля двинулись дальше на восток; предстоял снова переход через магистраль Владикавказской дороги, казавшейся нам весьма опасной благодаря сосредоточению в двух ее узлах (Екатеринодар, Тихорецкая) крупных сил и многих бронепоездов...

В эти дни советские газеты были полны ликующих сообщений о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеявшихся по всему Северному Кавказу»...

Почти два месяца похода по Кубани сблизили нас с краем. Добровольцы, принимаемые в станицах с сердечною лаской, платили кубанским казакам таким же отношением. Поступавшие в ряды армии кубанцы составляли в ней элемент храбрый, надежный и располагающий к себе своей открытой, мягкой натурой, своей простой и ясной верой в тех, кто их вели. Казалось, что боевые узы, совместные страдания и обильно

пролитая за общее дело кровь свяжут навсегда армию с краем. Так было. И понадобилось потом полтора года упорной работы кубанской социалистической демократии, по обидной иронии судьбы главным образом тех представителей ее, которые нашли убежище при армии, чтобы порвать эти связующие нити на погибель краю и добровольческому делу.

Настроение Кубани постепенно менялось. Неверно было бы утверждать, что область «изжила большевизм». В казачьей среде, как я уже говорил, больны им были не более 30% — фронтовая молодежь. Несомненно, день за днем шло некоторое численное перемещение и из этого лагеря в стан противников большевизма. Но главное — советский режим с его неизбежными приемами — убийствами, грабежами и насилиями — стал вызывать уже в казачьей среде волю к активному сопротивлению. Оно возникало во многих местах стихийно, неорганизованно и разрозненно...

* * *

Положение донской столицы значительно окрепло...

Из новочеркасских впечатлений и разговоров, из взаимоотношений с задонскими военными властями понемногу, однако, начало выясняться, что надежды на объединение противобольшевистских сил для дальнейшей борьбы становятся все более проблематичными...

В Лежанке под гром неприятельской артиллерии я составлял свое первое политическое обращение к русским людям:

«От Добровольческой армии»

Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привели Россию на край гибели.

Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория так называемого Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Указав далее мотивы нашего «исхода» с Дона и сделав краткий очерк первого Кубанского похода, я заканчивал:

«Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан Родине.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедля организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно мыслящими русскими людьми свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Деникин»...

Должен сказать откровенно, что нанесение более серьезного удара в тыл тем большевистским войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи...

30 апреля армия стала наконец на отдых в двух пунктах: станицах Мечетинской (штаб армии и 2-я бригада) и Егорлыцкой (1-я и конная бригады), прикрываясь заслонами от большевиков и от... немцев.

Первый Кубанский поход — анабазис Добровольческой армии — окончен.

Армия выступила 9 февраля и вернулась 30 апреля, пробыв в походе 80 дней.

Прошла по основному маршруту 1050 верст.

Из 80 дней 44 вела бои.

Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами.

Начала поход с 600—700 снарядами, имея по 150—200 патронов на человека; вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз.

В память похода установлен знак — меч в терновом венце.

Издали, из Румынии, на помощь Добровольческой армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу.

Два с половиной года длилась еще их борьба.

И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету: одни — в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие — за колючей проволокой лагерей-тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи — голодные и бесприютные — в грязных ночлежках городов Старого и Нового Света.

И все на чужбине, все «без Родины»...

Когда над бедной нашей страной почиет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первыми поднялись на защиту России от красной напасти.

Из тома третьего:
**БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОРЬБА
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ**

Май — октябрь 1918 года

* * *

В этой книге я пишу главным образом о борьбе Добровольческой армии с советской властью в 1918 году, захватывая однородный и цельный период — с весны до осени, когда поражение центральных держав принесло совершенно новую политическую конъюнктуру, существенно отразившись и на условиях нашей борьбы. С этим событием почти совпала смерть генерала Алексеева, завершившая нашу совместную деятельность, и окончание второго Кубанского похода Добровольческой армии...

Стимулы для борьбы с советской властью были крайне разнообразны, находя отклик почти во всех слоях русского народа и затрагивая самые чувствительные стороны народной психики.

Основной порочный недуг советской власти заключался в том, что *эта власть не была национальной*.

Никогда еще в русской истории после татарского ига представители страны, какими в дни величайшего ее падения явились последовательно господ Иоффе, Бронштейн и Бриллиант¹, не подвергались большему унижению, чем на Брест-Литовской конференции.

Никогда еще, вероятно, к жизненным интересам государства «полномочные послы» его не относились с таким грубым невежеством или презрением, как те лица, которые говорили теперь от имени русского народа.

Трижды прерывалась и трижды возобновлялась мирная конференция. Встретив в третий раз все те же непомерные требования со стороны враждебных держав, Бронштейн (конец января) отказался подписать мирный договор и уехал в Петроград, заявив вместе

¹ Сокольников.

с тем, что советское правительство демобилизует армию и «выводит народ из войны»...

Но 6 февраля германские армии перешли в наступление по всему Восточному фронту, не встречая почти никакого сопротивления², и Совет народных комиссаров в тот же день сообщил радиотелеграммой о принятии всех условий центральных держав. Наступление австро-германцев тем не менее продолжалось, достигнув к марту месяцу линии Псков — Киев — Одесса.

В конечном итоге последствия Брест-Литовского мирного договора (19 февраля) и дополнительных к нему соглашений свелись к следующему.

В политическом отношении: отторжение от России Финляндии, Украины, Крыма, Прибалтийского края, Литвы, Польши, Грузии, Батума, Карса и Ардагана. Одни из этих окраин получили независимость, в других допускался плебисцит, исход которого предreshался фактом военной оккупации их германцами и турками.

Мирный договор этот довершил распад России, наметившийся в результате ослабления и вырождения центральной власти и максимализма в национальных устремлениях. Помимо отторжения огромной территории страна отрезывалась от Балтийского и Черного морей; лишалась жизненно необходимых условий своего экономического развития, становясь данником новообразований, за призрачной самостоятельностью которых виднелась сила германского меча и капитала; теряла, наконец, более или менее обороноспособные рубежи, культурные и промышленные центры и важнейшие железнодорожные узлы — обстоятельство, лишавшее признаков государственной целесообразности всю нервную систему страны — ее сеть железных путей.

Россия отбрасывалась политически назад, к началу XVII века, теряя одним ударом все, что было приобретено за три столетия на Западе и Юге гениальными усилиями ее собирателей, кровью ее воинства, трудами ее народа.

В экономическом отношении на Русское государство легли и прямые тяготы, непосильные для его разрушенного экономического положения. Восстановлен был с Германией торговый договор 1904 года³, причем остались прежние тарифы, которые ввиду обесценения рубля

² Дрался только чехословацкий корпус.

³ С изменениями в пользу Германии.

(тогда уже $\frac{1}{10}$) привели фактически к беспощадному ввозу германских товаров в Россию. Обусловлена была уплата убытков, понесенных в процессе революции или в силу советского законодательства лицами немецкого происхождения; за ними сохранены социальные и экономические права. Эти условия имели тем большее значение, что немецкий капитал являлся крупнейшим участником нашей промышленности и что цифра вкладов его только в акционерных предприятиях превышала 500 млн золотых рублей. В скрытом виде наложена была на Россию и контрибуция в 6 млрд марок золотом «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором...»⁴ Наконец, огромные плодородные русские области с брошенными в них бесчисленными военными материалами оставались в руках австро-германцев. Как заявил цинично на конгрессе Чернин, «пока не заключен всеобщий мир, австро-германцы не могут отдать оккупированных областей; они являются областями снабжения нашей армии, с их фабриками, заводами, возделываемыми полями и т. д. ...». А в союзном совещании приводил и мотивы такого требования: «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрии через несколько недель начнется повальный мор».

В военном отношении Россия обязывалась демобилизовать армию, разоружить флот и допускала впредь до выполнения всех условий договора занятие немцами Западного края до линии Нарва — Рогачев.

Таким образом, в силу официальных договоров и тайных сношений с правительством народных комиссаров Россия поступала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в новую базу центральных держав для борьбы с союзниками, базу, из которой можно было черпать военные материалы, обильные запасы всякого снабжения и даже людские контингенты, не только в виде сотен тысяч пленных австро-германцев, подлежащих возвращению из России, но и в качестве дружин рабочих, вербуемых во всех областях германской оккупации и становившихся затем в положение рабов.

Какое же оправдание имела Брест-Литовская трагедия?

⁴ В счет этой суммы советское правительство успело уплатить Германии 325 млн золотых рублей, которые впоследствии по Версальскому договору перешли к Франции.

Фразы советских правителей о «разгорающемся уже пожаре мировой революции», о переговорах «через головы немецких генералов с немецким пролетариатом» были только фразами, предназначенными для толпы. Внутреннее положение Европы не давало никаких решительно оснований для подобного оптимизма народных комиссаров. В период Брест-Литовских переговоров состоялась, правда, сначала в Австрии, потом в Берлине всеобщая забастовка; о мотивах последней лидер независимых социал-демократов Гаазе говорил в рейхстаге: «Забастовка велась не для мелких экономических завоеваний, но служила политическим протестом с высокоидейной целью. Немецкие рабочие возмущались тем, что им приходится ковать цепи для угнетения русских братьев, бросивших оружие». Но это была лишь кратковременная вспышка, по существу использовавшая только подходящий предлог для сведения счетов социал-демократии со своим правительством. Рейхстаг огромным большинством одобрил мирные условия при воздержавшихся социалистах большинства и против голосов «независимых».

Еще менее основания имело заявление Ленина, что договор этот «только передышка, только клочок бумаги, который можно порвать когда угодно...». Немцы имели тогда реальную силу и обеспечили себе достаточные гарантии и выгодное стратегическое положение, чтобы настоять на выполнении договора.

Быть может, однако, в распоряжении советской власти не было уже никаких ресурсов и «похабный мир» являлся неотвратимым? Даже советская Ставка не могла согласиться с такой безнадежной точкой зрения. Начальник штаба Главковерха генерал Бонч-Бруевич на военном совете 22 января настаивал на необходимости продолжения борьбы, указывая и новые способы ее: немедленный увоз всей материальной части в глубь страны, отказ от сплошных фронтов, переход к маневренным действиям на важнейших направлениях к жизненным центрам страны и широкая партизанская война. Силы для этой борьбы он видел в новой «рабоче-крестьянской» армии, в национальных формированиях и в уцелевших частях старой армии.

Можно быть различного мнения о боевой ценности всех этих элементов, но не подлежит сомнению, что огромные русские просторы, объятые восстанием, поглотили бы такие колоссальные силы и средства

ослабленных уже в конце германцев, что вторжение их в глубь России приблизило бы катастрофу на Западном фронте...

Но для этого большевикам пришлось бы временно отказаться от демагогических лозунгов и повременить с гражданской войной.

Наконец, в то самое время, когда Совет народных комиссаров в бурных и панических заседаниях обсуждал жестокий ультиматум центральных держав, в стане врагов настроение было еще более подавленным. Германское правительство, опасаясь разрыва, употребляло все усилия, чтобы сдержать неумеренные требования главной квартиры. Граф Чернин угрожал, что Австрия заключит сепаратный мир с Россией, если чрезмерная требовательность ее союзников расстроит переговоры. Берлин, Крейцнах (Ставка) и Вена переживали дни томительного ожидания и страха, не считая возможным вести длительную войну на Восточном фронте, хотя бы и против разваливавшейся армии. И когда после перерыва переговоров в Брест-Литовск к 7 января приехал Троцкий, «было любопытно видеть,— говорит Чернин,— какая радость охватила германцев. И это неожиданная, столь бурно проявившаяся радость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать».

Итак, Германии нужен был мир во что бы то ни стало. Никакие промежуточные формы его (перемирие, «ни мира, ни войны») не могли спасти положения. Совету Народных Комиссаров также нужен был мир какую угодно ценой, хотя бы ценою расчленения, унижения и разрушения России.

Лишь бы сохранить власть.

Этот мотив довольно откровенно прозвучал и в воззвании Совета в ночь на 6 февраля «Ко всему трудящемуся населению России» — воззвании, оправдывавшем согласие Совета на предъявленные ему центральными державами требования мира: «...мы хотим мира, мы готовы принять тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контрреволюция попытается окончательно затянуть петлю на наш Совет».

Тогда только отпор!

«Поставленная народом под знаком мира» советская власть должна была дать мир, хотя бы призрачный, иначе ей угрожала гибель. Гибель «в порядке

народного гнева» или в силу германского наступления и оккупации столиц.

Мотив самосохранения советской власти, поставленный в основание Брест-Литовского действия, не вызывал никогда сколько-нибудь серьезных сомнений среди русской общественности. Несколько иначе обстоял вопрос по поводу другого обвинения народных комиссаров, вызывающего и поныне двойное к себе отношение. Одни считают Брест-Литовск просто комедией, разыгранной для соблюдения приличий, так как *платные агенты* германского генерального штаба, в числе которых называют Ленина и Троцкого, не могли не исполнить требований своих нанимателей. Другие отказываются признать это преступление, быть может, не столько по доверию к названным лицам, сколько из-за сознания чудовищности самого факта, смертельного стыда и глубокой боли за поруганное национальное достоинство России...

Но вся совокупность трагических обстоятельств взаимоотношений немцев с большевиками создала во мне лично интуитивное глубокое убеждение в *предательстве советских комиссаров*. Такое убеждение, присущее широким кругам русской общественности, проникло в народ и обостряло ненависть к советской власти.

Каковы бы ни были внутренние побуждения народных комиссаров, перед Россией встал во всей своей гнетущей тяжести грозный реальный факт:

Брест-Литовск.

Завершение в столь чудовищных формах длительного процесса разрушения армии, страны и ее международного значения как будто разбудило наконец сознание верхних слоев русского народа. Чрезвычайно единодушно вся русская общественность, весь пестрый конгломерат политических партий, вся печать, кроме официальных советских органов, отнеслись с глубоким негодованием к этому явному предательству интересов России...

* * *

К середине 1918 года обострение отношений к советской власти в широких слоях населения достигло уже большого напряжения, основываясь не только на возмущенном национальном чувстве, но и на причинах социального, экономического и психологического характера.

Отходил от власти дезорганизованный ею пролетариат.

Бессмысленная демобилизация всех фабрик и заводов, работавших на оборону⁵, в месячный срок, национализация промышленности, разрушение торговли и транспорта, расстройство обмена с деревней и другие причины общего характера одним из важных последствий своих имели ставший хроническим кризис городов. Население их, не исключая покровительствуемого властью пролетариата, попало в тягчайшее материальное положение, испытывая гнет безработицы, постоянного недоедания, иногда голода, болезней и мора...

* * *

Политическая карта Российского государства к осени 1918 года и до падения центральных держав представляется в следующем виде...

26 ноября *финляндское правительство* опубликовало декларацию о независимости страны. «В России нет теперь правительства,—говорилось в декларации.— Так как представители (России) перестали исполнять свои функции в Финляндии, законной русской власти (в стране) не осталось. Войска, расположенные в стране, служат источником ужаса и побуждают революционные элементы к бунту. Анархия в России обязывает финский народ освободиться навсегда от всякой зависимости от России».

Хотя Совет народных комиссаров в конце декабря признал независимость Финляндии, но тем не менее он продолжал вмешиваться активно в гражданскую войну в крае, поддерживая восстание финских коммунистов, снабжая обильно финскую Красную гвардию и подкрепляя ее русскими отрядами.

В январе 1918 года власть в стране перешла в руки социал-демократов и возглавлялась финским Советом комиссаров, который утвердился в Гельсингфорсе; правительство с «белыми» войсками, предводительствуемыми генералом Маннергеймом, вынуждено было уйти на север, где образовался новый центр власти и борьбы — в Вазе. Гражданская война шла с большим ожесточением и переменными успехами, пока белое

⁵ Декрет был объявлен в конце декабря, задолго до заключения мира, отозвавшись, несомненно, на тяжести его условий. Приписывался обществом *подчищенным* отношениям комиссаров к немецкому генеральному штабу.

финляндское правительство не обратилось за помощью к Германии.

В середине марта германцы высадили в Финляндии дивизию генерала фон дер Гольца, который вместе с Маннергеймом к середине апреля очистил край от красногвардейцев, заняв затем своими войсками все важнейшие стратегические пункты Финляндии.

Ненависть финнов к русским большевикам перешла ко всему, что носило русское имя. Гонению подверглось все русское население, не испытывавшее ничего подобного в дни финляндского коммунизма. Если финляндская пресса того времени отражала действительно народные настроения, то они дышали страстной, болезненной нетерпимостью ко всему, что напоминало о России, даже к «проклятым луковицам» — так называли финляндцы купола православных храмов...

Был ли это только угар революционного похмелья или безудержное проявление заложенного прочно национального шовинизма?..

Немецкое влияние в стране окрепло до того, что 6 октября, накануне падения Германии, финляндский сейм высказался за монархию и за предложение престола Финляндии гессенскому принцу.

Цель оккупации края немецкая главная квартира помимо подчинения его политическому и экономическому влиянию Германии видела в возможности «двинуться на Петроград, когда это будет желательно, чтобы свергнуть большевистскую власть»; в угрозе Мурманской железной дороге и в воспрепятствовании англичанам, продвигавшимся по ней, «утвердиться в Петрограде»⁶. Германия через Финляндию явно протягивала руку к русскому незамерзающему порту на Ледовитом океане, а в то же время Совет комиссаров, обеспокоенный движением англичан, сам просил германское правительство произвести немецко-финский десант на мурманском побережье...⁷

Просил интервенции «империалистических» войск Германии и финляндской «белой гвардии»...

Финляндское правительство, возглавляемое и социал-демократом Свинхувудом, и монархистом Маннергеймом, одинаково устремляло свои притязания на Печенгу, Восточную Карелию, Аландские острова,

⁶ У Людендорфа.

⁷ У Гельфериха.

позднее на Эстонию, угрожая России окончательным превращением Финского залива в Финляндский.

Мировое положение запутывалось в такой степени, а интересы Русского государства отметались с такой легкостью, что все три взаимно враждебные группировки держав наперерыв друг перед другом спешили с признанием независимости Финляндии.

22 декабря состоялось признание со стороны советов. В тот же день признала Финляндию Франция, через два дня — Германия, 23 апреля — Англия, выразив при этом надежду, что Финляндия не станет возражать против решения мирной конференции относительно ее границ.

Этот разрыв государственной связи Финляндии с ее метрополией, хотя и predetermined историческим ходом событий, но не обеспеченный стратегическими гарантиями, поставил перед будущей Россией ряд вопросов капитальнейшей важности: незащищенность побережья и Петрограда⁸; потеря свободного выхода в Балтийское море через Финский залив и базы русского военного флота; угроза наиболее жизненным русским водным артериям⁹ и единственному свободному выходу в Ледовитый океан.

Прибалтийский край был последовательно оккупирован немецкой армией; в нем введено было общее управление для Эстонии, Лифляндии и Курляндии, соединенных в 1918 году в Балтийский округ. Управление военно-полевое, начиная от военного губернатора и кончая военным комендантом.

«Самоопределение» народностей Прибалтийского края (эсты, латыши, немцы и русские) и их будущее в значительной мере predetermined ялись общей политической Германии...

Сообразно с такими взглядами германское командование проводило в крае яркую политику германизации во всех областях — быта, школы, экономических отношений и т. д. В остальном отношении немецких властей к русским людям всех политических толков, кроме уличенных в германофобстве, было терпимое.

Об общественных настроениях того времени судить трудно, ибо общественная жизнь в Прибалтике под

⁸ Кронштадтская крепость находится в 15—20 верстах от финского побережья.

⁹ Тихвинской и Мариинской системе — со стороны Ладожского озера.

давлением военного положения и германской военной администрации совершенно замерла.

Нет сомнения, однако, что в Прибалтийском крае германофильские симпатии были совершенно чужды коренному населению. Они проявлялись неумеренно и пылко лишь немецким элементом городов и главным образом прибалтийским дворянством, пользовавшимся в России в течение веков привилегированным положением и благосклонностью династии. В органах немецкой печати и в воззваниях предводителей дворянства всех трех губерний прозвучали неожиданные мотивы: *признание*, что «с горячей симпатией и пламенным восторгом в продолжение четырех лет» оно «следило за успехами германского оружия и болело душой, что не имело возможности на деле доказать свой германизм...»¹⁰. *Радость*, что «столь долго желанное отделение от России стало наконец действительностью...»¹¹. *Призыв* «пожертвовать самым дорогим — послать своих сыновей в германскую армию, чтобы они сражались вместе со своими *освободителями*...»¹².

Напротив, эсты и латыши относились к «освободителям» с глухой враждебностью не только в силу исторического атавизма, но и по социальным побуждениям: не было сомнения, что Германия поддержит класс крупных помещиков и промышленников — по преимуществу немцев. Они тяготились иностранной опекой, но страх перед большевиками и ненависть к ним были еще сильнее, создавая благодарную почву для враждебных России влияний и национального шовинизма и побуждая их явно к признанию немецкого протектората, а тайно к борьбе за полную независимость.

Как бы то ни было, Прибалтийский край с его портами, связанными с внутренними областями страны рядом могучих железнодорожных магистралей и привлекавшими более трети всего нашего внешнего товарообмена, был от России отторгнут, естественные, обороноспособные рубежи потеряны, флот обречен на упразднение, и выход в Балтийское море закрыт.

Положение *Литвы*, оккупированной немцами еще с 1915 года, было совершенно таким же, как и Прибал-

¹⁰ Ф. Деллингсгаузен (эстляндское дворянство).

¹¹ Ф. Эттинген (лифляндское дворянство).

¹² Барон фон Раден (курляндское дворянство).

тийского края, в смысле характера оккупации и общественных настроений. Новый привходящий элемент составляло разве то обстоятельство, что кроме естественного страха перед русской анархией у литовских шовинистов зрели уже планы, подогреваемые германским командованием, относительно объединения Литвы в «этнографических пределах», в которые они включали и большую часть белорусских губерний... Другой отличительной чертой был состав верхнего слоя буржуазии в Литве — по преимуществу поляков. Это обстоятельство облегчало значительно привлечение литовского народа в орбиту германской политики. Племенная рознь, с одной стороны, и польские притязания — с другой, обнаружались уже с самого начала оживившей национальные чаяния русской революции. Еще в мае 1917 года польский Центральный национальный комитет обратился к литовской Тарибе (совету) с приветствием и пожеланием возобновить унию, в которой «народы Литвы — литовцы, поляки и белорусы — получили бы гарантию национального, культурного и экономического развития». Литовский Совет отказался высказаться в данный момент по возбужденному вопросу и заявил, что был бы «счастлив видеть эту гарантию и теперь — в прекращении деморализации и полонизации литовского народа в церкви и школе...».

Под влиянием общей военно-политической обстановки Литва не избежала предначертанной ей участи: Тариба в начале февраля 1918 года определила будущий строй «независимого» государства и обратилась к протекторату Германии, а 29 апреля император Вильгельм рескриптом своим признал «независимое и свободное Литовское государство, союзное по собственной воле с Германией».

На литовский престол был приглашен немецкий принц...

Едва ли не с наибольшей терпимостью и даже признанием отнеслась Россия к отделению *русской Польши*. Судьба ее в первой половине 1918 года благодаря резким противоречиям во взглядах берлинского и венского правительств, оставалась неопределенной, границы не установлены, и вся территория оккупирована немцами. Хотя независимость свою Польша получила не только из рук Временного правительства, но

и двух императоров (германского и австрийского), но отношение ее к центральным державам оставалось чрезвычайно сдержанным. И в русском общественном мнении слагалось все более прочное убеждение, что в новом государственном образовании оно найдет дружественное отношение и отклик в своем национальном несчастье.

Отказ польских корпусов, созданных Россией, оказать ей помощь против большевиков и подчинение затем этих войск Регентским советом главнокомандующему германским Восточным фронтом вызвали у нас некоторое смущение.

Другой эпизод, относящийся к тому же периоду, служил еще более плохим предзнаменованием для будущего... Когда по договору центральных держав с Украиной к последней отошла Холмская Русь¹³, это обстоятельство вызвало в Польше «взрыв негодования». Регентский совет обратился к народу с манифестом на тему о «новом разделе», а польское общество и вся пресса разразились шовинистическими выпадами не только против договаривавшихся сторон, но и против... России.

Замечательно, что державы Согласия тотчас же после заключения германо-украинского договора особым актом вступились за «попранные» права Польши и лорд Бальфур обратился к члену польского национального комитета в Лондоне с торжественным заявлением о непризнании им отторжения Холмщины.

До лета 1919 года командование Добровольческой армии¹⁴ с польским правительством никакой связи не имело...

В результате переговоров о создании при Добровольческой армии польских частей появилась подписанная генералом Алексеевым и мною 30 мая декларация, которая после определения целей армии заключала следующие положения:

«III. Добровольческая армия широко раскрывает двери для польской регулярной армии, обеспечивая ей... независимую организацию на началах союзных войск, но с полным подчинением командованию Добровольческой армии в оперативном отношении.

¹³ Холмская губерния находилась в 1915 году в военном управлении Австро-Венгрии, а в 1916 году присоединена была центральными державами к Царству Польскому.

¹⁴ Потом — Вооруженных сил Юга России.

IV. ...Польские войска во время пребывания в Добровольческой армии должны принимать беспрекословное участие в выполнении необходимых операций против большевиков.

VI. С союзниками должно быть заключено соглашение относительно доставки для польских войск вооружения, патронов, артиллерии и всего боевого снаряжения.

Со своей стороны Добровольческая армия будет братски делиться теми запасами вооружения и материальной части, которые она будет захватывать в своих боевых столкновениях с большевиками и внешним врагом».

До конца 1918 года средствами Добровольческой армии удалось сформировать польскую бригаду из трех родов оружия, часть которой под начальством подполковника Малаховского приняла кратковременное, но видное участие в боях на Ставропольском направлении. Когда же в декабре в водах Черного моря появились союзники, я отправил польскую бригаду со всею ее материальной частью на русском пароходе в Одессу, откуда она двинулась на родину.

От Нарвы по линии Псков—Орша—Рогачев—Клинцы стояли передовые германские части, занимая железнодорожные узлы и прикрывая оккупированный район—*большую часть Псковской губернии и всю Белоруссию*. Эта обширная территория не входила в захватные планы немцев и занималась ими исключительно с целью эксплуатации средств ее. Конечный срок оккупации определялся установлением границ Эстляндии и Лифляндии и уплатой советским правительством определенной мирным договором контрибуции.

В соответствии, однако, с платежными средствами Москвы легальный титул оккупации был обеспечен по крайней мере до конца войны.

Очистив край от большевистских банд и восстановив в нем внешний порядок и безопасность, немцы подчинили его всецело военному управлению, наводнив его своей администрацией, персонал которой стоял зачастую на очень низком нравственном уровне. Но ни это обстоятельство, ни хищническая эксплуатация и без того разоренного края не вызывали скольконибудь серьезного противодействия. В крае, в особенности в восточной части его, слишком еще свежи были

воспоминания о нескольких месяцах большевистского режима и слишком остро чувствовался страх перед вторичным нашествием «красных».

В крае существовали «комитеты объединенных общественных организаций» и белорусские национальные учреждения; хотя тенденции их были явно германофильскими, но никакой роли в местной жизни им сыграть не удалось за отсутствием серьезной поддержки у немцев и авторитета среди населения.

Еще в декабре 1917 года в Минске состоялся Всебелорусский краевой съезд, состоявший преимущественно из солдатчины Западного фронта. Съезд был разогнан большевиками в первый же день, успев избрать из своей среды Раду Белорусской народной республики. Рада бежала за линию фронта и вернулась в Минск в феврале вместе с немцами, пополнив затем свой состав буржуазным элементом.

Белорусский национализм в ряду других принял особенно оригинальные формы — конечно, только в интеллигентских кругах, не имевших никаких корней в народе и обративших национализм в средство политики, а иногда и... личного существования. Наряду с минской появилось много других самостоятельных «рад», в том числе в Витебске, Могилеве, Гомеле, Гродно, Ковно, Смоленске, даже в Москве и Петрограде. Все они подымали спор о своей «всенародности» и первенстве; одни поддерживали идею единства России, другие требовали независимости; одни «ориентировались» на большевиков, другие — на немцев, поляков или литовцев; издавали воззвания, остававшиеся без отклика, и выносили резолюции, не находившие исполнителей...

* * *

Бессарабия была порабощена румынами¹⁵.

Если в русской политике центральных держав преобладало право силы, политическая беспринципность и полное отсутствие исторического предвидения, то Румыния углубила все эти элементы до... пошлости, набросившей густой покров на трон, правителей и генералов, и вызвав на долгие, долгие годы чувство острой вражды в русском народе.

¹⁵ События в Бессарабии описаны главным образом по материалам Одесского комитета спасения Бессарабии.

Земледельческий край, по преимуществу богатый и плодородный, имевший в составе населения весьма незначительный контингент пролетариата, Бессарабия в течение первых месяцев революции не была вовлечена в анархию. Только к концу 1917 года, после падения Румынского фронта, когда волна солдатских масс прокатилась по губернии, оставляя за собой следы разрушения, начались повсюду аграрные беспорядки. Они подогревались намеренно румынским правительством, заинтересованным в создании обстановки, оправдывающей оккупацию... Проводниками его политики были тайные агенты, наводнившие край¹⁶, «группа сознательных молдаван», пользовавшаяся широкой материальной помощью из Ясс, и «Сфатул цэрий» — молдавский Краевой совет, фактически зависимый от румынской власти. Наконец — даже делегаты Временного правительства, по роковому недоразумению... «имевшие в то же время особую тайную миссию от румынских представителей в Петрограде...».

Организация краевой власти создавалась в порядке совершенно исключительном. В конце октября местный революционный комитет, именовавший себя военно-молдавским исполнительным комитетом Совета солдатских, офицерских и матросских депутатов, созвал в Кишиневе Первый Всероссийский Молдавский военный конгресс из депутатов — в совершенно произвольном числе и пропорции — от войсковых и тыловых частей русской армии и местных дезертиров. Этот «конгресс», совершенно неинтеллигентный по составу и большевистский по настроению, избрал «парламент» — «Сфатул цэрий», в котором 44 места предоставил своим членам, 30 — крестьянам-молдаванам, 10 — представителям молдавских партий и 36 — «национальным меньшинствам», в том числе и... русскому¹⁷. Позднее было прибавлено еще 42 места образовавшимся явочным порядком молдавским организациям.

С ноября началась борьба за власть между «Сфатул цэрием» и сохранившими еще свое бытие прежними органами — Временного правительства, земскими и городскими. Деятельность «Сфатул цэрия», направ-

¹⁶ Например, Катареу, русский дезертир, член румынской охранки, назначенный «Сфатул цэрием» (см. ниже) начальником Кишиневского гарнизона.

¹⁷ По статистическим данным, молдаване составляют 47,58% населения губернии.

ляемая немногочисленной «группой сознательных молдаван», во всех своих проявлениях, даже в радикальных, большевистского характера мероприятиях, имела основную свою целью подготовку румынской оккупации. Этот факт был настолько очевидным, что вызвал резкое негодование против «Сфатул цэрия» в бессарабском населении. Выражалось оно, однако, как и везде в России по отношению к случайным захватчикам власти, в формах далеко не активных: демократические городские думы и земские собрания составляли резолюции протеста; политические партии «воздерживались» от участия в «Сфатул цэрий»; отдельные представители их, вошедшие в состав «парламента» от «национальных меньшинств», говорили там горячие патриотические, но безрезультатные речи; города игнорировали новую власть; деревня признавала ее лишь в части, относящейся к санкционированию захватов и разгрома помещичьих усадеб.

Здесь, в Бессарабии, приобщенной всецело к русской культуре, шовинистическо-национальное движение имело еще менее почвы, чем на Украине. И хотя «Сфатул цэрий» и говорил устами поставленного им молдавского премьера Чегуряна, что «империалистическое правительство сделало все, чтобы задушить национальное самосознание...», что «в течение прошедших 106 лет рабства нам было запрещено все. Нам было запрещено обнимать своих зарубежных братьев и слушать призыв нашей общей матери — Румынии...». Но народ и общественность были глухи к этим жалобам. Даже в недрах «Сфатул цэрия» они звучали фальшиво, вызывая чувство неловкости, и предназначались главным образом для экспорта за Прут и оплаты проявленных чувств и усердия.

Составленный с вопиющим нарушением каких-либо норм, даже «революционного права», малокультурный по своему составу и не отражавший ни в малейшей степени воли бессарабского населения, «Сфатул цэрий» держался, однако, 13 месяцев пассивностью бессарабской общественности, апатией народа, румынским золотом, потом румынским оружием.

В начале 1918 года «Сфатул цэрий», сам подерживавший в крае беспорядки своими демагогическими выступлениями, обратился уже официально к румынскому правительству с просьбой о присылке войск для их подавления. И 13 января корпуса генерала

Броштиану вступили в Кишинев, без труда отбросив затем за Днестр малочисленные молдавские отряды, оказавшие сопротивление.

Цель появления румынских войск в Бессарабии в приказе начальника генерального штаба генерала Презана объяснялась *исключительно поддержанием в крае порядка.*

Достоин удивления то единодушие, с которым отнеслись к факту оккупации края и к интересам России ее представители, враги и союзники...

Кишиневский плацдарм был, очевидно, очень удобным для этой цели, а дислокация вражеских сил как нельзя более благоприятствовала успеху: в Валахии было всего лишь три немецких и три австрийских дивизии, а в Бессарабии и Молдавии — только немецкие реквизиционные комиссии...

События в Бессарабии шли между тем быстро и планомерно. Прежде всего военные власти расстреляли ряд лиц из состава «Сфатул цэрия» и вне его — «красных» и «белых», но одинаково отрицательно относившихся к румынам. «Парламент» сбросил с себя немедленно всякий налет радикализма и уже открыто стал послушным орудием румынской власти. Затем состав его был пополнен членами от крестьянского съезда, избранными при подобающей обстановке: «ввода войск в здание заседаний съезда, арестов его членов, а затем и расстрела некоторых из них без суда, в том числе председателя и двух товарищей председателя». После принятия этих решительных мер съезд разбежался, а «Сфатул цэрий» актом от 24 января объявил *о независимости Молдавской народной республики.*

«Республика» просуществовала два месяца и три дня. За это время практика румынского командования после новых казней, арестов и бегства преследуемых за Днестр увенчалась еще большими достижениями. В «Сфатул цэрии» в присутствии господина Маргеломана и румынских властей, в здании, окруженном войсками, был поставлен на открытое поименное голосование вопрос о присоединении Бессарабии к «Родине-матери». Только три человека имели мужество голосовать против, и 36 воздержались. И актом 27 марта *Бессарабия была присоединена к Румынскому королевству на автономных правах.*

Началось приобщение края к чуждой ему государственности вопреки подтвержденной королевским мани-

фестом автономии — приемами, соответствовавшими низкой культуре страны-поработительницы и нравам народа, не вышедшего еще духовно из традиций, относящихся ко времени турецкого владычества.

Бессарабская церковь отторгнута от Всероссийской, иерархи изгнаны, в чин богослужения повсюду введен румынский язык.

В учреждениях государственных все служащие заменены румынами и выброшены на улицу.

Земско-городские учреждения упразднены.

Русское право и русский суд заменены румынским правом и судом, на который возложено «кроме отправления правосудия еще и пробуждение национального чувства, которое должно воодушевлять впредь новых румынских граждан на левую сторону Прута»¹⁸.

Низшая школа и два класса средней подверглись немедленной и полной румынизации¹⁹, прочие — последовательной.

Но наиболее тягостным был тот моральный гнет, которому подвергали население Бессарабии продажная администрация и темная, грубая, как нигде, военная сила...

* * *

Украина была порабощена немцами.

Генерал Гофман, начальник штаба Восточного фронта и участник мирной конференции, впоследствии, в 1919 году говорил: «...в действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»...²⁰.

Эта самоуверенность немецкого генерала, не углублявшегося в сложную сущность украинской проблемы, находилась, однако, внешне в полном соответствии с военно-политическим положением. Германское правительство поспешно признало самостоятельность Украины и полномочность Рады, правительства Голубовича и посольства на конференции никому не ведомых господ Севрюка, Любинского и Левицкого, имевших по существу такой же легальный титул, как

¹⁸ Рапорт королю министра юстиции Митиленеу.

¹⁹ Любопытно, что анкета, произведенная в конце 1917 года среди родителей учащихся в Кишиневе, дала 91,9% за русский язык.

²⁰ Daily Mail.

Совет комиссаров и его делегаты господ Иоффе, Бронштейн и Бриллиант.

Вспомним, что и правительства союзников до Брест-Литовска готовы были признать фактически советскую власть, и Нуланс от имени союзников предлагал Троцкому материальную помощь... для борьбы против немцев. По тем же соображениям признали «украинскую республику» Франция²¹ 5 декабря 1917 года и Англия в начале 1918 года. Представитель Великобритании на Украине Пиктон Багге заявил, что его правительство «будет поддерживать всеми силами Украинское правительство в стремлениях к творческой работе, к поддержанию порядка и войне с центральными державами — врагами демократии и человечества...».

Правительства центральных держав подписали мирный договор с Украиной 26 января — в то время, когда почти вся Украина и столичный город Киев были во власти большевиков. По просьбе бежавшего в Житомир правительства Голубовича немцы двинули корпуса генерала Эйхгорна на Украину и почти без всякого сопротивления (дрались только чехословаки) совместно с австрийскими войсками генерала Бельца в течение двух месяцев заняли весь наш Юго-Запад и Новороссию²². «Надо было подавить большевизм на Украине, — пишет Людендорф, — проникнуть глубоко в страну и создать там положение, которое доставляло бы нам военные преимущества и позволило бы черпать оттуда хлеб и сырье».

Границы новообразования были определены в договоре лишь на западе — линией Белгорай — Красновостав — Межиречье — Сарнаки. Но бурный протест поляков и давление австрийцев заставили мирную конференцию «разъяснить» и этот пункт, предоставив разграничительной комиссии право «провести границу, принимая во внимание этнографические отношения и пожелания населения... на восток от этой линии»...

Внешние сношения Украины также всецело зависели от немцев. Все спорные территориальные вопросы о западной границе, о подчинении Украине Крыма,

²¹ Генеральный комиссар Французской Республики генерал Табуи.

²² Киев занят немцами 16 февраля, Харьков — 23 марта, Ростов — 25 апреля, Одесса занята австрийцами 27 февраля.

о Ростовском, Таганрогском округах и части Бессарабии, на которые претендовала Украина, разрешались односторонней волей немцев, и притом не в ее пользу.

Наиболее характерной была длившаяся бесконечно долго украино-большевистская конференция, заседавшая в Киеве, с Шелухиным и Раковским во главе. Поскольку вопросы, касавшиеся интересов Германии, как, например, передача оккупированной Украине в большом числе подвижного железнодорожного состава и урегулирование железнодорожного сообщения, проходили быстро, постольку все остальные, в особенности вопросы о границах, затягивались неимоверно. Участники конференции играли положительно непристойную роль, будучи пешками в руках закулисного дирижера. Приводимый документ характеризует в достаточной мере эти взаимоотношения:

«Секретно

Г. председателю мирной делегации Украины С. Шелухину

Ввиду того что в частном разговоре с министром иностранных дел председатель мирной делегации Раковский выразил желание разрешить возможно скорее вопросы, относящиеся к соглашению между Российской республикой и Украинским государством, считаем необходимым поставить Вас в известность, что ускорение украино-русских отношений возможно лишь после того, как по этому вопросу выскажется германское правительство...»²³

Но если дела конференции не подвигались вперед, то многочисленная советская делегация с большим успехом вела пропаганду и организацию тайных большевистских очагов.

В октябре министерство внутренних дел обнаружило две большевистские крупные организации в Киеве и Одессе, находившиеся в деятельных сношениях с делегацией Раковского. После произведенных арестов и выемок как в организациях, так и у самих делегатов обнаружилось, что работа большевиков велась совместно с Украинским национальным комитетом и что посредниками между ними были... представители немецкой власти...

* * *

Жизнь *Крыма* до конца 1917 года текла довольно мирно. В крае уживались рядом власти — правительственные, земско-городские и революционные

²³ Сношение министра иностранных дел Д. Дорошенко от 2 сентября 1918 года. № 2184.

(совдепы) — почти однородные по своему составу (социалисты-революционеры и социал-демократы меньшевики) и все одинаково бессильные. После Октябрьского переворота собрание уездных и волостных земств и городов Таврической губернии создало центральную власть в лице Крымского краевого правительства — также из умеренных социалистов — во главе с кадетом Богдановым. Но собранный 26 ноября Национальный совет татарского населения Крыма избрал татарский парламент (Курултай) и татарское правительство, которое также «взяло на себя защиту и управление как татарами, так и другими народностями, населяющими Крым». Совместное существование двух «правительств», порождая трения в их взаимоотношениях, очень мало, однако, отражалось на жизни края, обособившейся резко в замкнутых рамках городов и сел. Одинаково шаткою была опора обоих правительств: у первого — полубольшевицкие солдатские гарнизоны, у второго — немногочисленное «татарское национальное войско» — Крымский полк (конный) и пешие части, силою 2—3 тыс. человек. Оба правительства одинаково трепетали перед перспективой большевистского нашествия и заключили соглашение о взаимной поддержке против большевиков.

Гроза на этот раз шла не с севера, не изнутри, где настроение совдепов, профессиональных союзов, рабочей массы и даже солдатских гарнизонов было довольно умеренное... Судьба Крыма оказалась в руках Черноморского флота.

Уже в ноябре под влиянием агитаторов, присланных из Центра, матросы Черноморского флота свергли умеренный совдеп в Севастополе, поставили новый, большевистский и организовали в городе советскую власть. Номинально она находилась в руках сложной комбинации из совдепа, комиссариата и революционного комитета, фактически — всецело в руках буйной матросской черни. С начала декабря в Севастополе начались повальные грабежи и убийства. А в январе Черноморский флот приступил к захвату власти и на всем Крымском полуострове. Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: «...к городу подходили военные суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев

легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, еще верных порядку и краевому правительству (правительствам?), а затем, пополнив свои кадры темными, преступными элементами из местных жителей, организовывали большевистскую власть»²⁴.

Так пали Евпатория, Ялта, Феодосия, Керчь и др. А 13 января пала и резиденция правительств — Симферополь...

Немцы предъявили советской власти требование выдать им весь Черноморский флот «для использования во время войны в мере, требуемой военной обстановкой». Повеление Совета комиссаров последовало, но было исполнено только частично: матросы, не имея желаний поступить в распоряжение немцев и еще менее — драться с ними, пустили ко дну часть судов. До сих пор на новороссийском рейде зловеще торчат из воды верхушки мачт — символ «патриотизма» черноморцев, столь же фальшивого, сколько и бессмысленного.

Иначе отнеслись немцы и к государственному устройству Крыма.

Об отторжении его от Российского государства объявлено не было. Русский генерал Сулькевич, по происхождению литовский татарин, избранный немцами, вместо ханского титула принужден был удовлетвориться званием премьер-министра Крымского краевого правительства. В декларации, одобренной немецким командованием, Сулькевич определял целью образованной им власти «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановление законности и порядка».

По условию с советским правительством Германия обязалась очистить Черноморский район после ратификации договора между Россией и Украиной. Поэтому переговоры между Шелухиным и Раковским в Киеве умышленно затягивались немцами. Гетман предъявил требование о полном слиянии Крыма с Украиной, посягая на три северных хлеботорных уезда Таврии, и устанавливал экономическую блокаду полуострова. Сулькевич через одного из своих министров, командированного в Берлин гр. В. Татищева, добивался признания независимости Крыма и защиты

²⁴ Из трудов Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков.

его от Украины. Сбитая с толку крымская общественность²⁵ видела выход «в объединении Крыма с Украиной на условиях широкой автономии», полагая, что «путь объединения с Россией лежит только через Украину».

Германское правительство встретило холодно миссию Татищева и «в связи с настоящим международным положением» не сочло для себя возможным «объявить о признании государственной независимости Крыма», а в отношении столкновения с Украиной советовало уладить вопрос личными переговорами гр. Татищева с украинским премьером Лизогубом²⁶.

Политика крымского правительства была такого же правого направления, как и гетманская, встречая оппозицию в социалистических и либеральных кругах земских и городских собраний, весьма, впрочем, лояльную благодаря наличию всесильных немецких штыков. Правительственная политика не носила официальных признаков национального шовинизма. За кулисами шла, однако, нелепая политическая игра объединенных в своих стремлениях Сулькевича, Курултая и татарской группы правительства. Айвазов, уполномоченный представитель Сулькевича в Константинополе, вел переговоры с Блестящей Портой об отторжении Крыма от России и присоединении его в той или другой форме к Турции... Д. Сейдамет, крымский министр иностранных дел, представлял германскому правительству в Берлине шовинистическое обращение Курултая от 21 июля. Это обращение, подписанное А. Хильми²⁷ и Хасаном Сабри²⁸, заключало в себе следующие положения:

«Крымско-татарский народ, который 135 лет тому назад подпал под русское иго», надеялся на помощь Германии, «опираясь на сулящие мусульманским странам счастье исторические высокие цели Его Величества Великого Государя Вильгельма...».

«Несмотря на то, что русские в течение 135 лет грабили имущество татар и оскверняли их святыни...

²⁵ Съезд представителей земских управ и городских голов Крыма.

²⁶ Сношение германского министра иностранных дел 26 августа № 35541/123046.

²⁷ Генеральный директор Крымско-татарского национального совета.

²⁸ Президент крымско-татарского парламента.

численный состав крымских татар все-таки не мог быть поколеблен; равным образом никакие притеснения не могли заставить их забыть то уважение, которым пользовалось господство их предков, пред коим некогда склонялась Москва...»

Далее идет описание национальных подвигов:

«Во время революции, когда ни у одного из населяющих Россию народов не было заметно национального движения, крымские татары заявили 25 марта на конгрессе о своей национально-гражданской автономии и реквизировали вакуфные земли... 8700 десятин и 1 миллион рублей...»

Скромное описание своего «международного» положения:

Несмотря на поражение в борьбе с большевиками, «крымско-татарский народ, опираясь на свое великое национальное самопожертвование и чувство владычества, стал играть в судьбах страны решающую роль...».

Исходя из этих соображений, «крымские татары желают восстановить в Крыму татарское владычество... преобразовать Крым в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику».

И, наконец, апофеоз:

«В то время как Россия, великий исторический враг (турецкого и мусульманского мира), погибла и дорога в Индию, свободная для Германии, поколебала твердыню Англии, мусульманский мир находит силу в твердой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды...»

Я не стал бы приводить таких пространных выдержек из откровения людей, лишенных элементарного такта и грубо невежественных, если бы оно не было карикатурным отражением тех приемов и стремлений, которые присущи представителям многочисленных новообразований, возникших на развалинах России. *Не народные массы*, а именно люди, вынесенные волною революции на мутную поверхность вскипевшей до дна народной жизни, принесли с собою такую ненависть к России. Искажая перспективу и причинную связь исторических событий, порывая родственные связи, игнорируя тесные экономические взаимоотношения, мешая прошлое с настоящим и отождествляя русскую

власть с русским народом, они приняли на себя роль суровых и пристрастных судей России, ее истории и народа. Их голоса раздавались громко в парламентах, радах, кругах, меджлисах, сфатул цэриях, курултаях, в приемных иностранных политических деятелей всех стран, в отечественной и мировой печати.

Они с большим упорством и старанием углубляли могилу, вырытую советской властью для погребения русской государственности,— могилу, в которой часто хоронились и их непрочные новообразования.

Поддержка «Великого Государя» и «Высокочтимого халифа» оказалась непрочной. Осенью 1918 года центральные державы пали, увлекая в своем стремительном падении кесарей и троны, погребая под обломками много безумных надежд и фантастических планов.

Изменилась и судьба Крыма.

Немецкий генерал Кош письмом на имя Сулькевича от 3 ноября заявил, что он от дальнейшей поддержки его отказывается. И Сулькевич 4 ноября телеграфировал мне в Екатеринодар: «Развал среди германских войск идет полным ходом... Ввиду отсутствия вооруженной силы, формировать которую немцы категорически запрещали в Крыму, нет никакой опоры для борьбы...»

* * *

Закавказский комиссариат под руководством сейма²⁹ с конца февраля 1918 года вел мирные переговоры с Турцией.

Снабженный чрезвычайными полномочиями сейма председатель мирной конференции Чхенкели настаивал в Трапезунде на восстановлении русско-турецких границ 1914 года. Турецкая делегация при закулисном участии германских дипломатов требовала точного выполнения условий Брест-Литовского мирного договора и немедленного очищения от закавказских войск Карса, Ардагана и Батума. Вместе с тем турки, затягивая всемерно ход переговоров, окончательные условия мира ставили в зависимость «от точного деклари-

²⁹ Председатель комиссариата социал-демократ Гегечкори, члены — представители демократических партий всех национальностей Закавказья.

рования закавказской делегацией сущности, формы, политической и административной организации Закавказской республики»³⁰. Ибо если Закавказье продолжает оставаться в государственной связи с Россией, то для него обязательно выполнение Брест-Литовского договора...

Положение Закавказья к этому времени было необыкновенно трудным.

Советская власть предъявила ультимативное требование выполнения условий договора; Кавказский фронт пал давно, и на месте его стоял лишь декоративный заслон из храброго, но малочисленного отряда полковника Ефремова, армянских, частью грузинских новых формирований; кровавый призрак турецкого нашествия висел над христианским населением, и тревожным предвестником его служили начавшиеся уже бесчинства татар в прифронтовом районе; в сейме, в правительстве и даже в среде самой мирной делегации мусульманские представители явно сочувствовали самым широким турецким вождениям...

И когда 24 марта турки предъявили ультиматум о принятии в течение двух дней Брест-Литовского договора и немедленном очищении Батума, Чхенкели, превысив данные ему сеймом полномочия, принял все условия турок.

Сейм, однако, не согласился. В торжественном и бурном заседании 31 марта почти все национальные и политические фракции пришли к убеждению о необходимости продолжения борьбы. Даже мусульманские представители, отказываясь от активного выступления, обещали, однако, «всеми доступными средствами оказать возможное содействие другим народам Закавказья... к благоприятной ликвидации войны»³¹.

Сейм отозвал делегацию Чхенкели и обратился к народам Закавказья с воззванием. «...Позорного мира мы не подписали,— говорилось в нем.— Мирные переговоры с Турцией прерваны. Отныне спор решается оружием на полях сражений». Жест отчаяния, ибо бороться было нечем: не было войска для удержания фронта, и не было ни подъема, ни единодушия для войны народной, партизанской...

³⁰ Материалы подготовительной по национальным делам комиссии. Записка Ю. Шумахера.

³¹ *Idem.*

13 мая сложили полномочия сейм и общее правительство. Закавказская республика прекратила свое существование, и власть перешла к национальным советам трех новообразований: Грузии, Армении и Азербайджана. Германия остановила дальнейшее продвижение турок в пределах Грузии.

Решающую роль в актах 9 апреля и 13 мая сыграли не внутренние потрясения общерусской жизни, даже не большевизм — волны его еще не докатились до Закавказья, и сущность его постигали только верхние слои народа, — а смертельный страх перед турецким нашествием. Если наоборот — мусульманская часть населения отнеслась с явной симпатией к единоверным туркам, то главным образом потому, что надеялась на тот перевес, который теперь получают их интересы в вековой межнациональной распри. Но ни татары, ни грузины и армяне, ни все другие мелкие самобытные национальные группы в момент разрыва в массе своей не проявляли ненависти к России. По состоянию своей культуры, вековым навыкам, быть может, национальным чертам характера народы Закавказья менее, чем где-либо, принимали участие в государственной жизни. «Волеизъявление народа», «давление народных масс» — эти правовые и стихийные стимулы политических и национальных движений в Закавказье имели значение несущественное. Если в общерусском масштабе волны революции смыли с высот жизни русскую интеллигенцию, то здесь наоборот: история Закавказья в годы смуты есть история его интеллигенции, преимущественно социалистической. Только она явилась вершительницей внутренних событий, и только на ней лежит поэтому историческая ответственность за судьбы закавказских народов.

Итак, примиряющего и объединяющего начала не стало. Пути народов Закавказья разошлись. В течение трех лет будут они вести «самостоятельное» существование и гореть в котле политических страстей и межнациональной распри, пока наконец не сольются вновь... в общем русле советского самодержавия.

После провозглашения самостоятельной *Грузинской демократической республики* делегация ее прибыла в Берлин, и 11 июня в рейхстаге было объявлено о признании Германией новой республики *de facto*. В Тифлисе появилась дипломатическая миссия полков-

ника фон Кросса с эскортом в две роты, и с тех пор внутренняя и внешняя политика края безраздельно была подчинена германскому влиянию. Началось выкачивание немцами сырья и одновременно организация ими грузинской вооруженной силы — по свидетельству генерала Людендорфа — как подсобного фактора в борьбе с англичанами на Азиатском театре войны и против... Добровольческой армии, которая все более начинала тревожить немецкое командование.

Бакинская нефть особенно крепко владела умами и чувствами европейских и азиатских политиков. С весны началось резкое соревнование и «бег взад» в области войны и политики к конечной цели — Баку — англичан от Энзели, Нури-паши (брат Энвера) через Азербайджан и немцев через Грузию. Для той же цели Людендорф снял с Балканского фронта бригаду кавалерии и несколько батальонов (6—7) и спешно стал перебрасывать их в Батум и Потти — порт, заарендованный германцами у грузин «на 60 лет».

Судьба, однако, распорядится иначе: Нури-паша предупредил немцев в Баку, и десантные немецкие войска успевают сосредоточиться, как отпадение в начале сентября Болгарии, поколебав окончательно положение центральных держав, заставит немецкую главную квартиру отозвать войска из Грузии обратно на Балканы...

Армянская республика переживала дни глубокого отчаяния. Турецкая армия быстро продвигалась вперед, занимая районы этнографического расселения армян и подвергая народ резне и край опустошению. Мольбы армянского правительства и воздействие германских представителей, заинтересованных вообще в ограничении турецкого распространения, остановили, однако, наступление. Демаркационная линия была проведена в шести верстах от Эривани, и «самостоятельная Армения» заключена в голодный гористый район площадью в 11 тыс. кв. верст³², с 14 верстами железной дороги и с... 600 тысячами беженцев, собравшихся отовсюду и обездоливших окончательно коренное население.

Эту территорию сдавливали со всех сторон: с запада — Турецкий фронт; с юга, со стороны Алашкертской

³² Часть Эриванского уезда, часть Эчмиадзинского и весь Ново-Баязетский уезд.

долины,— курды; с юго-востока — «Аракская республика»³³, образованная татарскими ханами, враждебными России ввиду лишения их некогда феодальных прав и кровно ненавидевшими армян; с востока — враждебный Азербайджан, сначала татарскими бандами, потом, в сентябре, при помощи турецких войск покоривший Карабах; с севера — ревниво охраняемые грузинами границы Тифлисской губернии, через которые не пропускали ничего, даже продовольственных грузов вымирающему населению Армении.

При таких условиях Армянский национальный совет³⁴ и правительство не могли задаваться ни сложной политикой, ни внутренним строительством. Все их помыслы были направлены исключительно к сохранению физического существования остатков армянского народа. С большими трудностями были сформированы войска партизанского типа в 10—15 тыс. человек; отряд генерала Назарбекова (потом Силикова) вел непрестанную борьбу с татарами и курдскими ордами; отряд Андроника, не признававшего власти Эривани, вел самостоятельные военные операции в защиту армян Елизаветпольской губернии³⁵, против татар и турок; севернее наступление их сдерживал отряд Мелик-Шахназарова. Правительство рассылало отчаянные мольбы во все стороны и безнадежно искало спасительной «ориентации».

Нет сомнения, что в среде Национального совета, по преимуществу социалистического состава, даже в руководящей партии дашнакцанов (20 из 40 членов) в этот момент более чем когда-либо жило яркое сознание необходимости государственной связи с Россией. *Всякой Россией*, независимо от ее политического строя,— хотя бы и советской,— лишь бы она обладала силой и возможностью спасти армянский народ. Но *такой* России тогда не существовало. Германия не была вовсе заинтересована ни в стране, не имеющей к вывозу сырья, ни в народе, который нужно было кормить. С остальной Европой связи не было никакой. Оставалась только надежда на окрепшую под немецким покровительством Грузию...

³³ Долина Аракса — Нахичеванский и Шаруго-Даралагезский уезды.

³⁴ Представители от политических партий и племен.

³⁵ Зангезурский и Шушинский уезды с армянским населением составили временно «самостоятельную республику».

В первой половине июня Жордания и Рамишвили пригласили представителей Армянского совета для раздела между Грузией и Арменией по этническим признакам Борчалинского уезда. Но прибывших армянских делегатов встретил И. Церетели и от имени Грузинского совета заявил им, что все спорные территории³⁶ со смешанным грузино-армянским населением должны перейти к Грузии. Вождь — некогда — русской революционной демократии приводил такие мотивы: «Армяне после Батумского соглашения (*проведенного грузинами*) не могут составить сколько-нибудь жизнеспособного государства, и им выгодно усилить Грузию, чтобы было на Кавказе сильное христианское государство, которое при поддержке немцев будет защищать и себя, и армян»³⁷.

Через несколько дней грузины заняли своими войсками фактически свободные от турок спорные районы и немедленно приступили в них к набору.

Оставшись в трагическом одиночестве, Армянская республика с отчаянием и надеждой ждала поглощения, раздела или избавления. Откуда придет то или другое — можно было только гадать.

Азербайджанская республика самоопределилась в границах Елизаветпольской, Бакинской губерний и Закатальского округа. Фактически — только в большей части Елизаветпольской губернии, так как в Закаталах³⁸ шел спор с грузинами, на юге и юго-востоке велись бои с армянами и русскими, а Баку не признавал власти Азербайджана.

Шовинистическое по отношению к России и соседям, ярко туркофильское правительство хана Хойского, вышедшее из либерально-буржуазной партии Муссават с внешнесоциалистической окраской, не торопилось с устройением внутренней жизни края, которая шла по инерции, и обратило исключительное внимание на расширение его пределов. К этому побуждала их и панисламистская идея, овладевшая умами особенно сильно после прибытия в Елизаветполь к середине августа Нури-паши.

³⁶ Уезды Ахалкалакский, Казахский, Борчалинский и часть Александропольского.

³⁷ Доклад № 49 представителя Армении полковника Власьева «Армяно-грузинский конфликт».

³⁸ Лезгины, родственные Дагестану.

Вооруженной силы, однако, не было почти никакой. Мусульманский «корпус», который формировался в период власти Закавказского комиссариата и в котором преобладал русский командный состав, был под давлением немцев в начале августа распущен. Формирование нового корпуса с турецким составом сильно задерживалось благодаря инертности татар и нежеланию и непривычке их нести регулярную службу. «Национальные вопросы» разрешались практически главным образом иррегулярными татарскими отрядами. Они при участии турок устраивали взаимную кровавую резню с армянами в Карабахе; они вторглись в плодородную русскую Мугань³⁹, где разгромили и сожгли до 50 поселений, жители которых, до 30 тысяч, бежали на Северный Кавказ. Южная часть Мугани, однако, уцелела. Пройдя в течение нескольких месяцев через большевизм и стряхнув его, население Мугани организовало вооруженную силу около 1 тыс. человек с двумя орудиями под командой полковника Ильяшевича, отстояло свой край и в свою очередь предало огню и мечу более 20 татарских селений. Затем прожило мирно в течение года в качестве «Ленкоранской республики», пока не было поглощено Азербайджаном по требованию... англичан.

Войска Азербайджана вели наступление, пока безуспешное, на Баку. Фронт проходил у станции Кюрдамир — в половине расстояния между Елизаветполем и Баку.

Баку — золотоносный источник лучшей нефти, выбрасываемой на мировой рынок ежегодно в количестве около 500 млн пудов; прекрасный порт, в котором сосредоточивался почти весь Каспийский торговый и транспортный флот; центральный узел путей, экономическая и стратегическая база Средней Азии.

Вероятно, и сами властители Азербайджанской республики не думали серьезно о суверенном обладании Баку, играя роль лишь ширмы для трех борющихся сил. Германия дополнительными статьями к Брест-Литовскому договору обязалась не допускать турецкие войска в Бакинский нефтеносный район и всячески препятствовала турко-татарскому наступлению... до полного сосредоточения своих войск. Турция входила по этому поводу с резкими нотами, намекая даже на

³⁹ Ленкоранский и Джиоватский уезды Бакинской губернии.

возможность разрыва, а тайно влиwała в состав азербайджанских отрядов своих офицеров и аскеров. В самом Баку шло состязание турецкого фанатизма, большевистской пропаганды, английских фунтов и немецких марок...

На «Кюрдамирском фронте» боевые действия между тем замерли.

В Баку, как и везде, издавна существовала глубокая вражда между татарским и армянским населением. После большевистского переворота и кровавых столкновений Азербайджана с Арменией она усилилась еще более, приняв внешние формы борьбы между советской властью, на сторону которой стали дашнакцаны и русский пролетариат, и турко-татарами, к которым из чувства самосохранения примкнула часть русской интеллигенции. Еще в конце 1917 года Москвою был назначен социал-демократ Шаумян «верховным комиссаром Закавказья», но до весны проявить своего существования он не имел возможности.

25 марта при помощи армянского полка, возвращавшегося из Персии через Баку, армяно-большевики захватили власть в городе. Переворот сопровождался неслыханными зверствами. В городе вырезан был целый мусульманский квартал; число жертв не было зарегистрировано, но, по официальным сведениям азербайджанского правительства, вероятно несколько преувеличенным, армяне вырезали в Баку и Шемахе 10 тыс. татар. У власти стал Совет, преимущественно из дашнакцанов, во главе с Шаумяном. Небольшие части армян и русских фронтовиков прикрыли город со стороны Елизаветполя.

Между тем во второй половине июня в Баку был партизанский отряд полковника Лазаря Бичерахова силою в $1\frac{1}{2}$ —2 тыс. человек. Отряд этот состоял на службе англичан, был хорошо вооружен и отлично оплачивался ими⁴⁰. Бакинскому совету Бичерахов заявил, что он — вне политики, ни к какой партии не принадлежит, признает советскую власть и будет поддерживать порядок. Части его выступили на Кюрдамирское направление.

⁴⁰ После развала российского Кавказского фронта Бичерахов, бывший в корпусе генерала Баратова, организовал из охотников партизанский отряд и принял с ним участие в составе английской армии в боях в Месопотамии и северной Персии. Затем был направлен англичанами в Баку.

Но в последних числах июня Бичерахов снялся с фронта и отошел в северном направлении. В Баку под влиянием военных неудач произошел внутренний переворот при участии Бичерахова, причем большевистский Совет был смещен полубольшевистским Центрофлотом. Через несколько дней в Баку прибыл и английский генерал Данстервиль с небольшим отрядом и военными инструкторами.

Правление Центрофлота продолжалось немногим более месяца: 2 сентября 1-й турецкий корпус с Мурсал-пашой во главе опрокинул слабые части бакинцев и вопреки требованию немцев занял Баку. В городе повторились трагические сцены конца марта, но в обратном отражении: в течение трех дней татары производили страшную резню армян, причем правительство Армении определяло число погибших соотечественников в 25—30 тыс. человек.

Данстервиль поспешно, раньше других, уехал в Энзели. Бичерахов со своими партизанами и с армянскими отрядами двинулся на север, захватив свыше 100 млн. руб. Бакинской казны; при помощи канонеров овладел Дербентом и Петровском; основал в последнем эфемерное «Кавказско-Каспийское» правительство, преимущественно из социалистов-революционеров, и объявил себя «главнокомандующим войсками и флотом на Кавказе»⁴¹. Отряд его, сильно растаявший, с тех пор держал фронт на юг — против турко-татар — и на север — против большевиков. Отношения у Бичерахова с англичанами совершенно испортились, в дальнейшем снабжении его они отказали, и Бичерахов вновь заявил, что борется только против турок, в гражданской войне участия не принимает и «готов блокироваться с большевиками»⁴²...

Между тем азербайджанское правительство вступило в Баку, и хан Хойский от «имени нации» выражал торжественно благодарность турецкому командованию. «Событие это,— говорил правительственный официоз⁴³,— открывает самые широкие перспективы... для мусульманского мира. В этой борьбе на весах было

⁴¹ Позднее титул командующего войсками был утвержден за ним Верховным главнокомандующим Уфимского правительства генералом Болдыревым.

⁴² Из доклада генерала Гришина-Алмазова, посетившего в Петровске Бичерахова.

⁴³ Азербайджан.

брошено самое дорогое — честь и слава тюркского племени».

«Народ ликовал».

Через два месяца быстро меняющаяся кинематографическая лента Закавказья покажет нам другую картину: «ликующий народ» будет встречать английскую флотилию и войска генерала Томсона...

В то время как закавказские народы в огне и крови разрешали вопросы своего бытия, в стороне от борьбы, но жестоко страдая от ее последствий, стояло полумиллионное русское население края, а также те, кто, не принадлежа к русской национальности, признавали себя все же российскими подданными.

Попад в положение «иностранцев», лишённые участия в государственной жизни⁴⁴, преследуемые подчас подозрительностью молодых, не воспринявших еще ни традиций, ни достоинства правительств, под угрозой суровых законов о выселении, лишении имущественных прав, о «подданстве» и наборе, допускавшем возможность братоубийства, русские люди теряли окончательно почву под ногами и запутывались в противоречиях, выдвигаемых бурно кипящей жизнью Закавказья.

Я не говорю уже о моральном самочувствии людей, которым закавказская пресса и стенограммы национальных советов⁴⁵ подносили ежедневно беззастенчивую хулу на Россию и повествование о «рабстве, насилиях... притеснениях... о море крови, пролитой свергнутой властью...». Их крови, которая ведь перестала напрасно литься только со времени водворения на Кавказе «русского владычества».

Отношение к русским проявлялось не везде в одинаковой форме. В районах турецкой оккупации (Батум, Карс, Ардаган) русского населения осталось мало: из страха перед турецким нашествием крестьяне бросали свои насиженные места и хозяйства, рабочие и городское мещанство — свои пожитки и заработок, и вся эта волна беженства текла на север. Брошенное добро их частью расхищалось мусульманским населением, частью реквизировалось турками. Остались на местах

⁴⁴ В Азербайджане впоследствии под давлением английских оккупационных властей русские представители в ограниченном числе входили в состав правительства и парламента.

⁴⁵ В Армении — только как редкое исключение.

главным образом буржуазия и служилый элемент. К ним турецкие власти отнеслись внешне предупредительно, по существу — безучастно, но терпимо.

Немцы проявили к русскому населению подозрительное и сдержанное отношение, не оказывая прямого вмешательства в судьбы его и лишь воздействуя в смысле укрепления центробежных стремлений на местные правительства. Это воздействие проявлялось скрытно, осторожно, не возбуждая резко русской общественности. Характерно, что в массе горьких жалоб и обличений, стекавшихся осенью 1918 года к командованию Добровольческой армии, меньше всего было относившихся к германской оккупационной власти...

В Армении к русским относились более доброжелательно, чем в других новообразованиях. Бедный своей интеллигенцией и техническими силами край пользовался охотно русскими работниками и, в частности, привлекал русское офицерство в ряды своих войск. Правительство, выдерживая официально тон сепаратной фразеологии, вместе с тем устами одного из своих министров конфиденциально передавало: «... политика Армении благоприятна России включительно до положительного разрешения вопроса о воссоединении с Россией; если бы в силу внешних обстоятельств правительство Армении и оказалось вынужденным делать официальные заявления другого характера, министр предлагает рассматривать эти заявления *как вынужденные*»⁴⁶. Жалобы на притеснения армян стали поступать лишь позднее, когда вернувшиеся в районы бывшей турецкой оккупации с севера русские беженцы нашли свои пожитки и земли в армянских руках.

В Азербайджане, невзирая на яркое туркофильство правительства, русский элемент не подвергался гонению. Правительство края, так же как и Армения, бедного культурными силами, не оказывая никакой помощи впадшим в крайнюю нужду русским людям, занесенным обстоятельствами в пределы края, не лишало, однако, должностей и работы тех, кто желал найти здесь применение своим силам. Только вдали от центра, особенно в Шушинском уезде и на Мугани, пронеслась кровавая волна, поднятая мусульманским фана-

⁴⁶ Управляющий министерством иностранных дел Мелик-Каракозов. Доклад представителя Закавказского отделения кадета Тер-Карапетава.

тизмом и главным образом наступившим *безвластием*. Оттуда раздавались стоны и вопли о помощи, оттуда бежали толпы несчастных русских людей на север. Правительство хана Хойского, казалось, не проявляло интереса к этим событиям, а может быть, бессильно было устранить их.

Совершенно иначе обстояло дело в Грузии.

Правительство бывших российских социал-демократов, внесших во внешнюю политику и тактику российского Совета солдатских и рабочих депутатов столь яркие идеи интернационализма, теперь задалось целью вытравить всякие признаки русской гражданственности и культуры в крае — прочно, «навсегда» — прежде всего путем устранения из Грузии русского элемента. Целый ряд законодательных актов и административных распоряжений прямо или косвенно преследовал эту идею: принудительное подданство, правовые ограничения, аресты, выселения, набор, наконец, «национализация» — языка, школы, учреждений. Десятки тысяч русских служилых людей и просто трудовой демократии, работавших в государственных и общественных учреждениях, на железной дороге, почте, телеграфе и т. д., были заменены грузинами и буквально выброшены на улицу. Стекавшиеся со всего Закавказья в Тифлис как военно-административный центр края и фронта служилые люди попадали в отчаянное, безвыходное положение, в особенности семейные.

Грузинское правительство, захватив в свое распоряжение почти все миллиардное имущество Кавказского фронта, большие кредиты и денежную наличность центральных краевых учреждений, расформировываемых войск и военных управлений, не сочло себя обязанным произвести справедливую безболезненную ликвидацию русского наследия. Вопрос, о котором подумал — пусть даже в целях агитации — Совет комиссаров, препроводивший в 1918 году в Тифлис 30 млн руб. «на ликвидацию личного состава государственно-служащих».

Ликвидация денежной и материальной части шла беспорядочно, часто хищнически. В отношении личного состава служащих правительство ограничилось лишь назначением ничтожного ликвидационного пособия от 250 до 1000 руб., выдача которого, однако, всемерно задерживалась и в конце концов свелась, словно в насмешку, к замене денег кредиторскими

свидетельствами на получение известной суммы из «кредита Российского государства»... Советского?

Новый поток обездоленных, голодных, нищих людей двинулся к портам Черного моря и по Военно-Грузинской дороге, унося с собою горячую ненависть к Грузии и грузинам. В сознании этих людей оскорбление и унижение русской государственной идеи несомненно сливалось и переплеталось с личным горем и обидами. Их возмущение было искренне, их психология несложна и понятна; она передавалась всецело русскому обществу по ту сторону Кавказского хребта.

Имело ли отношение, проявленное грузинским правительством к России, основание в народных настроениях?

Я не буду останавливаться на обильном материале, поступавшем по этому вопросу к добровольческому командованию из русских источников, быть может несколько пристрастных; приведу мнение туземца, не связанного с правительством, но не оторвавшегося от народа:

«Вопрос этот слишком касается всех русских, и потому изложить его беспристрастно очень трудно... В создании ненависти грузин к русским играло роль желание народа зажить спокойно и устранившись от русской анархии... Быть может, и то, что некоторые круги грузинского общества с целью разогревали страсти населения против русских, указывая, что Россия — поработительница, Россия — угнетательница грузинской культуры и самобытности...» Что психология «юноши, только что вышедшего из детского возраста», свойственна и народу, «который, начиная жить самостоятельно, ревниво оберегает собственное достоинство и боится, чтобы кто-либо как-либо не обидел его страну...». Докладчик уверял, что «массового преследования русских не было» и что «тот узкий шовинизм, который был у большинства грузинского народа вначале, постепенно начал слабеть, и население (стало) лучше относиться к русским, жалея, что связь с Россией как бы временно порвалась...».

Интересы русского населения в Закавказье защищали возникшие повсеместно национальные организации⁴⁷. Избрание их было далеко не правомерно. Взаимная связь относительная — по крайней мере центральный орган (Русский национальный совет в Тиф-

⁴⁷ Сочи, Гагра, Сухум, Поти, Батум, Тифлис, Эривань, Баку и Карс.

лисе) не пользовался никаким авторитетом среди прочих. Силы расплылись: в Тифлисе, например, одновременно существовали враждебные друг другу Русский национальный совет, Славяно-русское общество на Кавказе, Закавказская Русь; Славяно-русское общество соперничало в Баку с местным Национальным советом. Политическая окраска организаций была весьма разнообразна — от социалистической (Русский национальный совет в Тифлисе⁴⁸) до крайней правой (Закавказская Русь). Так же различно было отношение их к основному вопросу русской государственности: Тифлисский совет, например, содействовал широко эвакуации русского элемента из Закавказья, в то время как другие организации удерживали его всемерно на местах, считая государственно вредным такой полный разрыв, хотя бы и временный, с Закавказьем. Тифлисский совет стоял на почве соглашательства с большевиками, имел сношения с советской властью через Владикавказ и даже до сентября признавался Грузией как «представитель Российского советского правительства»; Славяно-русское общество относилось примирительно к временной самостоятельности новообразований и послало впоследствии своих членов в состав азербайджанского министерства; другие организации считали такое направление изменой русским интересам.

Словом, в русской общественности по обыкновению произошел раскол, разделивший силы и средства и ослабивший политическое и моральное влияние ее. Тем не менее было бы несправедливым отрицать большую и полезную работу этих организаций, направленную к охране личных и имущественных прав «российских подданных», устройению их быта, удовлетворению культурно-просветительных потребностей, наконец, к общественной благотворительности. Среди тяжелой, подчас унижительной обстановки, обладая скудными материальными средствами, они поддерживали и русских людей, и русскую идею.

Весьма сложный сам по себе вопрос бытия народов закавказской мозаики получил уродливое направление благодаря воздействию трех крупных факторов —

⁴⁸ Председатель — Ф. Лебедев, большинство членов — социалисты-революционеры.

русского большевизма, турецкого панисламизма и германского империализма. Воздействию временному и преходящему. Было бы поэтому слишком рискованным на основании событий и фактов этого периода, равно как и последующего⁴⁹, делать окончательное заключение *об истинном отношении племен Закавказья к русской государственности и русской культуре...*

* * *

«Круг спасения Дона» открылся в Новочеркасске 28 апреля 1918 года.

К этому времени только небольшая часть Донской области была освобождена от большевиков⁵⁰. Составленный из представителей станиц и казачьих ополчений, главным образом ближайших к Новочеркасску, Круг не мог претендовать на большую авторитетность...»

Круг постановил⁵¹:

1. «Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого⁵² войска Донского».

2. «Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской империи... Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и Советом народных комиссаров, отменяются».

3. «Условия приобретения гражданства Всевеликого войска Донского, равно как и прав казачества, а также утрата их определяются законом»⁵³...

Первой заботой новой донской власти было создание армии.

Освобождение Дона являлось в начале результатом войны *народной* — партизанской, неорганизованной.

⁴⁹ Влияние Вооруженных сил Юга России, Советской России и Англии.

⁵⁰ Северная часть Черкасского и Ростовского округов, южная часть Донецкого и почти весь Верхнедонской.

⁵¹ Из основных законов, предложенных Кругу генералом Красновым как обязательное условие принятия им атаманства.

⁵² Историческое происхождение этого титула, восстановленного генералом Красновым, опорочивалось знатоками донской старины, указывавшими, что в допетровских грамотах это наименование писалось «Все великое войско Донское».

⁵³ Дон не пошел на «принудительное подданство», к чему стремились Украина и Грузия.

Восставали против большевиков отдельные станицы под командой случайных начальников; соединялись иногда в более крупные отряды; выходили поголовно, когда станице угрожала непосредственная опасность, и расходились, когда она отдалялась; некоторые станицы и вовсе не принимали участия в борьбе. К началу мая в распоряжении атамана на маленькой еще освобожденной территории было 14 самостоятельных отрядов общей численностью в 17 тыс. бойцов, 21 орудие и 58 пулеметов...

* * *

Со времени Октябрьского переворота «*русский вопрос*» более чем когда-либо в истории потерял свое самодовлеющее значение в мировой политике, став производной в борьбе центральных держав с державами Согласия. Способом, средством, источником материальных и военных ресурсов. И только. Везде в доступных нам документах прямо или косвенно доминирует взгляд на Россию исключительно как на *фактор международной борьбы*.

Германия стремилась к незамерзающему порту на Ледовитом океане, к невывезенным запасам Мурмана, Архангельска, Владивостока, к эксплуатации Запада и Юга России, к возвращению из Сибири и использованию 300—400 тыс. австро-германских пленных... Державы Согласия противодействовали ей путем оккупации Владивостока и Сибирской линии, поддержанием чехословацкого движения, созданием Северного фронта и подготовкой Восточного...

Вскоре после большевистского переворота в Москве образовалась конспиративная организация под названием «девятки». В нее вошли по три члена от кадетской партии, Торгово-промышленного союза и Совета общественных деятелей. Впоследствии организация разрослась, получив характер коалиции консервативных и либеральных общественных групп с явным преобладанием первых и приняв наименование *Московского, или Правого Центра*⁵⁴.

Целью организации было объединение несоциалистических элементов страны для борьбы с большевизмом...

⁵⁴ В этом очерке я избегаю, где нет прямой необходимости, называть имена.

Правый Центр имел в своем составе небольшой военный отдел, возглавлявшийся генералом Д., — человек 700—800, по преимуществу офицеров. За полным отсутствием средств эта организация фактически числилась только на бумаге.

В начале 1918 года в Москве делались попытки объединения и левого крыла русской общественности. Но все переговоры между центральными органами кадетов, народных социалистов и социалистов-революционеров относительно общей платформы и объединенных действий не привели ни к чему. Тогда некоторые лица приступили к созданию путем персонального участия внепартийной, с преобладающим, однако, социалистическим составом организации, которая и начала функционировать в апреле 1918 года под именем Союза возрождения России⁵⁵.

Союз ставил себе целью «воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых областей и защиту ее от внешних врагов» при помощи союзников...

Отдельно от политических центров стоял Б. Савинков.

Приехав в Москву в качестве члена при «донском триумvirате», снабженный удостоверениями генерала Алексева, он широко использовал свое новое положение. Вместо «привлечения на Дон некоторых известных демократических деятелей», как формулирует Савинков данное ему поручение, он предпринял самостоятельную организацию в Москве, прикрываясь именами генералов Корнилова и Алексева и отвлекая тем силы от Добровольческой армии...

Пополненная, таким образом, почти исключительно офицерством, савинковская организация приняла название *Союза защиты Родины и Свободы* и к концу мая, по его словам, насчитывала до 5 1/2 тыс. человек⁵⁶, разбросанных, однако, в Москве и в 34 провинциальных городах...

Савинков после неудачного выступления побывал в Сибири и, не встретив там признания, уехал в Париж...

⁵⁵ Вначале союз этот называли Левым Центром.

⁵⁶ По сведениям штаба Добровольческой армии, фактически было 2—3 тыс.

На территории России, вовлеченной в той или иной форме в сферу германского влияния, за Волгой, на Урале и в Сибири разгоралась в свою очередь борьба против советской власти — широко, в масштабе, соответствовавшем необъятным восточным просторам.

Главный толчок к ней дало выступление чехословаков. Роль, которую сыграл первоначально 30—40-тысячный чехословацкий корпус в чисто военном стратегическом отношении, служит наглядным показателем полной беспомощности советского правительства весной и летом 1918 года и той легкости, с которой возможно было свержение его при условии надлежащего использования противобольшевистских сил.

И если этого не случилось, то историческая ответственность за продолжение кровавого опыта лежит не только на беспринципной и близорукой политике германцев и Согласия, но еще в большей степени на совести русских противобольшевистских деятелей.

Углубленные и обостренные революцией социальные, классовые, племенные, даже областные расхождения набросили вскоре густой туман на пробудившуюся было русскую *национальную идею*.

Рожденное революцией, питавшееся ее извращениями в большей степени, чем тяжестью иноземного нашествия, противобольшевистское движение дало поэтому Архангельск, Киев, Новочеркасск, Екатеринодар, Самару, Омск; но оно бессильно было возвыситься до создания своего Пьемонта.

Чехословацкий корпус после Брест-Литовского мира двигался к Владивостоку, откуда Согласие предполагало перебросить его на Европейский театр войны. К весне 1918 года чехословаки были разбросаны на огромном протяжении — 7½ тыс. верст — от Пензы до Владивостока. В мае по требованию Мирбаха Троцкий отдал приказ об их разоружении. По настоянию Массарика, всемерно уклонявшегося от «вмешательства во внутренние русские дела», чехи подчинились этому распоряжению, потребовав лишь оставления на каждый эшелон 150 винтовок и нескольких пулеметов. Но вслед за сим последовало из Москвы новое распоряжение — остановить на местах все чешские эшелоны, разоружить чехов окончательно и водворить их в концентрационные лагеря.

Эта мера советского правительства привела к последствиям, для него совершенно неожиданным, — чехи восстали...

Какими бы мотивами ни руководствовались чехословаки, их выступление сыграло чрезвычайно важную роль в истории развития противобольшевистского движения. *В этот первый период* их заслуги в деле освобождения России неопределимы, их тогдашние вины поблекнут перед судом истории...

Социалисты-революционеры воспользовались широко восстанием чехословаков. И когда бригада Чечека 8 июня овладела Самарой, было объявлено, что власть переходит к Комитету членов Учредительного собрания (Комуч). Демократический покров, популярный еще в русской общественности, прикрывал новую диктатуру — партии социалистов-революционеров, безраздельно овладевшей властью и вдохновляемой Черновым, который — потому ли, что имя его было слишком одиозным, потому ли, что не очень верил в успех дела, — руководил им из-за кулис.

Для истории противобольшевистской борьбы этот единственный опыт чисто социалистического правления⁵⁷ представляет большой интерес. Опыт наиболее краткий — всего 107 дней — и, как кажется, наименее удачный.

Комуч объявил себя эмбрионом всероссийской верховной власти, которая должна была утвердиться при наличии 30 членов бывшего Учредительного собрания...

К государственному строительству Комуч фактически не приступал, ограничившись общими декларациями и посылкой на места своих комиссаров («генерал-губернаторов!»). Но зато внешний антураж власти и ее приемы оставляли далеко позади практику всех «новообразований»...

Таким же пустоцветом оказалась созданная комитетом «Народная армия».

Первые сведения о ней мы получили в начале августа, наиболее полные — от командированного за Волгу для связи с чехословаками полковника Моллера, побывавшего в Самаре, Челябинске и Екатеринбурге...

⁵⁷ Грузия находилась в особенных условиях.

В *Сибири* и на *Урале* большевизм нашел еще менее благоприятную почву, распространяясь главным образом от центра к периферии чисто механическим путем, вдоль железнодорожных магистралей. Его заносила главным образом волна солдат, отчасти казаков, хлынувших с фронта, пронесшаяся вначале бурно и потом стихавшая по мере рассасывания солдатчины по необъятным сибирским равнинам. Большевизм нашел искренний отклик только в городском пролетариате и в крестьянской бедноте — «новоселах», не успевших прочно осесть и укрепиться на богатой сибирской почве. Коренное крестьянство Сибири весьма мало интересовалось земельным вопросом.

Не находя сочувствия, но и не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, большевизм начал утверждаться в Сибири только в январе — феврале 1918 года. Организующим его центром стал Иркутск. Собравшийся в нем в ноябре 1917 года Всесибирский съезд советов избрал Центральный исполнительный комитет советов Сибири; последний в середине декабря, после восьмидневных уличных боев между большевистским гарнизоном и отрядом из офицеров, юнкеров и незначительного числа казаков, захватил власть, образовав затем Сибирский совет народных комиссаров...

* * *

С приходом германских войск на Дон положение Добровольческой армии стало весьма затруднительным. Декларации наши, свободно обращавшиеся, не могли создать никаких иллюзий в немецком командовании в вопросе об отношении к нему армии. Правда, первоначальная формула этих отношений, исходившая некогда от «совета» при триумвирате⁵⁸, теперь была заменена более мягкой: «Никаких сношений с немцами...» Но и эта формулировка не могла примирить немецкое командование с фактом существования бок о бок силы, безусловно им враждебной.

Началось зондирование почвы...

⁵⁸ Триумвират: Алексеев, Корнилов, Каледин; зима 1917/18 года. Первая декларация Добровольческой армии определяла цели ее «борьбой с надвигающейся анархией и немецко-большевистским нашествием».

Не выступая против Добровольческой армии с оружием в руках, немцы старались разложить ее другими путями. К числу их относится создание ими так называемой *Астраханской армии*⁵⁹.

В Киеве в начале июля образовалась организация для вербовки в эту армию, формировавшуюся на Дону, в районе станицы Великокняжеской. Во главе ее стал совершенно ничтожный человек полковник Тундутов, в качестве политического руководителя — Иван Добрынский, в окружении — чрезвычайно темные элементы (немцы и русские) германской контрразведки...

* * *

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом.

На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, генералом Красновым, с другой — генералом Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и «на будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском в качестве «верховного вождя Южной Российской армии»⁶⁰, брал на себя задачу — ее руками освободить Россию от большевиков и занять Москву⁶¹. На этом же пути стояла другая сила — пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего Верховного — генерала Алексева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческой армии.

Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил, и обе не могли принести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длитель-

⁵⁹ Такое странное название формирование получило от теоретического предположения Тундутова комплектовать армию астраханскими казаками и калмыками по мере освобождения Астраханской губернии.

⁶⁰ Соединенные Южная, Астраханская и Народная.

⁶¹ Речь в Таганроге//Приазовский край. 1918. № 178.

ная внутренняя борьба — методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению вооруженных сил Юга путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами — безразлично...

* * *

К весне 1918 года обнаружилась окончательно полная несостоятельность *Красной гвардии*.

У съезд Советов восстановил всеобщую воинскую повинность: «...на каждом честном и здоровом гражданине в возрасте от 18 до 40 лет лежит долг по первому зову Советской Республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов... Из буржуазии призывного возраста должно быть создано тыловое ополчение для укомплектования нестроевых частей, служительских и рабочих команд».

На этих общих основаниях началась организация рабоче-крестьянской *Красной армии*. Строилась она на принципах старых, отмеченных революцией и большевиками в первый период их властвования, в том числе на нормальной организации, единовластии и дисциплине.

Введено было «всеобщее обязательное обучение военному искусству», основаны инструкторские школы для подготовки командного состава, взят на учет старый офицерский состав, привлечены поголовно к службе офицеры генерального штаба и т. д. Советская власть считала себя уже достаточно сильной, чтобы влить без опасения в ряды своей армии десятки тысяч «специалистов», заведомо чуждых или враждебных господствующей партии...

Организация армии шла с великим трудом и большими препятствиями: инерция несения государственной повинности была прервана, прежний двигатель борьбы — иноземное нашествие — сильно поблек и к тому же вытравлялся большевиками из народного сознания, новый — буржуазная контрреволюция — не был воспринят в должной мере; других стимулов не было; в качестве побудительного фактора оставался лишь страх и принуждение...

Жизнь Красной Армии в тот переходный период протекала чрезвычайно разнообразно. Были, однако,

общие черты, свойственные частям всех фронтов. Формировались части по распоряжению штабов и со-вдепов, но чаще по частной инициативе. Принимали название по местности формирования, иногда по фантазии организатора: «Черная хмара», «Гроза буржуазии», «Пятый неустрашимый» и т. д. Отдельные отряды совершенно произвольной численности жили полусамостоятельной жизнью, входя в состав «колонн», дивизий, армий. Жили на местные средства — реквизицией и грабежом, редко имея связь с довольствующими учреждениями. Умирили в них люди массами — от постоянных боев и — еще более — в результате потрясающего неустройства санитарной части.

Основное ядро полков, отрядов составляли обыкновенно коммунистическая ячейка, матросы и деклассированные элементы — старые солдаты, по тем или другим причинам не вернувшиеся домой и обратившие военную службу в ремесло. Из последних выбиралось обыкновенно ротное начальство — несведущее в военном деле, но восполнявшее до некоторой степени отсутствие военного образования длительным опытом и зачастую отменным знанием психологии своих подчиненных. Охотно выбирали в командиры и старых офицеров, отношение к которым значительно переменялось в сравнении с первым периодом революции. Иногда назначали их насильно, против воли, так как власть приносила тогда больше терний, чем роз. Должно быть, сроднило общее несчастье и одинаковый гнет со стороны коммунистов. Главную массу армии составляло по-прежнему крестьянство — инертное и невоинственное.

Наконец, огромную роль в утверждении коммунистической власти, в особенности вначале, играли отряды наемников — латышей, китайцев, пленных венгров и немцев...

Таким образом, к 1 августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его тесным кольцом с севера и востока.

1-го предстоял штурм Екатеринодарских позиций.

Они тянулись от Кубани, опоясывая Пашковскую, — разъезд Лорис и далее к Екатеринодарским Садам⁶², пересекая Черноморскую железнодорожную линию; непосредственно впереди города шла вторая не-

⁶² Предместье города.

прерывная линия окопов. Местность кругом была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1 августа после ожесточенного боя Покровский взял наконец Тимашевскую, и разбитый противник начал отходить в общем направлении на Новоросийск...

В этот же день с раннего утра начались бои на всем Екатеринодарском фронте...

Утром 3-го наши колонны и штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар — ликующий, восторженно встречавший добровольцев. Вступали с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то особое мистическое значение...

4 августа на вокзале торжественно встречали в моем лице Добровольческую армию атаман, правительство, Рада и делегации. Потом все вместе поехали верхом на Соборную площадь, где собрались духовенство, войска и несметная толпа народа...

Опять слышались горячие речи, полные признания заслуг армии, любви к Кубанскому краю и глубокого патриотизма по отношению к России...

Я от души пожелал, «чтобы освобожденная Кубань не стала вновь ареной политической борьбы, а приступила как можно скорее к творческой созидательной работе»...

* * *

Утверждение наше на берегах Азовского и Черного морей привело к соприкосновению с германскими войсками и флотом. В предвидении неизбежных встреч с немецкими властями добровольческим начальникам дана была мною краткая инструкция, заключавшая следующие положения: самим избегать всяких встреч и всякого общения; относительно политической конъюнктуры Добровольческой армии: Брест-Литовского мира не признаем, отношения наши с Германией может установить только всероссийская центральная власть, которой пока не существует; но враждебных действий против немцев мы без вызова с их стороны предпринимать не намерены; относительно торговых

сношений — вопрос преждевременный, так как торговый аппарат еще не налажен; но боевые припасы покупать готовы в обмен на произведения страны; при всех сомнительных вопросах ссылаться на неимение от меня инструкций...

Сложнее был вопрос относительно Тамани. Еще весною восставшие против большевиков таманские станицы обратились к немецкому командованию в Крыму с просьбой о помощи. Быть может, это обращение было инсценировано и немцами, для которых, по словам майора фон Кофенгаузена, в вопросе о занятии полуострова «большую роль играла военная сторона дела, а именно обеспечение Керченского пролива». Немцы ввели на полуостров полк с батареей, потом еще несколько усилили оккупационный отряд и вытеснили большевиков до Темрюка, продвинув свой фронт к лиманам в низовьях Кубани.

С тех пор Тамань жила своей обособленной от остальной Кубани жизнью. Был там свой «атаман» — полковник Перетяткин, свои «вооруженные силы», то собиравшиеся, то расходившиеся и совершенно игнорируемые немцами. Казаки вели распрю, захватывали чужие запашки, разбирали войсковые запасные земли, рыболовные воды; начальство вело подкопы друг против друга и против кубанского правительства, не признавая его власти. Словом — суверенная Тамань в суверенной Кубани...

В половине сентября таманские депутаты постановили «выразить благодарность германскому командованию за оказанную помощь и теперь же просить оставить Таманский полуостров»; с аналогичным представлением обратился посол кубанского правительства к высшему германскому представителю в Ростове майору фон Кофенгаузену. Последний ответил, что главное командование согласно на введение в пределах Тамани общекубанской администрации и «милиции». Что же касается «очищения края навсегда», то «это вопрос довольно отдаленного будущего», и о нем можно будет говорить только тогда, «если дружелюбное отношение (будущей) краевой Рады даст нам нужные гарантии...»⁶³. Ухудшившееся положение на Западном фронте делало немцев пассивными и уступчивыми...

⁶³ Телеграмма Макаренко из Новочеркасска 19 сентября № 285.

21 сентября проект конституции был готов окончательно.

А 25-го окончил жизнь Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев...

Я принял звание главнокомандующего, объединив власть командования и управления.

Передо мной открывался новый путь, на котором судьба приуготовила много радостных событий, возбуждавших надежду на близкое спасение страны, но еще более — тяжких сокрушительных ударов...

* * *

Эпилог мировой войны вызвал глубокие сдвиги в ходе русской смуты.

Падение центральных держав — неизбежное, намечавшееся давно уже целым рядом зловещих признаков — явилось все же неожиданным по своей стремительности и катастрофическим размерам. Не только реальные последствия его, но и сама грандиозность события ошеломили и победителей, и побежденных, и тех, что стояли уже за сценой мировой трагедии, но были еще связаны прочными цепями с одной из сторон. В ближайшие месяцы после окончания войны мы станем поэтому свидетелями крайней неустойчивости и непонятных на первый взгляд противоречий в политике держав-победительниц. Мы увидим также, что те скрепы, которые в 1914 году искусственно связали мир в два взаимно враждебных лагеря, начинают понемногу рушиться и пути народов расходятся вновь. Что, наконец, в нравственный облик человечества конец борьбы не внес умиротворяющего начала, но углубил еще более последствия войны и революций: безбрежную ненависть, разлившуюся по всему свету, и бездонный эгоизм — государственный, классовый и личный.

Изменились театры, средства и способы, но сама борьба не стихла...

* * *

По требованию держав Согласия германские войска в середине декабря покинули *Финляндию*. Уходили они, провожаемые сожалениями и добрыми пожеланиями. Но создавшаяся в стране обстановка исключала возможность продолжения германофильской политики: английский флот в конце декабря появился в Финском заливе; разрыв с Россией, являвшейся почти исключительным рынком сбыта финляндской промышленности и вместе с тем хлебным источником Финлян-

дии, вызвал глубокий экономический кризис; нужны были свободные руки, новые рынки, кредиты и прежде всего хлеб. И реальные политики нового государства легко переменили ориентацию, получая английские товары, американский хлеб и даже французское вооружение, снаряжение и инструкторов для организации своей армии.

Державы Согласия, имея в этот период неограниченное влияние на финляндское правительство, не оказывали на него давления в смысле направления русской политики. От Финляндии требовались лишь лояльность в отношении Согласия и прекращение всяких обязательств в отношении Германии.

Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невыносимое положение нашу сухопутную и морскую государственную оборону. Но новая держава с первых же шагов своих проявила настойчивое стремление к дальнейшему округлению своих границ за счет метрополии по мотивам весьма противоречивым.

Аландские острова, населенные шведами¹ и приобретенные Россией по Фридрихсгамскому миру, требовались Финляндией по условиям... *Географическим*, как составляющие естественное продолжение финского побережья, и *историческим*, как включенные в состав Финляндии актами императора Александра I в 1809 году. Этот архипелаг является ключом к обладанию Ботническим заливом и преграждает все внутренние шхерные пути к побережью Финляндского залива от Петрограда...

*Восточная Карелия*² причислялась к Финляндии по принципу «самоопределения народов», на основании атаквистических признаков племенного родства...

А в то же время начиная с весны 1919 г. Москва настойчиво предлагала Эстонии мир...

* * *

Если в Северной Прибалтике всецело и безраздельно царило влияние союзников, преимущественно Англии, то в Южной оно боролось еще долго с влиянием германским. Эта борьба — нервная, непоследовательная

¹ По переписи 1910 года — лиц, признававших родным языком шведский, было 96% всего населения.

² Часть Олонецкой губернии между Ладожским и Онежским озерами.

и лишенная какой-либо иной идеи, кроме неприкрытого и грубого соперничества, — наложила свой резкий отпечаток на все военно-политические события в крае.

На основании требований союзников германские войска спешно очищали Прибалтику. За ними следом от Полоцка, Пскова и Орши шли советские полки численностью до 10—12 тыс., направляя главные силы через Ригу к немецкой границе... Такая перспектива не без основания встревожила германское командование и правительство, и эвакуация под предлогом закупорки железных дорог несколько замедлилась.

Тем не менее к концу декабря большевики подошли к Риге. Латышский народный совет, возгласивший 18 ноября 1918 года самостоятельность *Латвии*, не имел в своем распоряжении никаких сил и средств для обороны края. Большинство латышских полков находилось на советской службе и теперь шесть-семь из них наступали против Риги; небольшой добровольческий отряд полковника Замитаниса был отрезан от Риги и находился на службе Эстонии; другой отряд, полковника Колпака, не превышал тогда 400 штыков; русский элемент края, преимущественно офицерство, стал собираться в отряд князя Ливена, к январю представлявший из себя одну только роту; в свою очередь немецкое балтийское дворянство приступило к организации балтийского ландвера, который в силу классового своего состава и неприкрытого максимализма в аграрном вопросе представлялся опасным в глазах Латышского народного совета и правительства Ульманиса...

Мне необходимо было остановиться на утомительном, быть может, потоке речей, обращений, воззваний союзных представителей, ибо они создали в ту пору настроение на Юге России. Легко было верить в то, во что так сильно хотелось верить. «Слово», всем слышное, часто искреннее, будило подъем, надежды, иллюзии; но «дело», не всем видное, приводило в смущение, в печаль. С первых же дней русская политика держав Согласия приняла характер двойственный, неопределенный и побуждала меня к особой осторожности. Во всяком случае *никогда за все время моего правления и командования на Юге России я не давал державам Согласия ни письменного, ни устного никаких политических, территориальных и экономических обязательств за счет России. Во всех сношениях с их*

представителями я проводил тот взгляд, что *помощь нам является их моральной обязанностью и вытекает из их же собственных интересов.*

Это обстоятельство должно быть учтено в тот день, когда новая Россия будет сводить старые счета со своими кредиторами...

* * *

«Международное» положение Добровольческой армии осложнялось во внутренней жизни непрекращавшимися тягостными трениями между ее командованием и кубанским правительством. Необходимо было во что бы то ни стало установить строго определенные взаимоотношения и государственную связь с Кубанью...

* * *

5 декабря Рада утвердила кубанскую конституцию³, предпослав ей следующую декларацию:

«Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется органами, поставленными его населением»...

Действительно, Кубань имела в своих руках огромную силу: невзирая на большевистское разорение, в ее закромах к весне 1919 года оставалось все же до 30 млн пудов хлеба четырех урожаев, богатые запасы растительных масел и табаку — для товарообмена. Без кубанского хлеба было бы до крайности затруднительным существование армии и потребительных районов...

Ни один из важнейших вопросов взаимоотношений Кубани с Добровольческой армией разрешен не был. Весь наш совместный путь был усеян крупными и мелкими столкновениями, расчищался бесконечными компромиссами и вел к неизбежному разрыву...

Кубань хотела быть полным хозяином в своем доме, а в нем распоряжался также некто другой,

³ Временное положение об управлении Кубанским краем.

и невыясненность правовых взаимоотношений породила с обеих сторон в повседневной жизни, в практике войск и администрации целый ряд злоупотреблений, превышений власти, столкновений и обид.

Кубань хотела быть полным хозяином своих несметных богатств и вывозить их в Грузию — за равноценный товарный эквивалент, за границу — за доллары и франки, а командование ограничивало экспорт и требовало направления хлеба, жиров и прочего в армию и в нуждающиеся районы вооруженных сил Юга в обмен на малоценные знаки ростовской экспедиции... Известное утомление и видимая безопасность самой Кубани вызывали у многих близорукий взгляд на возможность отдохнуть и перейти к мирному порядку, а командование требовало новых призывов, новых жертв для продолжения борьбы за *Россию* — борьбы, конца которой не видно было.

Но над всеми этими причинами доминировала одна — главнейшая.

Официальный лозунг, выброшенный «черноморской» группой для успокоения казачьей массы, гласил:
— Через федерацию к *Единой России*...

Добровольческая армия кровавыми боями приступала к финальному акту освобождения Северного Кавказа и разгрома большевистских сил...

Вместе с тем с ноября месяца я непрерывно напоминал союзникам о необходимости скорейшего направления вооруженных сил прежде всего на Дон, где помощь эта имела бы колоссальное значение для морального подъема уставшего духом казачества...

Добровольческая армия по мере своего продвижения в глубь Кавказа попадала в обстановку сложных и запутанных взаимоотношений.

Чрезвычайно разнообразны те исторические, национальные, социальные, религиозные и бытовые условия, которые создали удивительную кавказскую мозаику и приводили в движение события там в первый год революции.

Мы видели, что конец 1917 и начало 1918 года ознаменованы были расслоением русского элемента в крае (иностранцы, казаки), разложением терского казачества и обособлением в этнографических пределах мелких народностей Северного Кавказа — обособ-

лением, болезненно отозвавшимся на судьбах казачества.

С весны 1918 года эти процессы углубляются, и кавказские народы подпадают, в большей или меньшей степени, под влияние советской власти; оно оспаривается, впрочем, Турцией, с конца 1917 года усиленно привлекавшей горцев, при посредстве своих и туземных эмиссаров, пантурской и панисламистской пропагандой. Вначале эти два влияния резко враждебны, потом, после заключения мира, они временно теряют свою остроту. Эти внешние воздействия запутывают еще больше внутриплеменную рознь, которая сдерживалась некогда сильной центральной властью, а теперь положительно раздирала кавказские народы, давая возможность ничтожной советской силе утвердиться на Северном Кавказе.

Состав населения Терской области определялся в 1917 году следующей примерной таблицей:

Все население — 1 450 712	
В том числе:	
русских:	
а) казаков	20%
б) иногородних	20%
	<hr/>
	40%
горцев:	
а) осетин	17%
б) чеченцев	16%
в) кабардинцев	12%
г) ингушей	4%
	<hr/>
	49%
кочевников	4 $\frac{1}{2}$ %
прочих (армян, грузин, персов, немцев и т. д.)	6 $\frac{1}{2}$ %

Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствовало их численному составу.

Ингуши — наименее численный и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ — оказались по существу вершителем судеб Северного Кавказа. Моральный его облик определен был давно уже учебниками географии: «Главный род занятий — скотоводство и грабеж...» Последнее занятие здесь достигло особенного искусства. Политические стремления исходили из той же тенденции. Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская,

однако же, проявления ее в своем крае. Одновременно они старались завязать сношения с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, немецкой — из Тифлиса. В августе, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли Терский совет комиссаров, но при этом жестоко разграбили город и захватили Государственный банк и Монетный двор. Они грабили всех соседей: казаков и осетин — во имя «исправления исторических ошибок», своего малоземелья и чресполосицы; большевиков — в уплату за свои труды и службу; кабардинцев — просто по привычке и владикавказских граждан — за их беспомощность и непротивление.

Их ненавидели все, а они занимались своим «ремеслом» дружно, широко, организовано, с большим размахом, став наиболее богатым племенем на всем Кавказе.

Осетины помимо многих частных взаимно враждебных подразделений представляли два основных лагеря — православных и мусульман. Первые дружили с казаками, вторые — с ингушами. Командование в лице генерала Фидарова⁴ тянуло к объединению с Турцией и к ингушам, Национальный совет и большая часть интеллигенции поддерживали советскую власть. Народ же, ненавидя большевиков, оставался пассивным и не следовал ни за своими правителями, ни за командованием; официально признавал советскую власть и тайно, неорганизованно входил во все комбинации для ее свержения.

В конце июня две-три сотни осетин приняли участие в нападении на Владикавказ. После неудачи этого выступления собравшийся Ардонский совет под влиянием оплачиваемой большевиками партии Кермен вновь признал единогласно власть народных комиссаров и даже высказался за вооруженную поддержку ее. Но народ не откликнулся и тогда на постановления своих представителей. Большинство осталось пассивным, часть же осетин поступала в ряды терцев или в дерущиеся на их стороне отряды полковников Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетии к старым государственным связям и полная несклонность ни к большевизму, ни к крайним формам национальной независимости послужили источником многих бед:

⁴ Бывший начальник Туркестанской казачьей дивизии.

и ингуши, и в особенности большевики разорили и уничтожили много осетинских аулов и хуторов на Курпе, в Моздокском отделе, возле Владикавказа и на Военно-Грузинской дороге.

Кабарда, занятая большевистскими гарнизонами и управляемая большевистскими комиссарами, смирилась сразу. Отношение края к советской власти определялось просто географическим положением его: Малая Кабарда, сдавленная между большевиками и ингушами, признала всецело советскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикский округ), примыкая к фронту оставших терских казаков (Прохладненскому), выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы под начальством ротмистра Серебрякова — представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» пастух Катоханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, понесший вскоре поражение в бою с Серебряковым.

Чеченцы помимо сложной внутренней своей распри разделились и по признакам внешней политики, образовав одновременно два национальных совета: Грозненский округ, имевший старые счеты с терцами, по постановлению Гойтинского съезда шел с большевиками и получал от них деньги, оружие и боевые припасы; другая часть чеченцев — Веденский округ, подчиняясь решению Атагинского съезда, стоял на стороне казаков, хотя и не оказывал им непосредственной помощи, и был против большевиков. Первые были связаны поэтому теснее с Ингушетией, вторые — с Дагестаном. Между обеими группами разгоралась сильнейшая вражда, приводившая иногда к многодневным кровопролитным боям, чем до некоторой степени смягчалась опасность положения терских казаков.

Осенью 1918 года Чечня установила близкие сношения с турецким командованием в Баку, которое через Дагестан оказывало чеченцам помощь оружием.

Наиболее стойкою в борьбе с большевиками оказалась *Дагестанская область*. Вся весна и лето 1918 года прошли в мелких стычках дагестанцев с красногвардейскими отрядами, стремившимися проникнуть по Астраханскому тракту в Баку, и с плоскостными кумыками (на севере области), примкнувшими всецело к большевикам. Исход борьбы был неблагоприятен для

дагестанцев: Петровск, Темир-Хан-Шура, Дербент были заняты местными и пришлыми красногвардейцами, овладевшими железнодорожной линией и приморской дорогой. Борьба в нагорной части, однако, продолжалась. Турецкая пропаганда в Дагестане раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские симпатии; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструктора и аскеры; со 2 сентября 1918 года, когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды, и в результате соглашения турки обещали двинуть туда дивизию.

«Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен поэтому находиться в надежных руках» — таков был лозунг пантурецкого движения, воспринятый по преимуществу местной политиканствующей интеллигенцией. Но в народе это движение, по-видимому, не имело глубоких корней. Потому ли, что турецкая оккупация Азербайджана наглядно показала свою темную изнанку, потому ли, что связь с Россией была еще достаточно сильна. Дагестанцы расценивали приходящие извне разноплеменные войска прежде всего как помощь против большевиков, как средство водворения порядка. Кинематографическая лента прикаспийской жизни в 1918 году меняла поэтому быстро и почти безболезненно свои картины. Летом турецкие инструктора и отряды... В начале сентября появление войск Л. Бичерахова, в состав которых входило много ненавистных мусульманам армян; Бичерахов занял Петровск и заключил договор с полковником князем Тарковским⁵, «командующим дагестанскими войсками», о выводе турок в двухдневный срок в Гуниб и об удалении их затем в двухнедельный срок из пределов Дагестана... В октябре к Петровску подходит турецкая бригада, Бичерахов на судах уходит в море, турки совместно с дагестанцами режут несчастных армян и восстанавливают взаимный альянс... В ноябре турецкие эшелоны спешно уходят на Баку и Тифлис, их сменяет полковник Роуленсон и небольшой английский отряд; туркофильское настроение быстро бледнеет, а имам

⁵ Одновременно князь Тарковский, бывший членом Дагестанского правительства, принял диктаторскую власть.

Дагестана Нажмудин Гойтинский вместо газавата проповедует связь с единой Россией...

Такова была та национально-политическая канва, на которой кавказская советская власть, не блиставшая ни умом, ни талантами, рисовала свои кровавые узоры, не заглядывая в будущее, не стесняясь государственными интересами, ей чуждыми, исходя только лишь из чувства самосохранения.

9 марта 1918 года, после добровольного устранения «Терско-Дагестанского правительства»⁶, на Тереке установилась советская власть. Номинально Терская область объявлена была составной частью Российской советской республики, связь с которой поддерживалась, впрочем, лишь присутствием во Владикавказе представителя Всероссийского ЦИК — «чрезвычайного комиссара» Орджоникидзе. Верховною властью края считался Терский народный съезд⁷, органом управления и законодательства — выделенный им Народный совет⁸ и — как власть исполнительная — Совет народных комиссаров. Эта трехстепенная власть имела соответственные подразделения в казачьих отделах и горских округах. Независимо от этих органов в крае продолжали свое существование полунезависимые местные советы и исполнительные комитеты рабочих и солдатских депутатов, сохранившиеся в Кизлярском и Моздокском отделах органы терского казачьего самоуправления, а во Владикавказе, Моздоке и других городах — некоторое время и социалистические городские думы. Такое нагромождение властей усиливало лишь безвластие и анархию⁹.

Во главе Совета народных комиссаров стал эмигрант Ной-Мойше-Буачидзе¹⁰, грузинский еврей, начавший свою революционную деятельность еще в 1905

⁶ Терско-Дагестанское правительство возникло в декабре 1917 года в результате соглашения Терского казачьего правительства, Союза горцев Кавказа и Союза городов Терской и Дагестанской областей.

⁷ Собрание представителей советов и всех социалистических партий, от социалистов-революционеров до большевиков включительно.

⁸ В нем участвовали горская и казачья фракции.

⁹ В одном селении бывало до 30 правивших «народных избранников», получавших содержание в 15—20 тыс.

¹⁰ Убит 20 июля 1918 года. Его сменил Пашковский, вернувшийся по амнистии с каторжных работ, к которым был приговорен за грабеж.

году ограблением Квирильского казначейства; в состав Совета вошли люди по преимуществу с уголовным прошлым — Пашковский (земледелия), Фигатнер (внутренних дел), Бутырин (военных) и другие; почти все совершенно чуждые краю.

Новая власть не имела надежной опоры в крае, в котором почти не было промышленности и, следовательно, фабричного пролетариата, основной ее силы. Красногвардейские отряды, формировавшиеся из солдатчины и местных иногородних, обслуживали преимущественно местные совдепы, плохо подчинявшиеся центру. Поэтому наряду с попытками создания собственной армии из подонков владикавказских окраин и пришлого бездомного, бродячего люда вся политика власти, все декреты, постановления съездов, агитация направлены были к разделению местных элементов и к привлечению благоприятствующей военной силы, связанной с советами если не идеологией, то материальными обоюдными выгодами.

Поперек пути Совета стояло терское казачество, хотя и сильно тронутое внешними проявлениями большевизма, но цепко державшееся еще за свои привилегии, преимущественно экономического характера. Совет считал поэтому необходимым разрушить военную и экономическую силу казачества. Это решение было обосновано первоначально не столько на реальном противодействии терцев, сколько на инстинктивном страхе нового правящего класса перед «страшной силой казачества» и его «реакционной ролью» в прошлом. Об этом большевистские ораторы говорили на всех съездах, сопровождая свои речи личными красочными воспоминаниями о «казачьей плети». Происходило большое недоразумение, так как казаки наиболее склонны были опереться на советскую власть в своей борьбе против чеченцев, ингушей и притеснявших их непокорных центру местных совдепов.

Насаждая и поддерживая материально горские Национальные советы, большевики начали тщательно вытравлять остатки казачьего самоуправления. Особым декретом все существовавшие до того времени войсковые части объявлены были распущенными, но исполнение декрета последовало только в отношении казачьих частей, так как в то же время по предложению комиссара военных дел Бутырина собрание горских фракций Народного совета постановляло органи-

зовать сводный отряд «для борьбы с контрреволюцией...». Совдепами наряжались целые экспедиции для поголовного разоружения станиц. За разоружением следовало полное истощение реквизициями и грабёжом, насилиями и убийствами. Весьма примитивный «аграрный закон», принятый на III Терском народном съезде, отнимал у казаков земли в пользу крестьян и «исправлял исторические ошибки» в пользу чеченцев и ингушей мерами, крайне элементарными по замыслу и крайне жестокими по выполнению. Так, например, соединёнными силами ингушей и Красной гвардии были разгромлены четыре станицы Сунженской линии, стоявшие поперек пути между горной и плоскостной Чечней¹¹; казаки из них выселены поголовно (до 10 тыс.) и с остатками своего добра безоружные потянулись на север без каких-либо определенных перспектив; гибли и мерзли по дороге, подвергаясь вновь нападению и ограблению со стороны горцев. Положение этих острых чересполосных клиньев исторического казачьего расселения по Терку и Сунже было особенно тяжело.

Под ударами со всех сторон воля к сопротивлению начала падать в казачестве. Многие станицы Волжского и Сунженского отделов разоружались по первому окрику большевиков и выдавали небольшим красногвардейским частям и ингушам припрятанное оружие, пушки, боевые припасы. Ибо вопрос шел уже не о сохранении «вольностей», а только о самосохранении.

На VII казачьем съезде под давлением Совета комиссаров и большевистствующих казаков терцы постановили отказаться от всех своих привилегий и «вольностей». Но и это самоотречение не изменило положения, и преследование казачества продолжалось с прежней силой.

Политика и практика советской власти на Кавказе неизбежно должна была привести к восстанию наиболее угнетаемых элементов, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество...

Подготовка терского казачества к восстанию велась с конца мая на Минеральной группе, в Моздоке, Кизляре и Владикавказе (казачья фракция Народного

¹¹ Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Тарский хутор.

совета). Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полковником Шкуро Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, наиболее пострадавшего (Минеральная группа), быстро перекинувшемуся и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить. Большевики спешно направили против восставших отряды Красной гвардии из Пятигорска, Владикавказа и Минеральных Вод. Георгиевск был скоро ими взят, но под Прохладной казаки нанесли большевикам тяжелое поражение. С тех пор в течение пяти месяцев шла упорная борьба восставших терцев, заключенных в тесном районе между Прохладной и Кизляром и окруженных со всех сторон врагами.

Военно-политическим центром стал Моздок. Туда же переехала казачья фракция Народного совета из Владикавказа. 20 июня в Моздоке состоялся съезд казаков и крестьян (юртовых) Терского войска, который избрал в качестве исполнительного органа Казачье-крестьянский совет во главе с социалистом-революционером инженером Бичераховым¹². Этот Совет и стал во главе движения, признав командующим войсками вместо генерала Мистулова, раненного под Прохладной, полковника Федюшкина.

Политическое возглавление наложило свой отпечаток на весь ход борьбы. В течение июля шли длительные переговоры между Казачье-крестьянским советом и комиссарами, потом между Советом и IV Съездом трудовых народов, собравшимся во Владикавказе...

* * *

В начале февраля Кавказская Добровольческая армия, имея обеспеченный и относительно замиренный тыл, получила наконец возможность повернуть на север для выполнения своей основной задачи.

* * *

Если во взаимоотношениях с Доном и Кубанью вопрос о необходимости единой государственной власти ставился нами как необходимость подчинения общим интересам частных, то для Терека, при его крайней чересполосности, при страшно запутанных меж-

¹² Брат партизана.

племенных отношениях, острой вражде к нему чеченцев и ингушей и далеко не соразмерных силах сторон, установление общероссийской власти являлось вопросом физического существования казачества, вопросом жизни и смерти. Только такая власть, чуждая областных интересов, могла иметь известный авторитет в глазах горцев, примирить враждующие элементы и остановить или, по крайней мере, не дать разгореться на Северном Кавказе новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма, — пожару, в пламени которого прежде всего сгорело бы терское войско. Наконец, только русская власть могла обеспечить Северный Кавказ как тыл наступающих на север противобольшевистских армий и, ослабив развитие панисламистских и центробежных течений, сохранить край для России...

Терские правители и Круг желали, чтобы общерусская власть железным обручем сковала горские народы, и требовали особенно решительных военных мер против ингушей и чеченцев, угрожавших пределам области. Но вместе с тем настаивали, чтобы эта власть отнюдь не вмешивалась в суверенное существование Терека. В этом отношении они нашли полную поддержку в кубанских политических кругах, и первое чествование терских правителей в Екатеринодаре (27 мая) было ознаменовано речами, направленными против Добровольческой армии — «врага казачества», против командования и в особенности против Особого совещания...

Но, стремясь к возможной независимости от власти вооруженных сил Юга, Терек считал себя всегда неразрывной частью Единой России, не вел по крайней мере с нею заблаговременно торга о пределах своих вольностей и не обеспечивал их требованием «федерации» или «конфедерации» — понятий, столь ярко выдвинутых русской смутой и столь чуждых в устах коренной русской области по отношению к своей стране. Это значительно умеряло остроту терской фронды...

* * *

Умиротворение горских народов шло своим чередом, встречая большие трудности.

Еще в мирное время жизнь на Кавказе местами была беспокойной и кавказские пути требовали усиленной военной охраны. С выводом войск на фронт мировой войны, потом с началом революции и ослаблением

центральной и местной власти положение стало еще хуже. Наконец, гражданская война, бесчисленные фронты, разрушение железных дорог, общее разорение и кровавые счета — все это произвело в крае небывалый хаос. Грабеж как занятие, пользовавшееся почетом на Кавказе, стал теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» — до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников — без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного или национального подъема хищным оскалом проглядывало все то же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло, и жизнь замкнулась в порочном круге страха, подозрительности и злобы.

Осетия и Кабарда присоединились к нам сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и Особым совещанием. Роль последнего первое время ограничивалась почти исключительно денежными ассигнованиями на многообразные нужды этих округов и поддержку их культурно-просветительных начинаний. Внутренний мир и в них налачился не скоро: пришлось им подавлять оружием, подчас весьма жестоко, вспышки экстремистов¹³, не утративших еще связей и симпатий к большевикам, и бороться с разбоями. В Осетии, по-видимому, самоуправление налаживалось и устанавливались хорошие отношения к местной выборной власти; а из Кабарды не раз приходили жалобы на произвол старшин, взяточничество аульной администрации и самовольные взыскания с населения узденями убытков, понесенных во время господства большевиков.

Подчинившаяся официально Ингушетия жила фактически почти вне связи с русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось в ней брожение, подогреваемое извне постоянными сношениями с так называемым горским правительством и укрытыми в аулах, после падения Владикавказа, коммунистами, комиссарами, среди которых называли и «чрезвычайного комиссара» московского совнаркома Орджоникидзе.

¹³ Балкарцы — в Кабарде, керменисты — в Осетии.

Формирование ингушских полков для Добровольческой армии не подвигалось, а вместо этого шло тайное формирование местных отрядов. Ингушетия по-прежнему представляла из себя враждебный вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом — силой.

Иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане, где мы встретили неожиданно противодействие со стороны одного из кочующих правительств (характерное порождение русской революции) — «*Республики горских народов Кавказа*» и... англичан. Избранный на II горском съезде «Центральный комитет союза горцев» имел вначале узкую задачу — отстаивания общегорских интересов. Но после падения российского Временного правительства «горский союз, под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других, перешел сначала к чисто горской автономности, а позже к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чрепослосно с русскими и казаками Северный Кавказ. Эти политические стремления дали горским народам только междуплеменную вражду и иго большевиков в Терском крае». Так определяли впоследствии правитель и Совет Осетии роль горского правительства, протестуя против домогательств последнего на власть...

Под влиянием темных слухов и не раз благодаря насилиям, чинимым казачьими отрядами во время усмирений, началось усиленное движение чеченцев с семьями и имуществом из плоскостной Чечни на юг, в горы. Там собрался весь беспокойный элемент, образовались крупные шайки абреков, державшие под постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны. Горское правительство продолжало агитацию и посылало в нагорную Чечню мелкие дагестанские отряды и азербайджанских добровольцев. Правда, окончились эти попытки неудачно: аул Шали, где собрались дагестанцы, был обложен нами, и жителям было предложено разоружить и удалить иноплеменную помощь под угрозой разрушения аула. Требование было выполнено. А возле Гудермеса произошло даже 13 апреля кровавое столкновение между чеченцами и их непрощеными защитниками, когда дагестанский отряд отказался покинуть чеченский аул. Не раз происходили

также междоусобные бои между чеченцами — одними, желавшими мира, и другими — насильственно поднимавшими аулы к восстанию.

Восстания сменялись усмирениями, усмирения — восстаниями, все эти события сопровождалось неизбежными актами жестокости и произвола, поддерживая психологию мести и раздражения. Бороться с произволом можно было, только поборов сопротивление и достигнув искреннего примирения.

А его не было.

На пути нашем к Каспийскому морю лежал *Дагестан*, край наиболее бедный по природным условиям, наиболее мирный...

Дагестан жил своей жизнью, объединяясь вокруг своих шейхов и мулл, попадая не раз под влияние натур неуравновешенных, фанатиков и авантюристов. И тем не менее население Дагестана не теряло тяготения к русской власти.

В поисках выхода горский парламент стал стремиться к политическому объединению с Азербайджаном «во имя защиты религии и самобытности Дагестана».

К маю сознание невозможности продолжать такое существование стало всеобщим. 26 апреля в с. Ишкары собрались старшины и судьи Верхнего Дагестана для обсуждения вопроса о помощи чеченцам и объявления газавата. На бурном заседании этом была внесена резолюция: «1) Не объявлять войны Добровольческой армии; 2) войска, города и берег моря передать Добровольческой армии, с тем чтобы дагестанцам остался их закон; 3) послать в Шуру представителей от беков и духовенства и предложить правительству присоединиться к (этому) постановлению или сложить власть, передав ее новым выборным лицам»...

В начале мая обстановка сложилась окончательно в нашу пользу: Верхний Дагестан высказался за приход в область Добровольческой армии, весь Хасав-Юртовский округ заявил о своем подчинении, и горское правительство Коцева — Капланова пало. Грозненская колонна генерала Драценко продвигалась вперед без единого выстрела со стороны дагестанцев и 8 мая, совершив последний переход по железной дороге, появилась неожиданно в Петровске, приветст-

вумая восторженно всем русским населением города; 10-го генерал Драценко занял мирно и Дербент.

Появление русских произвело огромное впечатление в области и вызвало ряд важных событий. Прежде всего — политический переворот...

* * *

Своеобразную картину представляла из себя жизнь *Грузинской республики*...

Власть (правительство, парламент и Учредительное собрание) находилась в руках небольшой тесно сплоченной группы, члены которой обладали большим опытом революционной деятельности. Их связывало и племенное (большинство — имеретины), и зачастую кровное родство, партийная принадлежность (социал-демократы меньшевики)¹⁴ и общая работа по разрушению — вначале из подполья, потом с вершин — российской государственности¹⁵. В их однородности и узком кастовом составе была и сила и слабость: внутренняя дисциплина, с одной стороны, и оторванность от населения, отсутствие технически подготовленных сил — с другой. Грузинское крестьянство, составлявшее до 90% населения, получив добавочную землю за дорогую плату, не считало себя вовсе облагодетельствованным. При первобытных способах землепользования, крайней бедности в сельскохозяйственных орудиях и инвентаре оно и не могло почувствовать сколько-нибудь заметного улучшения своего быта. Между тем общие условия жизни с каждым днем становились все тяжелее. Падали «боны», росла дороговизна, усиливался товарный и продовольственный голод. Грузинские газеты отмечали новое растущее зло — nepoтизм, кумовство, землячество, — наложившее отпечаток на все правительственные учреждения и приведшее к небывалому взяточничеству, спекуляции и хищениям.

He устанавливался и правопорядок...

Совдеп являлся связующим звеном с Советской Россией, отношения с которой официальной Грузии

¹⁴ В правительстве — все социал-демократы, кроме одного; в Учредительном собрании — 109 социал-демократов из общего числа членов 130.

¹⁵ Главнейшие посты занимали: Ной Жордания — председатель правительства; Георгадзе — военный министр; Рамишвили — министр внутренних дел; Гегечкори — министр иностранных дел; Лордкипанидзе (акушер по специальности) — министр путей сообщения...

никогда не прерывались, тем более что, кроме столкновения летом и осенью 1918 года в районе Сочи — Сухум, грузины вооруженной борьбы с большевиками не вели. Чхеидзе в Париже усиленно подчеркивал, что «Грузия никогда и не вступит в борьбу с Советской Россией... Мы не согласны с большевизмом, но мы являемся противниками того, чтобы внешние силы препятствовали развитию советской республики...»¹⁶. Гегечкори в Тифлисском совдепе должен был оправдываться против обвинения в «двусмысленной и соглашательской политике по отношению к Добровольческой армии в сентябре 1918 года»: «правительство являлось врагом Советской России, — говорил он, — из-за анархического характера советской власти»; теперь же выяснилось, что «советская власть все более эволюционирует в сторону социализма и поэтому возможно и необходимо выровнять единый фронт...».

9 декабря, в связи со вспыхнувшей армяно-грузинской войной, неожиданно для нас началась эвакуация грузинскими войсками Сочинского округа. Я приказал войскам продвигаться вперед и, не вступая в бой с грузинами, занимать оставляемую ими территорию черноморской губернии. 16 декабря грузины оставили ст. Лоо, которая и была занята нашим полком. Дальнейший отход грузинских войск приостановился, и противники стояли на р. Лоо в течение целого месяца, не вступая в бой.

Через несколько дней перехваченные документы разъяснили несколько обстановку: 15 декабря «командующий Приморским фронтом» генерал Кониев сообщил населению¹⁷, что «правительством приказано освободить Сочинский округ от войск республики Грузии», но что «всем административным учреждениям и должностным лицам (надлежит) оставаться на своих местах и продолжать исполнение служебных обязанностей». 16 декабря Кониев пояснил мотивы этого распоряжения: «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным. В силу этого соглашения вступление вооруженных войск какой бы то ни было армии или государства на территорию округа не может иметь места... Управление в округе остается грузинским»...

24 января войска наши с боем перешли р. Лоо и заняли Сочи, где были встречены с большою радо-

¹⁶ Апрель 1919 года.

¹⁷ Приказы № 11 и 12.

стью населением; в течение ближайших четырех дней добровольцы очистили от грузин весь Сочинский округ, и начальник дивизии генерал Черепов, дойдя до р. Бзыби, послал грузинам телеграмму о прекращении им военных действий ввиду окончания возложенной на него задачи...

* * *

Взаимоотношения наши с другой закавказской «державой» — Азербайджаном — носили еще более оригинальный характер. Между нами не было никаких территориальных споров, никаких посягательств на ту границу, за которой самоопределился Азербайджан...

Русская организованная общественность представлена была в то время в Баку следующими группами: 1. *Русский национальный комитет*, возникший инициативным порядком и потом пополнивший свой состав кооптацией различных общественных организаций (союз офицеров, учителей, русского демократического общества и т. д.). Возглавлялся комитет ¹⁸ лидером местных кадетов Подшибякиным, именовал себя беспартийным, но в целом разделял кадетскую идеологию и всецело поддерживал Добровольческую армию. Комитет считал возможным войти в состав правительства лишь при условии «признания принципа единой России» и разрешения вопроса о самостоятельности Азербайджана (только) Всероссийским Учредительным собранием». 2. *Совет славяно-русского общества* — организация, созданная лицами, прибывшими из Тифлиса ¹⁹, находившимися в близких отношениях к азербайджанскому министру внутренних дел и получавшими субсидии от правительства. Политическая физиономия его была крайне неопределенна (с уклоном вправо), тактика — соглашательская. Комитет «откликнулся с чувством глубокого удовлетворения на призыв мусульманских руководящих кругов принять участие в политической жизни Азербайджана», надеясь тем «еще более укрепить русское влияние и сознание

¹⁸ Позднее назвал себя Советом.

¹⁹ Доклад мне комитета от 12 августа № 354 так говорит о его происхождении: «В Баку был командирован инженер Виноградов, который, завязав связи с приходами и найдя поддержку в лице настоятелей двух наиболее значительных церквей... приступил к организации общества, что ему и удалось с успехом выполнить».

необходимости единения с Великой Россией»²⁰. 3. «Прикаспийское правительство», созданное Бичераховым, в составе русских и армянских социалистов-революционеров, переехавшее из Петровска и претендовавшее на управление Северным Кавказом и Прикаспием, включая Бакинскую губернию и «Закаспийскую республику». «Правительство» считало себя в духовной связи с Комучем и Уфимской директорией и полагало необходимым свергнуть азербайджанское правительство и установить свою власть. 4. Наконец, левые организации — партия социалистов-революционеров — интернационалистов, рабочие, профессиональные союзы, объединенные в «Рабочей конференции», не говоря уже о чисто большевистских, проповедовали и работали деятельно в пользу установления советской власти...

Занятие Добровольческими войсками в мае Петровска и Дербента вызвало и в Азербайджане, и в Грузии взрыв нового озлобления, смешанного с чувством страха...

* * *

После дипломатического поражения, понесенного в войне с Грузией, положение *Армении* стало еще более тяжелым. Окруженная со всех сторон врагами²¹; связанная с внешним миром единственной ветвью железной дороги (Эривань — Александров — Тифлис), продолжение которой находилось в руках грузин и которая к тому же в любой момент могла быть перерезана борчалинскими татарами²²; разоренная революцией и турецким нашествием; переполненная беженцами со всех областей Закавказья и из Турции, не пропускаемыми в места своего поселения ни англичанами, ни турками, ни татарскими республиками — страна буквально задыхалась. Из русского наследия, стоя в стороне от важнейших стратегических направлений и составляя по территории всего лишь 5% Закавказья, она получила очень немного. Организм ее изнурял недостаток, иногда полное отсутствие трех важ-

²⁰ Idem.

²¹ Территорию Армении до конца апреля 1919 года составляла Эриванская губерния, исключая Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды, образовавшие татарскую Аракскую республику.

²² В ноябре 1918 года у Армении было всего 4—5 паровозов и 60 вагонов. Остальной состав был угнан грузинами.

нейших элементов борьбы за существование: хлеба, денег и оружия...

С марта до августа между Арменией и главным командованием Юга никаких официальных сношений не было, хотя в Екатеринодаре находился посол Армении при Кубанском правительстве Сагателян²³. Негласно, однако, он бывал у меня и у генерала Драгомирова, просил не ставить в вину его правительству ту позицию, которую оно *вынуждено* было занять в отношении вооруженных сил Юга, находясь в полной зависимости от внешних сил и не желая раздражать Грузию, и без того «сдавлившую армянам горло»²⁴. Я ответил, что сочувствую несчастному армянскому народу, понимаю щекотливое положение правительства и не придаю значения задевающим нас декларациям.

В мере наших ограниченных возможностей мы оказывали некоторую помощь Армении, главным образом заботами о ее беженцах и их эвакуации...

На Украине шла безвозбранно, на глазах у всех, большевистская пропаганда и организация восстания. Извне ими руководила «девятка»²⁵ во главе с Пятаковым и Бубновым, которая обосновалась в Курске, формировала кадры «повстанческой армии», организовывала новые повстанческие отряды на территории Украины и помогала деньгами и оружием уже существующим. В самом Киеве такую же работу вели «мирная делегация» Раковского, советское консульство и военный эксперт делегации, бывший полковник Егоров, а в Одессе организующий центр создал Дыбенко. Большевистские центры готовили повсеместно «революционные комитеты», производили учет сил и вербовку красноармейцев якобы для Восточного фронта...

Мирное предложение Германии всколыхнуло, конечно, и общественную жизнь на Украине, и в особенности в Киеве. Оно вызвало громадный подъем в политических организациях и во многих произвело полный переворот «ориентаций» и тактики...

²³ Член Государственной думы, кадет.

²⁴ Владение выходом Эриванской ветви железной дороги.

²⁵ Из состава бывшего в начале года «рабоче-крестьянского правительства Украинь».

Киев в это время, осенью 1918 года, продолжал вбирать в себя всю соль российской буржуазии и интеллигенции. Сюда постепенно перекочевывали из Москвы и отдельные деятели, и целые организации. Здесь происходили сложение и дифференциация сил, падение одних и рождение других группировок, которые затем, перенеся свою деятельность на Юг России, играли известную роль в его судьбах...

19 сентября, обсудив внешнее и внутреннее положение страны, украинский совет министров признал, что «внезапно возникшие международные события угрожают независимости, самостоятельности и самому существованию Украинской державы». И потому постановил «немедленно приступить к формированию украинской национальной гвардии»...

Положение мое было весьма затруднительным. Рождающаяся киевская вооруженная сила решительно отказывалась идти под знаменем гетмана самостийной Украины...

Вопрос решили немцы.

30 ноября в Казатине между германским командованием и петлюровским штабом был заключен второй договор, в силу которого немцы обязались не препятствовать вступлению в Киев войск «Украинской народной республики»...

Когда немецкие батальоны, прикрывавшие Киев, прошли сквозь расположение киевских дружин, все поняли, что наступил конец. По инициативе Национального центра общественные организации, считая дело проигранным, обратились к председателю правительства Гербелю с предложением «поднять открыто над защитниками Киева флаг Добровольческой армии»...

* * *

На Юге России, на территории, освобождаемой Добровольческой армией, без какой-либо прокламации, самым ходом событий установилась *диктатура* в лице главнокомандующего.

Основную целью ее было свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать там необходимые условия для строительства земли соборной волею народа. Жизнь

стихийным напором выбивала нас из этого русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящими за пределы нашей компетенции. Худо ли, хорошо ли и что целесообразнее — это вопрос другой, но диктатуре *национальной*, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные задачи и иные методы, чем диктатуре *бонапартистской*...

С бóльшими еще трудностями проходил другой важный вопрос — *аграрный*...

Так или иначе провозглашен был столь страшный для многих принцип *принудительного отчуждения*...

Умеренно социалистические органы видели в проекте «стремление сохранить помещичье землевладение, и притом не в виде исключения, а как общее правило». И стояли твердо *против* проведения аграрной реформы до Учредительного собрания...

Таким образом, вся обстановка, создававшаяся на Юге России в 1919 году, психология общественности, соотношение сил и влияний решительно не способствовали проведению в жизнь в молниеносном революционном порядке *радикальной аграрной реформы*...

* * *

К середине апреля, *т. е. через полтора месяца после начала наступления советских армий*, войска Кавказской Добровольческой и Донской армий стояли на той же линии, сохранив Донецкий каменноугольный бассейн и Донской плацдарм.

Менее благополучно складывалось положение на Манычском фронте. В середине марта большевики, отбросив наши части от Великокняжеской к Манычу, вследствие разлива реки держали себя здесь пассивно. И лишь на крайнем южном фланге, в Ставропольском направлении, продолжали непрерывные атаки, неизменно отражаемые кубанцами генерала Улагая. Но в конце месяца 10-я советская армия перешла вновь в наступление и отбросила наши части за реку на всем нижнем течении Маныча...

Кавказской Добровольческой армией командовал временно начальник штаба ее генерал Юзефович. Генерал Врангель поправлялся после сыпного тифа — сначала в Кисловодске, потом на Черноморском побережье...

Генерал Врангель считал «главнейшим и единственным» направлением на Царицын, дающее возможность установить связь с армией адмирала Колчака. С этой целью он предлагал «пожертвовать каменноугольным районом, в котором нам все равно не удержаться...», оттянуть наши части на линию р. Миус — ст. Гундоровская с целью прикрытия железной дороги Новочеркасск — Царицын и, воспользовавшись «сокращением (?) фронта на 135 верст», оставить на правом берегу Дона только Донскую армию, а Кавказскую Добровольческую перебросить на Царицынское направление, по которому и наступать, прикрываясь Доном. Последствия такого решения представлялись мне и начальнику моего штаба с непрекаемой ясностью...

К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон (исключительно), упираясь прочно своими флангами в Волгу и Днепр...

В начале октября Вооруженные силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плёсу Волги до Царицына и далее по линии (примерно) Воронеж — Орел — Чернигов — Киев — Одесса. Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключающий 16—18 губерний и областей, пространством в 810 тыс. кв. верст, с населением в 42 млн...

* * *

Система большевистского управления отчасти оживила повстанческое движение на Юге, уходившее истоками своими к временам гетманщины и австро-немецкой оккупации, отчасти создавала новые очаги восстаний, захватывавших огромные районы по преимуществу Правобережной Украины, Новороссии, Екатеринославщины и Таврии. В одной только полосе между Днепром и Горынью, западнее Киева, насчитывалось 22 «атамана» во главе сильных повстанческих банд. Они то работали самостоятельно, то объединялись в крупные отряды под начальством более популярных «атаманов» и «батек». Особенной известностью пользовались *Зеленый*, действовавший в западной части Полтавской губернии и в окрестностях Киева, *Григорьев* — в низовьях Днепра и *Махно* — в Таврии и Екатеринославской губернии...

Толчком к повстанческому движению послужил, несомненно, аграрный вопрос. Деревня поднялась «за землю», против «пана», владевшего ею, против гетмана как власти, покровительствующей «пану», против немца, как защищающего «пана»...

Легенда облекает и личность Махно — отважного и очень популярного разбойника и талантливого партизана — в одежды «идейного анархиста», хотя, по признанию его же биографа и апологета, «каторга была, собственно, единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в его политической деятельности...»¹. Но русский анархизм, давший всемирно известных теоретиков Кропоткина и Бакунина,

¹ *Аршинов*. История махновского движения.

в практической деятельности партии на всем протяжении русской смуты представляет один сплошной трагический фарс. И было бы, конечно, непредусмотрительным не присвоить себе единственного серьезного движения и не канонизировать в свои вожди Махно — столь яркую фигуру безвременья, хотя и с разбойничьим обличьем². Тем более что колесо истории может повернуться... На это обстоятельство рассчитывает также и польское правительство, проявившее в отношении Махно, интернированного в 1922—1924 годах в Польшу³, несвойственное полякам благодушие. Махно считается, по-видимому, полезным сотрудником для будущего...

С повстанчеством вели борьбу все три режима — петлюровский, советский и добровольческий. Даже факты добровольного перехода к нам некоторых повстанческих банд являлись только тяжелой обузой, дискредитируя власть и армию...

* * *

В основу временного устройства территории В. С. (Вооруженных сил.— Н. Б.) Юга положено было *сохранение единства Российской державы* при условии предоставления автономии отдельным народностям и самобытным образованиям (казачество), а также широкой децентрализации всего государственного управления...

В основу децентрализации управления положено было деление занимаемой территории на *области*. Этот вопрос получил теоретическую разработку в трудах «Подготовительной по национальным делам комиссии»⁴ и обсуждался в заседаниях Особого совещания...

Первый национальный вопрос, который стал на очередь, был *украинский*. У правительства, поддержанного тогдашним общественным мнением и научными силами, составилась твердый и неизменный взгляд на *национальное, религиозное и культурное единство*

² Между прочим, из-за матроса Железнякова, разогнавшего Учредительное собрание и впоследствии убитого в бою с «добровольцами», идет большой спор между анархистами и коммунистами, оспаривающими друг у друга честь — числить его в своих рядах.

³ Известный процесс Махно по обвинению в военном заговоре с большевиками против Польши.

⁴ Работы профессоров А. Билимовича, Погодина, П. М. Богачевского, Д. Н. Вергуна и др.

русского народа в лице трех ветвей его — великорусской, малорусской и белорусской...

В Крыму мы столкнулись с менее серьезным вопросом — татарским. Там с приходом добровольцев воскресли враждебные русской национальной идее татарский парламент — Курултай — и правительство (Директория), в период немецкой оккупации стремившиеся к «восстановлению в Крыму татарского владычества». Они не отказались от своих «державных» прав. Но правительство Юга не признавало преобладающего значения татарского народа на территории всероссийской здравницы — Крыма, тем более что татары составляли только 20—25% всего населения полуострова. Курултай и Директория были упразднены административным распоряжением, и континентальные уезды Крыма включены на общем основании в состав Таврической губернии. Татарам предоставлена была культурно-религиозная автономия, причем мусульманский съезд должен был определить и создать органы, ведающие этими отраслями народной жизни⁵.

Территории бывшей гетманской Украины и Крыма не были сохранены в своих границах. Исходя из соображений общегосударственных, из необходимости той же децентрализации, их постановлено было разделить на три области⁶: *Киевскую, Харьковскую и Новороссийскую*.

На Северном Кавказе мы встретились с многосторонним национализмом горских племен, осложненным деятельностью горского Меджлиса, панисламистским и пантурским течениями. Об этих явлениях и борьбе с ними я говорю в соответствующих главах. Здесь я напомним только, что в политике Меджлиса, где авантюризм играл большую роль, чем национализм,

⁵ Мы сделали ошибку, восстановив временно, до съезда, прежнее непопулярное «духовное управление» с муфтием во главе.

⁶ Предположенный состав областей:

1. Киевской: губернии Киевская, Волынская, Подольская, кроме Балтского уезда, большая часть Полтавской и Черниговской губерний.

2. Харьковской (горнопромышленной): Харьковская губерния, малорусские части Курской и Воронежской губерний, часть Полтавской губернии, Екатеринославская, Криворожский район Херсонской губернии и три северных уезда Таврической.

3. Новороссийской: Херсонская губерния, кроме Кривого Рога, Крымский полуостров, Балтский уезд Подольской губернии, и — по возвращении — Бессарабия, имеющая свое собственное расширенное самоуправление.

внешнее объединение несродных, зачастую даже враждебных друг другу элементов кавказской мозаики являлось не самоцелью, а чьим-либо «орудием», притом орудием, направленным всегда против России. Правительство Юга, ведя борьбу за целостность государства, вынуждено было препятствовать такому политическому объединению, отнюдь, однако, не стремясь к подавлению национальной жизни горцев и не отрицая возможности объединенного представительства их при высшей краевой власти⁷. Поэтому сообразно с величиной территории и культурным уровнем населения горским племенам предоставлено было достаточно широкое самоуправление в их этнографических границах, с выборной администрацией и с полным невмешательством власти в вопросы религии, шариата и народного образования, кроме... ассигнования с этой целью пособий от казны. Горские округа включены были в состав Северо-Кавказской (Терско-Дагестанской) области совместно с землей Терского войска ввиду крайней чересполосицы и необходимости примирения интересов казаков и горцев.

Наконец, за казачьими областями признавалось принципиальное право автономии, причем, однако, автономный Терек по мотивам, изложенным выше, должен был войти в состав Северо-Кавказской области, а Астраханское войско, не имевшее сплошной территории, в порядке высшего управления входило в состав Астраханского края совместно с иногородними и калмыками. Казачьи войска должны были перейти на автономное положение тотчас после заключения договора, а прочие области — по мере снятия в них военного положения. При этом в центрах областей предусмотрено было собрать «областные думы» как высшие органы местного самоуправления.

Стратегические условия, разграничительные линии между армиями, случайное и, конечно, не соответствовавшее административным границам изменение линии фронта — все это требовало известных временных отступлений от принятых схем. И к осени 1919 года, к моменту наибольшего распространения территории ВСЮР, административное устройство ее было следующим:

⁷ Выборные помощник главноначальствующего и совет при нем.

1. *Северо-Кавказская область*: Дагестан, Осетия, Ингушетия, Кабарда, Чечня, Ставропольская губерния, южная часть Астраханской и, условно, Терская область.

2. *Кубань* — самостоятельная область.

3. *Черноморская губерния* — на правах области с особым главноначальствующим.

4. *Дон* — самостоятельная область.

5. Командующему Донской армией на правах главноначальствующего подчинена была южная часть *Воронежской губернии*.

6. Командующему Кавказской армией на таком же основании — часть *Саратовской губернии*.

7. *Харьковская область* (главноначальствовал командующий Добровольческой армией)⁸: Харьковская, Екатеринославская губернии, части Курской и Орловской губерний.

8. *Киевская область*: части Киевской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерний.

9. *Новороссийская область*: Херсонская, Таврическая губернии и часть Подольской.

Везде на территории, непосредственно подчиненной главному командованию, кипела война — с большевиками, «зелеными» или повстанцами, и потому переход от полувоенного к нормальному гражданскому управлению все затягивался...

* * *

Военно-политическое положение и операции на *второстепенных театрах*, не имея решающего значения в исходе противобольшевистской борьбы, оказывали на него тем не менее весьма существенное влияние.

С выходом на побережье Каспийского моря мы установили более тесные сношения с *Закаспийским краем*, вошедшим с ведома Верховного правителя в орбиту влияния власти Юга. Большое государственное значение этого края в российском масштабе для нас, в условиях междоусобной гражданской войны и малого наличия наших сил, не могло быть использовано.

⁸ Командующие армиями пользовались правами главноначальствующих в своих зонах; по мере продвижения к северу и выхода их войск из пределов данной области они должны были передавать власть особо назначаемым постоянным главноначальствующим.

С отходом Оренбургской армии (Восточного фронта) в глубь Сибири для советских войск и советской промышленности⁹ открывался свободный путь в Туркестан. Развитие сколько-нибудь широких операций в Средней Азии было для нас непосильно, и поэтому закаспийским войскам приходилось выполнять более скромную задачу: сохранять занятую часть Закаспия и богатые еще его запасы сырья, поддерживать противобольшевистское движение среди туземных народов¹⁰ и препятствовать наступлению большевиков к Красноводску, занятие которого открывало бы им новый важный транзитный путь (Среднеазиатская железная дорога — Каспий — Волга) и укрепляло бы их положение на Каспийском море. Последнее было опасно в особенности ввиду близости Баку и враждебного нам Азербайджана.

К лету 1918 года весь Туркестанский округ при содействии военнопленных мадьяр и немцев, в большом числе поселенных в крае, был захвачен большевиками...

24 января большевики атаковали Красноводск, и наши войска под огнем неприятельской артиллерии, неся большие потери (ранен был и командующий войсками генерал Казанович) и утратив дисциплину, при самых тяжелых условиях начали эвакуацию морем в Петровск.

Оставление Красноводска явилось тяжелым событием для русского противобольшевистского населения края и его защитников, но на стратегическое положение Вооруженных сил Юга уже особенно повлиять не могло.

Северный Кавказ по-прежнему представлял из себя кипящий котел. На юге Ставропольской губернии и в районе Кизляра бродили партии «камышан» (зеленых) и большевистские банды... На Тереке шли кровавые пограничные споры с чеченцами и ингушами, и временами подымали голову местные городские большевики, осмелевшие после вывода терских гарнизонов на фронт... В Осетии и Кабарде нападения керманистов, балкарцев и просто разбойничьих шаек оставались явлением обычным, бытовым... В июне подняла восстание Ингушетия; оно было подавлено

⁹ Хлопок, шерсть, кожи и т. д.

¹⁰ Хива, Бухара, туркмены, текинцы, иомуды и др.

в течение недели. Но усмирение загнало лишь «болезнь» внутрь. Комиссия, объезжавшая край с целью исследования его хозяйственно-экономического положения, как на одну из причин волнений указывала на бедственное положение нагорной Ингушетии, потерявшей пастбища и пахотные земли, которые снимались раньше в аренду у терских казаков, и отрезанной враждебными станицами от рынка — Владикавказа. Спор старый, кровавый, который нельзя было разрешить скоро и безболезненно...

Но если в указанных районах внутренняя борьба носила характер локальный и велась «местными средствами», иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане. Области эти становились новыми театрами войны, отвлекая на себя крупные по нашему масштабу силы. Это было тем более опасно, что Чеченско-Дагестанский театр находился в клещах под возможными ударами с севера — от Астрахани большевиков, с юга — от сохранявшего вооруженный нейтралитет Азербайджана.

Во второй половине июня в нагорном Дагестане вспыхнуло восстание, поднятое Али-Хаджи. В течение месяца шли бои. Войска петровского отряда взяли штурмом непокорные аулы, и 11 июля в Темир-Хан-Шуру прибыла делегация Али-Хаджи с просьбой о мире и с заявлением, что вождь их «введен был в заблуждение». Некоторое время он действительно оставался лояльным, но затем, под влиянием бакинских субсидий, начал враждебные действия опять, разделяя влияние с другим вождем — турецким эмиссаром Кизим-беем.

В середине августа более серьезное восстание поднято было в горной Чечне шейхом Узун-Хаджи. Он подымал народ, разжигая национально-религиозную вражду, в то время как его сообщники — Шерипов и выходец из Грузии Гикало¹¹ — вели большевистскую пропаганду, направляемую из Астрахани. Силы Узун-Хаджи вскоре возросли до 1¹/₂ тыс. при 4 орудиях, а первые успехи, одержанные над мелкими нашими отрядами, окрылили надеждами и усилили авторитет шейха. Основной состав шаек Узун-Хаджи вербовался из бездомного и преступного местного элемента, беглецов из Ингушетии, Дагестана, красноармейцев —

¹¹ Белорус.

остатков разбитых некогда 11-й, 12-й советских армий. Дальнейшее увеличение сил достигалось при помощи насильственной мобилизации, временами доводившей численность повстанцев до 4—5 тыс. Методы, применявшиеся для поднятия аулов, были суровы и элементарны: Узун-Хаджи убивал отступников, брал их добро и жег их сакли. Такой участи подвергались иногда целые непокорные аулы. В темном крае, где личные влияния враждебных обыкновенно друг другу шейхов, имамов и мулл подменяли подлинно народные движения, авторитет Узун-Хаджи был неодинаков: в плоскостной Чечне к нему отнеслись враждебно, в нагорной — одни видели в нем святого, действующего по воле Аллаха, другие смотрели на предприятие шейха как на возможность хорошо пограбить.

Началась настоящая война, в которой на нашей стороне было вооруженное ополчение почти всей плоскостной Чечни, поднятое председателем Чеченского национального совета Ибрагимом Чуликовым.

В течение августа Узун-Хаджи, укрепившись в Ведено и действуя с большой энергией, одержал ряд серьезных успехов и спустился с гор, угрожая Грозному. Эти успехи отозвались и в Дагестане, который к началу сентября снова почти весь был объят восстанием. Вооруженные шайки держали под постоянной угрозой Темир-Хан-Шуру — административный центр области, Петровск — базу нашего Каспийского флота и весь тыл нашей Астраханской группы; повстанцы овладели Дербентом, из-за которого три недели шли бои — не раз на улицах города, подвергавшегося к тому же обстрелу с моря судовой артиллерией.

Борьба на Северном Кавказе была явно бессмысленна и губительна для обеих сторон, и является поэтому вопрос, какие же условия питали ее.

Почва для народного недовольства была подготовлена многообразными причинами: тяжелое экономическое положение, темнота масс, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами, несправедливость и поборы местной туземной администрации, в Дагестане — насилия, чинимые войсками и чинами флота, и т. д., и т. д.

Перманентное волнение в свою очередь не давало возможности перейти к мирным методам сожительства и устранить опасное и тяжелое вмешательство регу-

лярных войск в жизнь Чечни и Дагестана, как это было достигнуто в лояльных к нам Осетии и Кабарде.

Но никогда на почве внутренних неурядиц это движение не могло бы разрастись в настоящую войну без внешних побудительных факторов, при отсутствии которых мы в худшем случае имели бы с Чечней и Дагестаном «худой мир», хотя бы такой, как с Ингушетией.

После крушения «горского правительства» и «парламента» (май 1919 года) бежавшие из Дагестана горские главари нашли приют в Азербайджане и Грузии. Там они образовали три «полномочных» горских представительства: 1) Джабагиева и 2) Ахмед-хан Матушева — в Баку, 3) Ахмеда Цаликова — в Тифлисе. Осенью 1919 года к ним присоединился еще «Совет обороны Северного Кавказа» в с. Леваша, председатель которого Али-Хаджи в своем воззвании хулил бывший парламент и правительство, которые «не выполняли своих обязанностей перед народом и позорно оставили страну без защиты».

Более шумно, чем другие, проявлял свою деятельность тифлисский комитет Цаликова, именовавший себя Меджилисом горской республики, вступавший в «дипломатические» сношения с закавказскими новообразованиями, с Турцией и иностранными представителями, которых комитет засыпал нотами протеста против «тирании Добровольческой армии». Этим же целям служила издававшаяся им газета «Вольный горец».

Влияние Меджилиса замечалось исключительно в Чечне и Дагестане. Ингушетия охотно приобретала через Меджилис оружие и боевые припасы, но от выполнения активных поручений его уклонялась. Осетия, Кабарда и другие округа, числившиеся в составе Горской республики, ни ее, ни Меджилиса не признавали.

Горские организации получали средства с трех сторон — от Турции, Азербайджана и Грузии, являясь одновременно орудием политики трех различных направлений. Неясны отношения их к четвертой стороне — советской власти, но личность главарей — Цаликова (чеченец), Джабагиева (ингуш) и др., насаждавших в свое время (конец 1918 года) советскую власть в горских округах, не исключает и этой возможности.

Положение «меджилисов» было поистине трудным. Эрзерум (правительство Кемаль-паши) при помощи посещавшего часто Баку и оказывавшего сильное

влияние на азербайджанское правительство Нури-паши проводил идею панисламизма и пантюркизма. Азербайджан, поддерживая первую идею, не с таким уж пылом относился ко второй, предпочитая союз вассальной зависимости и открыто ставя ближайшей своей целью «присоединение родственного Дагестана».

Грузия питала большой страх перед планами Нури-паши, грозившими в ближайшем будущем окружить и залить ее волною мусульманского фанатизма. Поэтому она наиболее прямолинейно поддерживала идею образования «независимой Горской республики», стремясь создать из нее буфер против России. Наконец, советская власть разжигала ненависть против «добровольцев», не оглашая своих и без того ясных политических целей.

В этом последнем чувстве сошлись все потентаты. Содействие их восстанию было широко, почти открыто и заключалось в пропаганде, деньгах, оружии и в подкупе влиятельных людей. Азербайджан посылал своих и турецких офицеров в качестве инструкторов и командного состава преимущественно в Дагестан. Грузия отправляла партизанские отряды из пленных красноармейцев, грузинский «легион», десятки офицеров-инструкторов под общим начальством генерала Кереселидзе главным образом в Чечню¹². Меджлис назначил Кереселидзе «верховным главнокомандующим войск Горской республики...». Али-Хаджи и Узун-Хаджи были признаны закавказскими правительствами в качестве полномочных начальников Чечни и Дагестана.

И Грузия, и Азербайджан обратились к иностранным миссиям, прося их поддержать «национальное движение народов Горской республики». По этому поводу Гегечкори писал лицемерно: «...правительство Грузии с тревогою следит за этими событиями и не может оставаться к ним безучастным, так как разрастающаяся по соседству анархия явится угрозой государственному порядку и общественному спокойствию Грузинской республики»¹³.

На нашей стороне оказалась всецело английская военная миссия генерала Хольмана. Командирован-

¹² Было установлено в отрядах повстанцев наличие и германских офицеров и унтер-офицеров. Мне неясно, было ли это результатом германо-турецкого альянса и берлинской политики, или мы имели дело просто с ландскнехтами.

¹³ Нота от 2 октября.

ный ею в Дагестан полковник Роулинсон обратился к горским народам с призывом подчиниться власти Вооруженных сил Юга. Он говорил, что «восстание горцев не есть национальное движение» и что «противодействие генералу Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам». Это его воззвание произвело большое впечатление на Кавказе, но ненадолго: вскоре было опубликовано в газетах письмо верховного комиссара Англии в Закавказье Уордропа на имя министра иностранных дел Грузии Гегечкори, в котором указывалось, что мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства... Гегечкори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России».

Две руки...

Я не буду останавливаться на ходе военных операций, имевших характер «малой войны» — затяжной, изнурительной и неизбежно жестокой. В конечном результате в течение октября главные банды повстанцев были разгромлены, предводители их перессорились между собой, и движение явно пошло на убыль, претворившись в хроническое состояние брожения, проявлявшегося неорганизованными и несерьезными выступлениями. Тем не менее военно-политическая обстановка на Кавказе имела своими ближайшими последствиями срыв нашей операции против Астрахани и удержание на Северном Кавказе от 10 до 15 тыс. бойцов.

Под влиянием противоположных идей, брошенных в гущу темных племен, — национализма, большевизма, панисламизма и пантюркизма — поднятое ими движение потеряло определенные формы и всякий подъем. Только на верхах установилось прочное тяготение, притом довольно неожиданное: глава наиболее широкого и опасного движения Узун-Хаджи обратился к кумыкам с воззванием, в котором, именуя себя «членом комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета», говорил:

«Находя, что для блага мусульман всего мира необходимо работать совместно с советской Россией, имам Узун-Хаджи совместно с представителями советской России имел совещание, и пришли к соглашению, что Узун-Хаджи будет исполнять временно обязанности верховного правителя Северного Кавказа и всех мусульманских вооруженных сил и остатки 11-й и 12-й красных армий временно подчиняются имаму Узун-Хаджи. На этих основаниях Узун-Хаджи уже давно принялся за работу, и уже победа, можно считать, на его

стороне, ибо всюду мусульмане поднялись на своих вековых угнетателей — монархистов Кавказа».

Советское золото оказалось полновеснее...

Следующий из второстепенных театров — Черноморский...

Черноморская губерния по преимуществу служила издавна этапом или пристанищем для разного бездомного, вольного, бродячего люда, находившегося в постоянной коллизии с законом, властью и обществом...

Нужно отметить, что чисто местные зеленые крестьянские отряды Черноморья были значительно человечнее, чем пришлые и чем их собратья на Украине и Тамани.

Движение это на Юге было использовано политическими группировками, старавшимися привить ему, хотя бы внешне, свою идеологию, в двух направлениях. Кубанские зеленые¹⁴ попали всецело под влияние и руководство Екатеринодарского комитета Российской коммунистической партии и влились в общее большевистское русло. Это влияние с осени 1919 года разделялось между большевиками и самостийными деятелями Кубанской рады¹⁵, вначале предполагавшими использовать «зеленую армию» для утверждения самостийности Кубани, потом мало-помалу склонившимися к приятию большевизма и мечтавшими заслужить расположение советской власти.

Черноморские зеленые попали в руки социалистической демократии в лице Социалистического блока Сочинской думы, Черноморского крестьянского комитета, позднее Комитета освобождения Черноморья. За этими учреждениями стояла реальная помощь Грузии и тайное влияние советской России. Оттого возглавление зеленых здесь, невзирая на преобладание социалистов-революционеров, лишено было определенной политической физиономии, объединяясь лишь во враждебном чувстве к Добровольческой армии. В организации нашли место большевик Цвангер, известный «сенатор» Соколов, пребывавший в Тифлисе, члены Комуча социалисты-революционеры Филипповский и Сорокин, имевшие уже за собою печальный опыт на

¹⁴ Организация именовалась «Штаб Кубанско-Черноморской зеленой советской армии».

¹⁵ Некоторые члены Рады занимались гласно сбором денег и продуктов для зеленоармейцев. Наиболее активное участие принимали Шеховцев, Пиллук, Крикун, братья Рябоволы и др.

Волге, грузин Джанашия, новоявленный народный печальник, ротмистр гвардии Воронович и другие представители русского социализма, грузинского шовинизма, московского большевизма и вненационального авантюризма.

Поэтому Комитет освобождения, устанавливая задним числом идеологию зеленых, страдал некоторым косоглазием. Комитет «обращал свои взоры в сторону демократической Грузии», с которой его соединяла «общая опасность и общая верность революции» и «в творчестве демократической государственности» которой он видел «прообраз грядущей свободной жизни». И в то же время Комитет заглядывал в сторону Москвы, с которой Черноморье «объединено стремлением к одной и той же конечной цели — социализму, а в данный момент еще и общей борьбой против общего врага — Добровольческой армии...». Они не хотят власти коммунистов, но... «мы с замиранием сердца следим за разыгрывающейся гигантской борьбой между советской армией и реакционными полчищами Деникина и радуемся каждому успеху советских войск. И с нетерпением ожидаем мы того великого исторического момента, когда под нашими ударами рухнет реакция и на всем пространстве России восторжествует власть трудового народа»¹⁶.

Что обещали они, эти «черноморские крестьяне», — Филипповский, Воронович, Сорокин и другие — крестьянам Черноморья? Изгнание «добровольцев» и «образование Черноморской демократической республики» впредь до вхождения ее в свободный союз народов «Российской федеративной республики...». В качестве союзников для осуществления этой цели они указывали на английское командование, которое должно было «нейтрализовать Сочинский округ»; на Грузию и Кубань; на «всю трудовую демократию России, Европы и Америки»; наконец, на Совет народных комиссаров, которому предлагалось самоупраздниться и «образовать коалиционное социалистическое правительство...».

При мощном содействии всех этих факторов в благословенном природой Черноморье должно было возникнуть свободное государство, не знающее войны, мобилизаций, повинностей и налогов...

¹⁶ Из «Обращений» Комитета: 1) к грузинскому народу и 2) к Совету народных комиссаров. Декабрь 1919 г.

Романтика или нечто гораздо худшее?

Небезынтересно, что местные легальные социалистические организации Черноморья в Новороссийске временно устранились от политической борьбы и направили свою работу исключительно в сторону улучшения экономической жизни края.

Такой оборот дела не входил в расчет революционной демократии. Усердием Черноморского крестьянского комитета 5 ноября в Гаграх, в районе оккупации грузин и под их покровительством, был собран делегатский съезд черноморского крестьянства, на котором был избран Комитет освобождения во главе с Самариним-Филипповским и главный штаб во главе с Вороновичем, которому поручено было организовать «крестьянское ополчение». Комитет решил, что «единственный способ освободить Черноморье от тирании — это вооруженная борьба с Деникиным»¹⁷...

15 января Ставкой получено было донесение, что на Сочинском фронте *грузины* перешли в наступление. В течение целой недели продолжали поступать неизменно донесения о боях с *грузинами* и о беспорядочном отступлении наших войск. Я приказал прервать всякие сношения с Грузией, выселить официальных представителей ее с территории Вооруженных сил Юга, Черноморскому флоту идти к берегам Грузии и открыть военные действия. Очередной угольный кризис задержал выполнение приказа, а тем временем грузинское правительство доказало непреложно, что *грузинская армия* стоит на месте и никаких военных действий не открывала...

«Недоразумение» явилось следствием растерянности местных ближайших военных начальников, но имело весьма серьезные основания. Наступали в действительности зеленые Вороновича, но накопились они в нейтральной полосе, местами под прикрытием грузинских аванпостов, и с фронта шел батальон грузинской народной гвардии, от которого официально отреклось грузинское командование. И хотя соучастие и помощь грузинского правительства были несомненны, внешне все обстояло лояльно, и я ввиду общего критического положения вынужден был признать объяснения грузин удовлетворительными и возобновить с ними прерванные переговоры...

¹⁷ «Зеленая книга» Вороновича.

Кончился 1919 год.

Год, отмеченный для нас блестящими победами и величайшими испытаниями... Кончился цикл стратегических операций, поднявших линию нашего фронта до Орла и опустивших ее к Дону... Подвиг, самоотвержение, кровь павших и живых, военная слава частей — все светлые стороны вооруженной борьбы поблекнут отныне под мертвящей печатью неудачи...

* * *

Осенью 1919 года с особенной остротой встал вопрос о дальнейшем существовании Особого совещания...

Я не предполагал производить перемен до реорганизации всей структуры правительства...

Временным председателем Особого совещания стал другой мой помощник, генерал Лукомский, исполнявший эту должность летом во время отсутствия генерала Драгомирова. Заместителем председателя был назначен В. Н. Челищев.

В этот переходный период круги, близкие к Совету государственного объединения, и правый сектор Особого совещания выдвигали усиленно положение, что главою нового правительства должно быть непременно лицо гражданское... Подразумевался А. В. Кривошеин...

Особое совещание и с ним целый период жизни противобольшевистского Юга отошли в прошлое. Судить нас будет история...

Отступление продолжалось. Всякие расчеты, планы, комбинации разбивались о стихию. Стратегия давно уже перестала играть роль самодовлеющего двигателя операций. Психология массы довлела всецело над людьми и событиями.

4 марта я отдал директиву об отводе войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех переправ. Фактически переправа кубанских и донских частей началась еще 3-го и закончилась 4-го. 5-го перешел на левый берег Кубани и Добровольческий корпус после упорных боев с сильной советской конницей, пополненной восставшими кубанцами. Донесения отмечали доблесть славных «добровольцев» и рисовали такие эпические картины, что, казалось, оживало наше прошлое...

Вопрос об эвакуации за границу в случае преждевременного падения Крыма представлялся чрезвычайно деликатным: поставленный прямо союзникам, он мог бы повлиять на готовность их продолжать материальное снабжение армии; брошенный в массу — он мог бы подорвать импульс к продолжению борьбы...

* * *

Положение главнокомандующего в то время было необыкновенно трудным. Рушился фронт, разлагался тыл, нарастали симптомы надвигающейся катастрофы.

Глубокие трещины, легшие между главным командованием и казачьими верхами, не были засыпаны...

И привлечение барона Врангеля к новой деятельности, и оставление его не у дел одинаково вызывали крупные осложнения...

Одесса пала, Новороссия была очищена нами, и генерал Шиллинг со штабом и гражданским управлением переехал в Крым. Нагромождение на маленькой территории многочисленной власти являлось совершенно излишним; поэтому 28 января назначение Врангеля было отменено. Барон Врангель и его спутник генерал Шатилов подали рапорты об увольнении их в отставку «по болезни». Рапорты эти были мною обычным порядком переданы в штаб для исполнения. Оба генерала отбыли в Крым «на покой»...

* * *

В крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий (до 22 градусов), наши части, так же как и советские, были мало способны к позиционной войне. Поэтому Слащев отвел свой корпус за перешейки, занимая их только сторожевым охранением, и, сосредоточив крупные резервы, оборонял Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боев¹⁸, разбивая советские части и преследуя их, Слащев трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение...

В Черноморском флоте давно уже было неблагоприятно. Нигде в армии не существовало такого разлада,

¹⁸ Особенно 12, 17, 23 января и 11, 26, 29 февраля.

нигде безвременье не оставило таких глубоких следов, как в морской среде...

Со времени падения Одессы и появления в Севастополе генерала Врангеля начинается борьба за возглавление им военной и гражданской власти в Крыму. В течение ближайшей недели между Севастополем — Джанкоем — Тихорецкой идет нервная переписка и переговоры, а в самом Крыму царит необычайное возбуждение...

Обстановка, в которой мне приходилось работать последние месяцы, была, таким образом, необычайно сложна и тягостна.

Главной своей опорой я считал «добровольцев».

С ними я начал борьбу и шел вместе по бранному пути, деля невзгоды, печали и радости первых походов. С ними кровно и неразрывно связывал я судьбу всего движения и свое дальнейшее участие в нем. Я верил, что тяжкие испытания, ниспосланные нам судьбою, потрясут мысль и совесть людей, послужат к духовному обновлению армии, к очищению белой идеи от насадившей на нее грязи.

Я верил в «добровольцев» и с ними мог идти дальше по тернистой дороге к цели заветной, далекой, но не безнадежной...

* * *

Ко времени отхода фронта за Кубань вопрос о дальнейших перспективах армии приобретал чрезвычайно серьезное значение. В соответствии с решением моим — в случае неудачи на линии р. Кубани отводить войска в Крым — принят был ряд мер: усиленно снабжалась новая главная база в Феодосии; с января было приступлено к организации продовольственных баз на Черноморском побережье, в том числе плавучих — для портов, к которым могли бы отходить войска; спешно заканчивалась разгрузка Новороссийска от беженского элемента, больных и раненых путем эвакуации их за границу...

7 марта я отдал последнюю свою директиву на Кавказском театре: Кубанской армии, бросившей уже рубеж р. Белой, удерживаться на р. Курге; Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию р. Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя

кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу — от Темрюка ¹⁹...

10 марта зеленые подняли восстание в Анапе и Гостогоаевской станице и захватили эти пункты. Действия нашей конницы против зеленых были нерешительны и безрезультатны. В тот же день большевики, отбросив слабую часть, прикрывавшую Варениковскую переправу, перешли через Кубань. Днем конные части их появились у Гостогоаевской, а с вечера от переправы в направлении на Анапу двигались уже колонны неприятельской пехоты. Повторенное 11-го числа наступление конницы генералов Барбовича, Чеснокова и Дьякова на Гостогоаевскую и Анапу было еще менее энергично и успеха не имело.

Пути на Тамань были отрезаны...

И 11 марта Добровольческий корпус, два Донских и присоединившаяся к ним Кубанская дивизия без директивы под легким напором противника сосредоточились в районе ст. Крымская, направляясь всей своей сплошной массой на Новороссийск.

Катастрофа становилась неизбежной и неотвратимой...

Армии катились от Кубани к Новороссийску слишком быстро, а на рейде стояло слишком мало судов...

В бухте мирно стояли два французских миноносца, по-видимому не знавшие обстановки. Мы подошли к ним. В рупор была передана моя просьба:

— Новороссийск эвакуирован. Главнокомандующий просит вас взять на борт сколько возможно из числа остающихся на берегу людей...

На берегу у пристаней толпился народ. Люди сидели на своих пожитках, разбивали банки с консервами, разогревали их, грелись сами у разведенных тут же костров. Это бросившие оружие — те, которые не искали уже выхода...

Очертания Новороссийска выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?..

Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя вдаль... в прошлое.

Такое тяжелое, такое мучительное...

Рухнуло государственное образование Юга, и осколки его, разбросанные далеко, катились от Каспия до Черного моря, увлекая людские волны. Рухнул оплот,

¹⁹ При отступлении за Кубань корпус не прикрыл ее.

прикрывавший с севера эфемерные «государства», неустанно подтачивавшие силы Юга, и разительно ясно обнаружилась вся немощность и нежизнеспособность их... В несколько дней пала «Черноморская республика» зеленых, не более недели просуществовал «Союз горских народов», вскоре сметен был и Азербайджан. Наступал черед Грузинской республики, бытие которой по соображениям общей политики допускалось советской властью еще некоторое время.

На маленьком Крымском полуострове сосредоточилось все, что осталось от Вооруженных сил Юга.

Армия, ставшая под непосредственное мое командование, сведена была в три корпуса (Крымский, Добровольческий, Донской), сводную кавалерийскую дивизию и сводную Кубанскую бригаду. Все остальные части, команды, штабы и учреждения, собравшиеся в Крым со всей бывшей территории Юга, подлежали расформированию, причем весь боеспособный личный состав их пошел на укомплектование действующих войск. Крымский корпус силою около 5 тыс. по-прежнему прикрывал перешейки. Керченский район обеспечивался от высадки со стороны Тамани сводным отрядом в 1¹/₂ тыс.²⁰ Все прочие части расположены были в резерве на отдых; Добровольческий корпус — в районе Севастополя — Симферополя, донцы — в окрестностях Евпатории.

Ставку я расположил временно в тихой Феодосии, вдали от кипящего страстями Севастополя.

Ближайшая задача, возложенная на армию, заключалась в обороне Крыма.

Армия насчитывала в своих рядах 35—40 тыс. бойцов, имела на вооружении 100 орудий и до 500 пулеметов. Но была потрясена морально, и войска, прибывшие из Новороссийска, лишены были материальной части, лошадей, обозов и артиллерии...

Я считал невозможным изменить свое решение и ставить судьбы Юга в зависимость от временных, меняющихся, как мне казалось, настроений. Генералу Драгомирову я ответил:

«Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами

²⁰ Сводная Кубанская бригада, сводная Алексеевская бригада, Корниловская юнкерская школа.

Сидориным и Слащевым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от Военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и Армия будут ввергнуты в анархию.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но если донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации».

В тот же день получена мною в ответ телеграмма генерала Драгомирова:

«Высшие начальники, до командиров корпусов включительно, единогласно остановились на кандидатуре генерала Врангеля. Во избежание трений в общем собрании означенные начальники просят Вас прислать ко времени открытия общего собрания, к 18 часам, Ваш приказ о назначении без ссылки на избрание Военным советом».

Я приказал справиться, был ли генерал Врангель на этом заседании и известно ли ему об этом постановлении, и, получив утвердительный ответ, отдал свой последний приказ Вооруженным силам Юга:

«§ 1

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

§ 2

Всем шедшим честно со мною в тяжелой борьбе—низкий поклон.

Господи, дай победу Армии и спаси Россию.

Генерал Деникин».

* * *

В этот вечер я с семьей и детьми генерала Корнилова перешел на английское госпитальное судно, а на другой день на дредноуте «Мальборо» мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неизбывную скорбь.

Брюссель. 1926 год

Н. Ф. Бугай. Предисловие	3
[От автора]	21
Из тома первого: КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. <i>Февраль — сентябрь 1917 года</i>	22
Из тома второго: БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. <i>Август 1917 — апрель 1918 года</i>	77
Из тома третьего: БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОРЬБА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ. <i>Май — октябрь 1918 года</i>	112
Из тома четвертого: ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЮГА РОССИИ	162
Из тома пятого: ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЮГА РОССИИ	186

Деникин А. И.
Д33 Очерки русской смуты/Предисл. Н. Ф. Бугая.— М.: Мысль, 1991.— 205, [2] с.
ISBN 5-244-00634-7

Книга представляет собой краткое выборочное изложение пятитомных воспоминаний генерала А. И. Деникина «Очерки русской смуты». Современному читателю интересны мысли крупного военачальника, одного из лидеров русской контрреволюции, об обществе, в котором он жил, об армии, о политике отношении к народам в многонациональном государстве, об Октябрьской революции 1917 г. и о гражданской войне. Книга рассчитана на широкие читательские круги.

0503020400-095
Д 004(01)-91 Без объявл.

ББК 63.3(2)712

Мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН

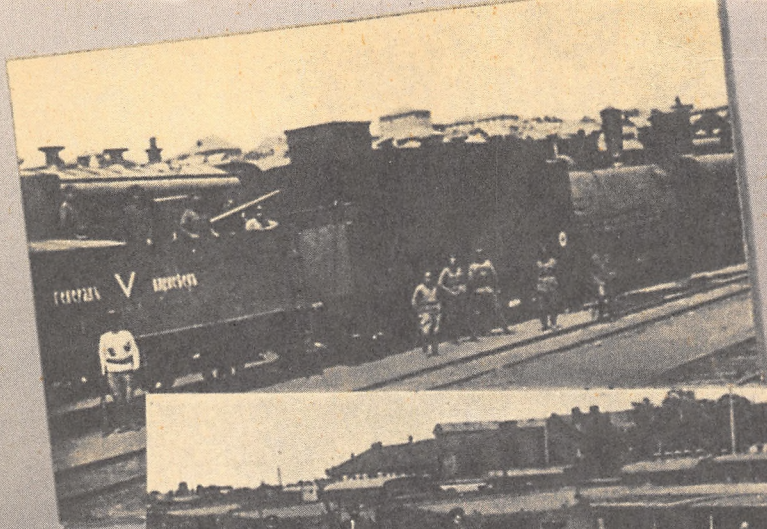
Очерки русской смуты

Редактор Ю. В. Соколова
Оформление художника В. И. Харламова
Художественный редактор И. А. Дутов
Технический редактор Ж. М. Голубева
Корректор Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 18.01.91. Подписано в печать 24.04.91. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 10,92. Усл. кр.-отт. 11,58. Учетно-издательских листов 11,37. Тираж 50 000. Заказ 1986. Цена 5 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

Очерки русской
аушты

Уздательство
«Мир»